

Ю. И. Семенов

ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ ФИЛОСОФИИ

Книга 6

Трудная судьба философии
диалектического материализма
(*конец XIX – начало XXI в.*)

URSS

МОСКВА

Семенов Юрий Иванович

Введение в науку философии. Кн. 6: Трудная судьба философии диалектического материализма (конец XIX – начало XXI в.).

М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 224 с.

В заключительной, шестой книге цикла «Введение в науку философии», носящей название «Трудная судьба философии диалектического материализма», кратко рассматривается история этой философской системы, возникновение которой завершило крупнейший переворот в развитии мировой философской мысли, начатый трудами Г. В. Ф. Гегеля. В настоящее время диалектический материализм — единственная философия, которая представляет собой науку. Все остальные концепции, претендующие на статус философских, представляют собой либо парафилософию, либо лжефилософию. Вся немарксистская философия находится в состоянии все более и более углубляющегося кризиса. Но существуют серьезные причины, всегда препятствовавшие и до сих пор препятствующие диалектическому материализму в получении всеобщего признания. Одна из них заключается в том, что эта философия возникла как часть марксизма — идеологии общественных сил, враждебных капитализму; а капитализм и сейчас господствует почти повсеместно на земном шаре. Другая причина — недостаточная разработанность этой философской системы, обусловленная рядом объективных факторов, достаточно подробно рассмотренных в данной книге.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 14. Зак. № ВУ-21.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

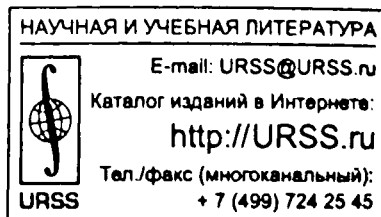
ISBN 978-5-397-03838-6

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013

13503 ID 168424

9 785397 038386

Содержание

Глава 1

Марксистская философия и немарксистская западная философия и общественная наука 5

1. Ситуация в немарксистской философии на Западе после возникновения диалектического материализма 7
2. Марксизм и западная общественная наука 28

Глава 2

Диалектический материализм в марксистской и квазимарксистской литературе в период от возникновения до 1917 г. 39

1. Диалектический материализм на Западе во второй половине XIX – начале XX в. 41
2. Диалектический материализм в России до 1917 г. 51

Глава 3

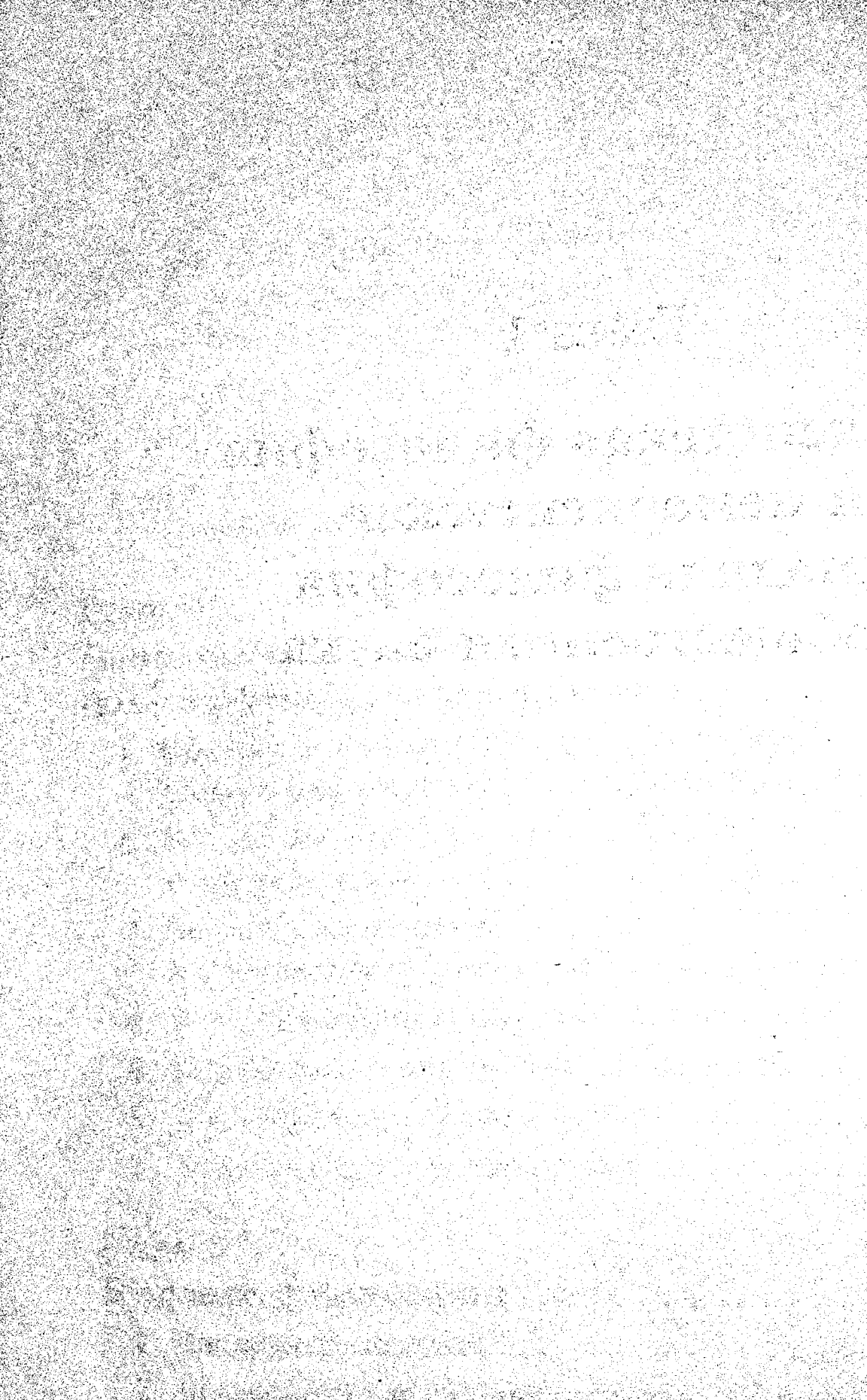
Диалектический материализм в марксистской и квазимарксистской литературе в СССР и на Западе в 1917–1985 гг. 63

1. Диалектический материализм в СССР в 20-х гг. XX в. 65

2. Диалектический материализм в международном коммунистическом движении в 20-х – начале 30-х гг.	73
3. Диалектический материализм в СССР в 30–50-х гг. XX в.	85
4. Диалектический материализм в СССР во второй половине XX в.	99
 Глава 4	
Современное состояние философской мысли в России	119
1. Поворот от старого (псевдомарксистского) догматизма к новому (антимарксистскому)	121
2. Внедрение новых философских кумиров и его результаты	128
3. Борьба с марксизмом и марксистской философией	151
4. В. А. Лекторский <i>versus</i> теория отражения	159
5. Теория отражения снова пробивает себе дорогу	167
6. А марксизм все равно живет	175
7. «Опасные друзья» марксизма	180
 Глава 5	
Будущее философии	195
1. Вводные замечания	197
2. Выдающиеся естествоиспытатели XX в. в борьбе за материализм и теорию отражения	199
3. Будущее — за диалектическим материализмом	214
 Именной указатель	219

Глава 1

Марксистская философия и немарксистская западная философия и общественная наука

1. Ситуация в немарксистской философии на Западе после возникновения диалектического материализма

До возникновения диалектического материализма не только неизбежным, но и необходимым для развития философской мысли было существование идеализма. Многие открытия в философии могли быть сделаны только в рамках этого течения, но не натурматериализма. С возникновением диалектического материализма объективная необходимость в идеализме отпала. Он перестал быть нужным для прогресса философской мысли. Излишними стали и прежние формы материализма. Дальнейшая эволюция философии как науки в идеале должна была бы пойти как развитие диалектического материализма. И если после его возникновения продолжали появляться и исчезать различные философские системы, то причина, за редким исключением, заключается в том, что философия всегда представляла и сейчас представляет собой не только науку, но и идеологию (см.: V.1.4.6)¹.

¹ При ссылке на иные разделы данной книги вначале указывается номер главы, а затем раздела. При ссылке на другие книги цикла указаны римскими цифрами номер книги и арабскими — номер главы и раздела.

Возникновение диалектического материализма было завершением крутого перелома в развитии западноевропейской философии Нового времени, а тем самым в истории философии вообще, начало которому было положено трудами великого немецкого мыслителя Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831). Он состоял в радикальном изменении предмета философии: философия стала наукой о разумном мышлении, диалектикой. Но таковой стала лишь марксистская философия. Поэтому только она одна и оказалась способной к дальнейшему восходящему развитию. Все остальные философские системы — как оставшиеся от прошлого, так и вновь возникшие — эту способность либо утратили, либо никогда ею и не обладали.

Существование такого перелома нашло свое наглядное выражение в принимаемом многими историками философии подразделении западноевропейской философии Нового времени на классическую и неклассическую. Классическую философию обычно заканчивают системами Г. Гегеля и Людвига Андреаса Фейербаха (1804–1872). Это в значительной степени верно. Возникновение диалектического материализма было одновременно и завершением развития классической философии, и выходом за ее пределы. Именно это событие проложило грань между классической и неклассической философией. Классическая западноевропейская философия Нового времени суть философия домарксистская, неклассическая философия — постмарксистская.

Коренное отличие классической западноевропейской философии от неклассической заключается в том, что развитие первой состояло в постановке и решении важнейших философских проблем, представляло собой каскад крупнейших философских открытий. Такое развитие было

возможно потому, что каждая новая система вбирала в себя все ценное, что заключалось в предшествующих и сосуществующих с ней философских учениях. С появлением диалектического материализма дальнейшее движение философской мысли стало немислимо без усвоения сделанных им открытий.

Но это было невозможно в силу идеологических причин. Диалектический материализм возник как составная часть более широкого учения, которое принято называть марксизмом. Марксизм включал в себя наряду с философией теорию капиталистической экономики и учение, в котором говорилось о неизбежности и необходимости пролетарской революции, в результате которой будет уничтожен капитализм и построено новое, бесклассовое коммунистическое общество. В силу этого он был неприемлем и для господствующего класса, и для интеллектуальной элиты капиталистического общества.

«Учение Маркса, — писал Владимир Ильич Ленин (1870–1924) в 1913 г., — вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде „вредной секты“. Иного отношения нельзя и ждать, ибо „беспристрастной“ социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но вся казенная и либеральная наука защищает наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную борьбу этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»².

² Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40.

Представим себе ситуацию, которая возникла бы, если бы подавляющее большинство ученых отказалось принять учение Коперника и продолжало вплоть до наших дней усердно разрабатывать систему Птолемея. Ясно, что астрономическая, и не только астрономическая, наука в таком случае оказалась бы в полном тупике. Что-то очень похожее произошло в истории западноевропейской философии второй половины XIX – XX в. Подавляющее большинство философов и теоретически, и практически почти полностью игнорировало открытия, сделанные диалектическим материализмом. И не только диалектическим материализмом.

Как уже отмечалось в первой книге цикла (I.8.1), для всей западноевропейской неклассической философии крайне характерным является полный нигилизм по отношению ко всему предшествующему развитию философской мысли. К уже приведенным в ней высказываниям можно добавить еще одно, принадлежащее одному из основоположников логического позитивизма Рудольфу Карнапу (1891–1970). «Неумолимый приговор новой логики, — писал последний, — гласит: все прежние философские системы, связаны ли они с именами Платона, Фомы Аквинского, Канта, Шеллинга или Гегеля, а также новая „метафизика бытия“ или „философия наук о духе“ не только ложны с точки зрения содержания, но логически несостоятельны, а поэтому бессмысленны»³.

И — на что хотелось бы обратить особое внимание — одной из наиболее отвергаемых философских систем прошлого является та, которая положила начало перевороту в этой области знания, завершеному марксиз-

³ Карнап Р. Старая и новая логика // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М., 2006. С. 106.

мом, а именно философия Гегеля. В первой книге цикла уже приводились уничижительные оценки гегельянства иррационалистом Артуром Шопенгауэром (1788–1860). Но не отставали от него и философы XX в. — и неопозитивисты, и постпозитивисты. Логический позитивист Ханс (Ганс) Рейхенбах (1891–1953), например, категорически утверждал, что философию Гегеля «можно изучать как прообраз того, какой не должна быть философия»⁴. Особенно неприязненно относился он к диалектике, которую расценивал как свидетельство полной некомпетентности Гегеля в проблемах логики и естественных наук.

Нелучшим было отношение к Гегелю постпозитивиста Карла Раймунда Поппера (1902–1994). «Успех Гегеля, — писал он, — положил начало „веку нечестности“ (как характеризовал период немецкого идеализма А. Шопенгауэр) или „эре безответственности“ (как К. Хайден назвал век современного тоталитаризма) — сначала интеллектуальной, а потом, как следствие, и моральной безответственности, новой эре, подчиняющейся магии высокопарных слов и силе жаргона»⁵. «Для того, чтобы предостеречь читателя от серьезного восприятия напыщенного и мистифицирующего жаргона Гегеля, — продолжал К. Поппер, — я процитирую некоторые поразительные отрывки из его сочинений...»⁶ Приведя их, К. Поппер завершает свою филиппику фразой: «Возникает вопрос, обманывал ли Гегель сам себя, загнипнотизированный собственным возвышенным жаргоном, или он нагло пытался обмануть и запутать других. Я склоняюсь

⁴ *Reichenbach H.* Der Austsieg der wissenschaftlichen Philosophie. Berlin-Grunwald, 1951. S. 82.

⁵ *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 37.

⁶ Там же.

ко второму предположению»⁷. И наконец общий вывод: «Что же касается Гегеля, я даже не думаю, что он — талантливый философ. Но несомненно, что он совершенно неудобоваримый писатель. Как вынуждены признать даже самые его ревностные сторонники, стиль его работ „безусловно скандален“. Что же касается их содержания, оно превосходно только выдающимся отсутствием оригинальности. В работах Гегеля нет ничего, чего не было бы гораздо лучше сказано до него. В его апологетическом методе нет ничего такого, что не было бы сказано другими апологетами до него. Гегель, хотя и без всякого блеска, освятил эти заимствованные мысли единым намерением и подчинил их единой цели: борьбе против открытого общества и служению своему работодателю — Фридриху Вильгельму III Прусскому»⁸. Этот приговор, который был вынесен К. Поппером Гегелю, является его приговором самому себе. Человек, который не понимает и не хочет понять великое значение философских открытий Гегеля, никаким философом не является: ни хорошим, ни плохим. В философии он — пустое место.

Результатом рассмотренного выше нигилизма было прекращение развития немарксистской философии. Она оказалась совершенно неспособной к прогрессу. В ее истории наблюдалось и наблюдается либо топтание на месте (все формы немарксистского материализма, почти весь более или менее последовательный идеализм), либо воскрешение давно отживших учений (неотомизм), либо явная деградация (все виды иррационализма, весь первый, второй и отчасти третий позитивизм, постпозитивизм Т. Куна и П. Фейерабенда, постструктурализм и вообще вся

⁷ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 37.

⁸ Там же. С. 41.

так называемая философия постмодерна), либо в самом лучшем случае выявление, но, увы, никак не решение новых гносеологических проблем, поставленных развитием естественных наук, прежде всего вопроса о соотношении эмпирического и теоретического знания (некоторые представители второго позитивизма, неопозитивизма и постпозитивизма). Ни к каким новым открытиям постмарксистская философия оказалось совершенно не способна. В самом лучшем случае речь может идти лишь о некоторых уточнениях.

Напомню приведенное еще в первой книге цикла (I.1.3) высказывание видного отечественного специалиста по «философии науки» Александра Леонидовича Никифорова о результатах более чем полувековой деятельности К. Поппера в области философии. Считая последнего выдающимся мыслителем, одним из самых великих, если не самым великим философом XX в., А. Л. Никифоров вынужден был честно признать, что этот человек абсолютно никакого вклада в философию не внес, что вся его работа в области теории познания и логики прошла впустую. Добавлю к этому, что все им написанное об обществе и истории — еще хуже.

Современная немарксистская философия не только оказалась полностью неспособной к каким бы то ни было открытиям. Характерной чертой ее эволюции явился отказ от большинства, если не от всех прежних открытий. На смену каскаду великих открытий, которыми было ознаменовано развитие домарксистской философии Нового времени, пришла черед постоянных закрытий. Закрывались, объявлялись псевдопроблемами великие вопросы, решением которых занималась вся предшествующая философия, происходило полное игнорирование

предложенных ею решений этих проблем. Кончилось время философских революций, началась пора бесконечных контрреволюций.

Как уже было показано в первой книге цикла, нигилистическое отношение к достижениям предшествующей философской мысли было характерно для всех постмарксистских систем, начиная с иррационализма и «первого» позитивизма и заканчивая постмодернизмом. Вся постмарксистская философия перестала быть научной и тем самым перестала быть философией. Она вся стала парафилософией, а в значительной степени и просто лжефилософией. Немарксистской философии сейчас нет и быть не может. За философию выдаются всевозможные парафилософские и лжефилософские построения.

Как уже указывалось в первой книге цикла, некоторые наши философы, в частности А. Л. Никифоров, всеми силами стараются доказать, что философия — не наука. И у них есть для этого основания. Они неправы в отношении философии в целом, но совершенно правы в отношении всей современной немарксистской философии. Она действительно никакая не наука. Не является наукой и все то, чем занимаются эти люди.

Эти же наши философы категорически выступают против признания вопроса об отношении между миром и сознанием основным для философии. Важнейший их аргумент — ссылка на то, что большинство, если не все современные философы этой проблемой вообще не занимаются. Это действительно так, но обусловлено такое положение вещей тем, что это их большинство занимается чем угодно, но только не реальным философским исследованием. Они не подлинные философы, а в лучшем случае парафилософы, в худшем же — лжефилософы.

1. Немарксистская философия и диалектический материализм

Кризис, который переживает немарксистская философия, является частью общего кризиса духовной жизни буржуазного общества. Это настолько общеизвестно, об этом столько написано, что нет необходимости это доказывать. Напомню лишь, что одним из первых, если не первым на Западе об этом заговорил иррационалист Фридрих Ницше (1844–1900) в работах, содержание которых красноречиво свидетельствовало, что по крайней мере в этом отношении он был совершенно прав. Этот кризис непрерывно разрастается, втягивая в себя все большее число сфер духовной жизни буржуазного общества.

Как уже было показано в первой части пятой книги цикла (V.1.5.5), он охватил немарксистские общественные науки: экономическую, социологическую, политическую, этнологическую. Это выразилось в том, что они лишились теории и тем самым перестали быть науками в точном смысле слова: ведь научное знание — это прежде всего теоретическое знание. Дошло до того, что некоторые авторы начали провозглашать конец всякой науки, включая и естествознание.

В этом отношении показательна книга не какого-то там мракобеса и мистика, а ученого и писателя, сотрудника прекрасного журнала «Сайентифик америкэн» Джона Хоргана «Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки»⁹. Книга основана на интервью с целым рядом крупных специалистов. Автор прав, когда речь идет о западной философии и общественных науках. Но вряд ли можно согласиться с ним, когда он распространяет свои выводы и на естествознание. Но нельзя

⁹ Хорган Дж. Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. СПб., 1996.

не видеть, что широчайшая коммерциализация науки пагубно сказывается и на нем.

Но в конкретных науках, даже когда в них исчезает теория, все-таки происходит какое-то движение вперед: накапливается новый фактический материал. Иное дело — философия. У нее нет своего собственного эмпирического базиса. Для нее исчезновение теории означает гибель. И недаром сейчас все чаще и чаще говорят о конце, о смерти философии. И она действительно умерла. Бытие современной немарксистской философии есть ее загробное существование. Философия всегда была прежде всего теорией познания. А человеческое познание есть прежде всего мышление. Спрашивается, как можно назвать философией взгляды людей, которые не только начисто отвергают разум, но еще и гордятся этим. Достаточно вспомнить название последней книги постпозитивиста Пола (Пауля) Фейерабенда (1924–1994) «Прощай, разум» (1987, рус. перевод: М., 2000). И автор не ограничивается призывом: он мастерски его воплощает в жизнь. Шедевры, вышедшие из-под его пера, действительно могли быть созданы только человеком, окончательно и навсегда распрощавшимся с разумом. И если бы дело было лишь в нем. При всем желании ни малейшего признака разума невозможно обнаружить и во многих трудах корифеев западной так называемой философской мысли. Не отстают и нынешние наши их почитатели (см.: 1.2).

Видный представитель аналитической философии Ричард Рорти (1931–2007) с восторгом провозгласил о некоей революции в философии, которую совершили три «наиболее важных» философа XX в. — Витгенштейн, Хайдеггер и Дьюи. Как пишет он, суть этого переворота заключается в том, что они «отбросили» теорию позна-

ния, эпистемологию. Как особо подчеркивает Р. Рорти, они не просто подвергли критике существующие теории познания и предложили взамен им свои собственные теории — они заявили о необходимости отказа от какой бы то ни было теории познания, отказа от эпистемологии вообще.

Сам Р. Рорти с положением об окончательной и бесповоротной смерти эпистемологии полностью согласен. «Эта книга, — пишет он на первых страницах своего сочинения „Философия и зеркало природы“, — представляет собой обзор развития последних философских исследований, особенно в области аналитической философии, с точки зрения антикартезианской и антикантианской революции, которую я только что описал. Цель книги заключается в том, чтобы подорвать доверие читателя к „уму“ как к чему-то такому, по поводу чего нужно иметь „философский“ взгляд, к „познанию“ как к чему-то такому, о чем должна быть теория и что имеет „основания“, а также к „философии“ как она воспринималась со времен Канта»¹⁰.

Описанный выше переворот, который произошел в действительности, был, конечно, не революцией в философии, а самой настоящей контрреволюцией. Он нашел многих сторонников. Заметим, что положение о смерти теории познания, то есть собственно философии как науки, выдвинуто не критиками сложившегося в области философии положения, а его апологетами. Отказавшись от теории познания, люди, которые продолжали считать себя философами, лихорадочно стали искать, чем им теперь заняться.

Один из современных отечественных философов, стоящих на позициях творческого марксизма, доктор фило-

¹⁰ Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С. 5.

софских наук Лев Константинович Науменко совершенно справедливо говорит об «убогой жалкой роли», которую играет сегодняшняя философия как на Западе, так и на Востоке, об ее полной духовной нищете. «Наиболее злостное проявление нищеты философии, — пишет он, — утрата ею своего четко очерченного предмета. Другой лик этой нищеты — угодливый редукционизм, выражающийся в подмене этого предмета любым другим. Одни сводят философию к нелепому бастарду от случки философии с естествознанием, отводя ей роль служанки последнего, „обобщающей“ его достижения (целая философская дисциплина в СССР именовалась „философские вопросы естествознания“). В таком случае философия осуждена следовать не в авангарде, а в арьергарде науки, в обозе. Другие сводят ее к формальной логике, третьи — к математике, четвертые — к психологии, пятые — к физиологии, шестые — к лингвистике, седьмые — к богословию, восьмые — к особому виду творчества, очень близкому и по содержанию, и по форме к искусству (Ницше, например)»¹¹.

Многие наши философы с восторгом пишут о «лингвистическом повороте», который произошел в первой половине XX в. в философии. Такой поворот действительно имел место. Но ликовать по его поводу вряд ли имеет смысл. Ведь это был поворот в точном смысле слова: философия, вместо того чтобы двигаться вперед, по магистральному пути, свернула в сторону и пошла по дороге, которая никуда, кроме тупика, привести не может. Все это наглядно можно видеть на примере неопозитивизма, крах которого признан всеми, что, впрочем, не мешает многим нашим философам продолжать пропагандировать

¹¹ Науменко Л. К. Эвальд Ильенков и мировая философия // Вопросы философии (далее — ВФ). 2005. № 5. С. 135.

1. Немарксистская философия и диалектический материализм

его в многочисленных учебниках и хрестоматиях по «философии науки».

Главным понятием философии как теории познания всегда являлась категория истины. Она тоже еще с середины XIX в. была поставлена под сомнение, но далеко не всеми постмарксистскими философами. Первые позитивисты ставили вопрос и об истине, и о познании истины. Не отвергали прямо понятие истины и неопозитивисты, и первый представитель постпозитивизма К. Поппер. Хотя последний считал истину недостижимой. Но, как уже отмечалось в первой части пятой книги цикла (V.1.2.10), у последующих постпозитивистов — Томаса Сэмюэла Куна (1922–1996), Стивена Эделстона Тулмина (1922–2009), Имре Лакатоса (Лакатоша) (1922–1974), Пола Фейерабенда (1924–1994) — понятие истины полностью исчезает.

Предела падения современная философия достигла в так называемой философии постмодернизма. Некоторые из постмодернистов считают, что о какой-либо философии постмодерна говорить не приходится. Ее не существует. И они правы. Действительно, все, что преподносится под маркой постмодернистской философии, не обладает даже видимостью философии. Это просто-напросто треп, брехня, белиберда. Как уже говорилось в первой книге цикла (I.1.2), представители этой, с позволения сказать, философии не в состоянии даже отличить всерьез написанные ими опусы от злейших пародий на эти произведения.

Так как вся бредовость и никчемность этой философии достаточно хорошо показана в труде двух уже упоминавшихся в первой книге (I.1.2) физиков-теоретиков Алена Сокала и Жана Брикмона «Модная бессмыслица. Критика современной философии постмодерна» (в русском переводе: «Интеллектуальные уловки. Критика со-

временной философии постмодерна»¹²) и книге доктора философских наук, профессора Ивана Аршаковича Гобозова «Кому нужна такая философия?!»¹³, то я больше касаться ее не буду. Рыться в гниющем, дурно пахнущем хламе — занятие из числа не слишком приятных. Ограничусь лишь минимумом.

Самой крупной фигурой среди философов-постмодернистов считается Жак Деррида (1930–2004) — автор огромного числа работ. Но все они не стоят и ломаного гроша.

Известный английский писатель, математик, обладатель степени по философии Тринити-колледжа Дублинского университета Пол Стретерн в книге «Деррида за 90 минут» приводит название эссе этого автора «Двойное дно преднастоящего» и кусок текста следующего содержания: «Следовательно, экспроприация осуществляется не только посредством зашифрованного сжатия голоса, разновидностью пауз, расставляющих акценты, или скорее убирающих оси из него или на него; экспроприация — это и *внутриголосовая* операция». Далее следует довольно едкий комментарий П. Стретерна: «Но отдельные цитаты не могут дать настоящего представления о том, как далеко Деррида умудряется зайти в стараниях лишить свой текст какого бы то ни было значения и смысла. Любая попытка придать тексту толкование заранее обречена на провал. Мало того, с точки зрения автора толкование вообще не может принести ничего хорошего»¹⁴.

¹² Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002.

¹³ Гобозов И.А. Кому нужна такая философия?! От поиска истины к постмодернистскому трепу. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011.

¹⁴ Стретерн П. Деррида за 90 минут. М., 2005. С. 67.

После смерти Ж. Деррида отечественный философ Наталья Сергеевна Автономова написала огромный некролог, сопровождавшийся ее же послесловием к последнему его интервью. Чего только там не сказано: и о защите им философии, и о его мировой славе, и о величайшем вкладе, который им сделан. Отсутствует лишь одно: а в чем именно заключается его вклад в философию и науку, что, собственно, он открыл, чем обогатил человеческую мысль?¹⁵ И понятно почему — сказать-то нечего.

Прекрасная общая характеристика философии постмодерна была дана уже известным нам Л. К. Науменко: «Оставьте в стороне рекламные приемчики, жестикуляцию стиля, намеренные и тонко рассчитанные непристойности, балаганный эпатаж и прочий „экслюзив“ постмодернизма — все, чем с давних пор пользуются зазывалы, снимите конфетную обертку. Внутри — самая суть. Какова она? Очень скоро поймете: вас зазывают в анатомический театр. Войди и увидишь: выпотрошенные трупы, вывернутые наружу „секреты“, изнанка всех традиционных истин и ценностей, хаос разъятых органов, распавшихся форм — Герника философии и эстетики индивидуализма, последний акт его всемирно-исторической драмы, ее Эпилог. Воистину *Theatrum philosophicum* — анатомический театр философии. Нет, не „философский театр“, даже не исповедь. Это — театр смерти, гибели иллюзий индивидуализма, его посмертная анатомия. Вытравив „наше“, умертвили и „мое“. Кривляющийся, помигивающий, „подначивающий“ стиль, вывернутые словечки, двусмысленности новояза, детские страшилки, мнимо мудреные, мозгодробительные парадоксы, ловко камуфлированные софизмы,

¹⁵ См.: Автономова Н. С. Памяти Жака Деррида // ВФ. 2005. № 4. С. 130–132, 142–144.

симуляция мысли, извилистая, пресмыкающаяся логика... Здесь вы не найдете „ясности и отчетливости“, благородной простоты классики. Здесь простота обряжается в сложность, здесь ряженая, „превращенная“ простота. И все же она есть. Во всей поблескивающей неоновыми огоньками, обманчивой, мишурной, калейдоскопической сложности прячется простая мысль. Хаос слов и образов сам собой выстраивается в текст, в фосфоресцирующую надпись: „Оставь надежду всяк сюда входящий“. Но можно прочесть этот текст еще и так: „Мне отмщение, и аз воздам“¹⁶.

Менее эмоциональную, но ничуть не менее объективную оценку постмодернистской философии дал известный политолог и историк Борис Юльевич Кагарлицкий. «Суть модернизма, — пишет он, — в замене теории „дискурсом“. Философствование уже не ставит перед собой не только цели изменения мира, но даже не претендует на то, чтобы понять мир. Вместо того чтобы понять мир, нам предлагается поговорить о нем. Причем, как и в светском салоне, любой вариант болтовни (нарратив, дискурс) равноценен при соблюдении двух условий. Во-первых, он не должен содержать обобщения (тотализацию), иными словами, ничего не должен объяснять. Во-вторых, он должен быть изящен — полон литературных аллюзий, ссылок на прошлые „нарративы“ и „дискурсы“, в нем должны быть жонглирование терминами, комбинации образов, идей и цитат. Как и положено светской болтовне, заполняющей бессмысленное времяпрепровождение свидетелей „конца истории“¹⁷.

¹⁶ Науменко Л. К. «Наше» или «мое»? Марксизм и постмодернизм // Альтернативы. 2008. № 3. С. 32–33.

¹⁷ Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм. Введение в социальную и политическую теорию. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012. С. 302.

Единственное, что дает основание называть современную немарксистскую философию не лжефилософией, а все же парафилософией, — это наличие у нее социальных корней. Дело здесь не только и не столько в субъективных качествах ее творцов, в частности обычной человеческой глупости, стремлении выделиться, заработать, сколько в сложившейся ситуации. Кризисное состояние духовной жизни современного капиталистического общества имеет своей основой кризис всего этого общества в целом. Оно обречено, впереди его ждет только гибель¹⁸.

Чтобы продлить существование этого общества, его господствующий класс должен держать в неведении все основное его население, без конца лгать. Этому классу страшна правда. Поэтому нужно искоренить понятие истины, стереть грань между истиной и заблуждением. Этим и занимаются современные философы буржуазии. Они подводят идейную базу под распространение всех видов мракобесия, убивают всякую свободную критическую мысль, уничтожают способность людей самостоятельно мыслить, приучают людей слепо верить буржуазным средствам массовой информации. К нонверитизму (к отрицанию истины) толкает современных западных философов и их собственное положение. Они, в силу тупика, существующего в области их деятельности, в принципе не в состоянии искать и находить истину, в принципе неспособны создавать несущие истину труды. Нонверитизм дает им оправдание: они неспособны искать истину не в силу того, что стоят на глубоко ошибочных идейных позициях, а потому, что никакой истины и быть не может.

¹⁸ Подробно об этом см.: Семенов Ю. И. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003. С. 509–658.

Могут сказать, что, например, среди философов-пост-модернистов немало людей, считающих себя левыми. Суть дела от этого не меняется. Важно не то, что человек говорит и даже думает о себе, а то, что он делает. А на деле все они выполняют социальный заказ современной буржуазии.

«В тот час, когда суеверие, мракобесие и националистический и религиозный фанатизм чувствуют себя замечательно, — пишут А. Сокал и Ж. Брикмон, — по крайней мере безответственно обращаться с легкостью с тем, что исторически было единственным заслоном перед этим безумием, а именно рациональное мировоззрение. Содействии мракобесию наверняка не является задачей постмодернистских авторов, но оно является неизбежным следствием их деятельности»¹⁹.

Могут сказать, что нарисованная выше картина положения философской мысли обусловлена предвзятостью автора, который, как он сам признает, является убежденным марксистом. Но приведу мнения о современном положении дел в философии тех людей, которые в целом находятся на антимарксистских позициях.

«Я не думаю, что современная философия действительно новаторская и великая, — говорит известная западная специалистка Агнесс Хеллер. — Всегда есть философы, потому всегда есть люди, которые любят размышлять и любят размышлять ради размышления, и любят рассуждать о мире, и им это доставляет удовольствие. Таким образом, философия есть, даже если мы не рассматриваем их как профессионалов, которые преподают философию и которые учат будущих преподавателей и т. д. Но существует ли новаторская философия — это другой

¹⁹ Сокал А., Брикмон Ж. Указ. соч. С. 169.

вопрос. Я не думаю, что она существует, я думаю, что современная философия в значительной степени выхолощена, и я бы не сказала, что сегодня это неудача или недостаток. Времена действительно не благоволят к философии, они не предлагают достаточно пищи для большой философии. Но если эти времена воспринимаются всерьез, то философия подобна трагедии... Может быть, наш период войдет в хроники философии двумя-тремя страницами как неудачный период»²⁰.

«Современная западная философия, как известно, насквозь пронизана эсхатологическими мотивами: хлеб апокалипсиса уже давно здесь философский хлеб насущный, — пишет научный сотрудник Бостонского университета Елена Гурко. — Можно спорить, кто ввел то, что Жак Деррида называет „апокалиптическим тоном в философии“, — сам ли Деррида, или Хайдеггер, либо еще раньше, Ницше, Маркс или Кант. Вполне очевидно, однако, что идеи конца философии и философствования прижились здесь всерьез и надолго. Но конец ведь еще не смерть, замечает Деррида в своих „Призраках Маркса“. То, что стало столь модным в современной философии, — это похороны философии, со всеми полагающимися данному случаю аксессуарами — поминанием, погребальным звоном, призраками и чувством невозвратимой утраты»²¹.

Еще резче выражается Карен Араевич Свасьян, ярый поклонник Ф. Ницше и О. Шпенглера, живущий и работающий сейчас в Швейцарии.

²⁰ Интервью с Агнесс Хеллер // ВФ. 2001. № 5. С. 163–164.

²¹ Гурко Е. Н. «Философология» Давида Зильбермана // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. 1960–1980-е годы. М., 1999. С. 670–671.

«Важно понять, — пишет он, — что философия в своей истории, от первых греков до последних немцев, — это не форум для кого попало, а строжайшая и жесточайшая селекция... Гете говорит где-то (вслед за Гоцци) о том, что существует всего тридцать шесть трагических ситуаций. Можно было бы насчитать по аналогии и число философских проблем. Так вот, чтобы стать философом, нужно войти в силовое поле этих проблем. А чтобы остаться в философии (не быть забракованным), надо уметь мыслить эти проблемы должным образом („на разрыв аорты“). Так это и было до приблизительно последней трети XIX в. К концу века, а в ряде случаев и раньше, проблемное поле философии начинает деформироваться... В первой половине XX в. философствуют еще по инерции девятнадцатого: Гуссерль, Хайдеггер, Бергсон, Кассирер, Шелер, Клагес — это все еще XIX в. Потом начинается деформация, что значит: философы начинают выдумывать сюжеты за пределами „тридцати шести“ топосов. Философия деформируется — с одной стороны, в позитивизме, не видящем в классической философии ничего, кроме „болезни языка“, с другой, в философах вроде Хайдеггера, льющих воду на мельницу этого диагноза. Необратимым процесс становится уже после Второй мировой войны, с превращением немецкой философии в служанку французской и английской (такое вот продолжение Нюрнбергского процесса другими средствами). Это и определяет проблему сегодняшнего существования философии. А проблема в том, что ее просто не существует. А не существует потому, что у ней просто отшибло память... На кого же похожи современные, с позволения сказать, философы, все эти Хоркхеймеры, Хабермасы, Деррида, Рорти и Слотердайки? Боюсь, что они ни на что

не похожи. Наверное, говоря их же излюбленным термином, речь идет о симулякрах, т. е. копиях, у которых нет оригинала. Надо знать оригинал, чтобы осознать всю абсурдность ситуации... Провалу предшествовала тяжелая болезнь. К концу XIX в. западная философия — сплошная рана... После Первой мировой войны в философском сознании образуется брешь, черная дыра, обморок, беспомощность, сначала дающее себя знать время от времени, а позже (после Второй мировой войны) наступающее окончательно. Спросите сегодняшних почитателей постмодерна, понимают ли они, о чем речь, и вы увидите воочию обморок и беспомощность, о которых я говорю. Поймите меня правильно. Это не критика и не вкусовое суждение. Я просто констатирую факт. Прежде, чтобы стать философом, нужно было тщательно и мучительно осваивать исконные проблемы философии („тридцать шесть трагических ситуаций“). Сегодня философом может стать первый попавшийся проходимец, способностей которого только и хватает на то, чтобы ловко играть понятиями (Гуссерль жаловался в свое время, что философы переставляют понятия, как игроки переставляют карты или шахматные фигуры). В эпоху взбесившегося либерализма ведь все могут все»²².

В заключение — мнение Александра Моисеевича Пятигорского (1929–2009), эмигрировавшего из СССР еще в 1974 г. и работавшего профессором Лондонского университета: «Я не люблю Фейербаха, он был плохой философ, но он был — философ. Он пытался не совсем бездарно переиначить Гегеля. И что-то получалось даже интересное. Ну потом он с ума сошел. Но ведь, скажем, Тейяр

²² Цит.: Медовников Д., Механик А. Прививка от невегласия // Эксперт. 2007. № 14. С. 60–62.

де Шарден — просто не философ. Слушайте, философом считался Маркузе. Но это же все зайцы в поле смеются. Да мало ли кто. Если нынешние ревнители благочестия серьезно, допустим, считают философом Карсавина... Кошмар! Талантливый человек, но никакого отношения к философии не имеет. Я все-таки думаю, XX в. — эра плохих философов, эра невыразимой вульгаризации философии»²³.

2. Марксизм и западная общественная наука

Сказанное выше отнюдь не означает, что марксизм вообще не был принят во внимание буржуазной общественной наукой. Масштаб открытий, сделанных Карлом Марксом (1818–1883) и Фридрихом Энгельсом (1820–1895) в этой области, был столь велик, что полностью пройти мимо них буржуазные ученые-обществоведы не могли. Нет необходимости останавливаться на развернувшейся с середины XIX в. критике марксизма, на многочисленных попытках его опровергнуть. Марксизм не только и не просто критиковали. Если даже его в целом отвергали, то определенные, отдельные его идеи принимали и использовали. Чем больше проходило времени, тем с большим уважением относились ученые к экономическому учению К. Маркса. Как уже говорилось в первой книге цикла (I.8.3), подавляющее большинство современных западных экономистов считают К. Маркса одним из величайших специалистов в этой области знания.

²³ Пятигорский А. «Пределом допустимого для Лотмана был я» // Новая русская книга. 2002. № 1. С. 6.

Огромное влияние на развитие западной обществоведческой мысли оказало материалистическое понимание истины.

К мысли о том, что экономика играет важнейшую роль в истории, пришли во второй половине XIX в. многие историки. Это направление, которое принято называть историко-экономическим, или просто экономическим («экономизмом»), получило самое широкое распространение в исторической науке Германии, Франции, Великобритании, России. Более того, на рубеже XIX и XX вв. оно стало ведущим, что признавали как его поборники, так и его противники.

В 1903 г. известный историк, будущий академик Евгений Викторович Тарле (1875–1955) в статье «Чем объясняется современный интерес к экономической истории» писал: «Никто не будет спорить, что в настоящее время ни одной стороной исторического процесса так не интересуются, как именно историей социально-хозяйственной. Притом интерес этот как в весьма широких (особенно в Германии) слоях читающего общества, так и среди ученого мира. Можно сказать, что последние 30–35 лет создали почти не существовавшую прежде отрасль исторической науки — хозяйственную историю: можно сказать также, что, кроме социально-экономической истории, никакая другая особенно не интересуется последнее время большинство не специалистов»²⁴.

Одни из историков прямо заявляли о том, что экономический фактор является определяющим в истории. Их с полным правом можно назвать экономическими детерминистами. К числу их прежде всего относится англий-

²⁴ Тарле Е. В. Чем объясняется современный интерес к экономической истории // Вестник и библиотека самообразования. 1903. № 17. Стлб. 739.

ский историк Джеймс Торольд Роджерс (1823–1890), перу которого принадлежат такие выдающиеся работы, как «История земледелия и цен в Англии» (Т. 1–8, 1866–1888), «История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX в.» (1884), «Экономическая интерпретация истории» (1888), «Индустриальная и коммерческая история Англии» (1891).

«Труды, подобные предпринятому мною, — писал он в предисловии к первому тому „Истории земледелия и цен в Англии“, — весьма существенны для экономической интерпретации истории, которая, я смело берусь утверждать это, имеет первостепенное значение для понимания прошедшего, все равно, идет ли речь о юридических древностях, дипломатических интригах или военных походах. Немного можно насчитать таких событий в истории, на которые не был бы пролит яркий свет с помощью фактов, составляющих предмет изучения одних лишь экономистов»²⁵.

Отстаивая важную или даже решающую роль экономики, часть сторонников историко-экономического направления одновременно выступала с критикой марксистского материалистического понимания истории. Для некоторых из них это был способ отвести от себя обвинение в сочувствии марксистским идеям преобразования общества. Другие сторонники «экономизма» в конце концов пришли к пониманию огромной ценности исторического материализма.

Е. В. Тарле в уже упоминавшейся выше статье дал высокую оценку марксову материалистическому пониманию истории. «Как философская система, — писал он, — исторический материализм далеко не всегда может быть

²⁵ Rogers J. E. T. A History of Agriculture and Prices in England. Vol. 1. Oxford, 1866. P. VI.

(при состоянии нынешних исторических знаний) проведен со всей последовательностью и доказательностью, но, как метод, он дал и продолжает давать весьма плодотворные результаты... ученые же, даже не разделяющие материалистического воззрения, приучились отчасти под влиянием этого течения с особым вниманием относиться к пренебрегавшейся ими до тех пор хозяйственной истории»²⁶. А во вводной части курса по всеобщей истории, опубликованного под названием «Всеобщая история (Очерк развития философии истории)», выдающийся историк довольно решительно защищал материалистическое понимание истории от различного рода обвинений²⁷.

Последние десятилетия характеризуются растущим вниманием ученых-обществоведов ведущих капиталистических стран к материалистическому пониманию истории. Особенно оно популярно среди этнологов (социальных антропологов) и археологов. В странах дальнего зарубежья только за последние 30 лет опубликовано несколько десятков монографий и сборников (не говоря уже об отдельных статьях в периодических изданиях), посвященных использованию исторического материализма в этнологии (социальной антропологии) и археологии. Достаточно назвать монографии: Г. Маркус «Марксизм и антропология: Понятие „человеческой сущности“ в философии Маркса» (1978), А. Палерм «Антропология и марксизм» (Мексико Сити, 1980), Дж. У. Уэссман «Антропология и марксизм» (Нью-Йорк, 1981), М. Блох «Марксизм и антропология» (Оксфорд, 1983), Р. Макгвир «Марксистская археология» (Лондон, 1992), Д. Донхэм «История, власть,

²⁶ *Тарле Е. В.* Чем объясняется современный интерес... Стлб. 741.

²⁷ См.: *Тарле Е. В.* Всеобщая история (Очерк развития философии истории). СПб., 1908. С. 90–102.

идеология: Центральные проблемы марксизма и антропологии» (Беркли, 1999); сборники: «Марксистский анализ и социальная антропология» (Лондон, 1975), «Производственные отношения. Марксистский подход в антропологии» (Лондон, 1978), «По направлению к марксистской антропологии. Проблемы и перспективы» (Гаага, 1979), «Марксистские перспективы в археологии» (Кембридж, 1984), «Перспективы в марксистской антропологии в США» (Нью-Йорк, 1987), «Диалектическая антропология» (Гейнсвилл, 1992), «Марксистский подход в экономической антропологии» (Лэнхэм, 1992)²⁸. Работ такого рода в западной науке так много, что в издаваемых в Пало Альто (США) «Ежегодных обзорах антропологии» уже появились три обзорные статьи, содержащие обширную библиографию: «Марксистский подход в антропологии» (Т. 4, 1975), «Материалистический подход к преистории» (Т. 10, 1981), «Маркс и антропология» (Т. 26, 1997)²⁹.

²⁸ *Markus G.* Marxism and Anthropology: The Concept «Human Essence» in Philosophy of Marx. 1978; *Palerm A.* Antropologia y Marksismo. Mexico City, 1980; *Wessman J. W.* Anthropology and Marxism. New York, 1981; *Bloch M.* Marxism and Anthropology: The History of Relationship. Oxford, 1983; *McGuire R. H.* A Marxist Archaeology. London, 1992; *Donham D. L.* History, Power, Ideology: Central Issues in Marxism and Anthropology. Berkeley, 1999; *Marxist Analysis and Social Anthropology.* Ed. by M. Bloch. London, 1975; *Relations of Production: Marxist Approach to Economic Anthropology.* Ed. by D. Seddon. London, 1978; *Toward a Marxist Anthropology. Problems and Perspectives.* Ed. by S. Diamond. The Hague, 1979; *Marxist Perspectives in Archaeology.* Ed. by M. Spriggs. Cambridge, 1984; *Perspectives in US Marxist Anthropology.* Ed. by D. Hakken and H. Lessinger. New York, 1987; *Dialectical Anthropology. Essays in Honor of S. Diamond.* Vols. 1–2. Gainesville, 1992; *Marxist Approach in Economic Anthropology.* Lanham, 1992.

²⁹ *O'Laughlin B.* Marxist Approach in Anthropology // Annual Review of Anthropology (далее — ARA). Vol. 4. 1975; *Kohl P. L.* Materialist Approaches in Prehistory // ARA. Vol. 10. 1981; *Roseberry W.* Marx and Anthropology // ARA. Vol. 26. 1997.

Высоко оценивают материалистическое понимание истории многие видные западные историки, не принадлежащие к числу марксистов. «Марксизм, — писал выдающийся французский историк, один из основателей школы „Анналов“ Фернан Бродель (1902–1985), — содержит в себе целый ряд моделей социальных явлений... Гений Маркса, секрет силы его мысли состоит в том, что он первый сконструировал действительные социальные модели, основанные на длительной исторической перспективе»³⁰.

Известный американский историк Бернард Бейлин в 1982 г. в своем обращении в качестве президента Американской исторической ассоциации к ежегодному ее собранию говорил: «Разумеется, марксисты создали могучее средство для упорядочения материала в исторических трудах. Какими бы не были их слабости, историки-марксисты искали — именно искали — позади всех обстоятельств и случайностей усилия и достижения человечества и сводили вместе самые разнообразные материалы в единую непротиворечивую картину, которая показывала, как настоящее вырастает из прошлого. Они выделяли лежащие в основе силы, которые как прямо, так и через „доминирующие идеологии“ формировали живые человеческие функции, и стремились объединить базисные силы и структуры социальной и культурной жизни во всеобъемлющую схему, которая концентрировала внимание на критических переходах. Взгляд с позиций марксизма остается мощной силой в осознании прошлого, каков бы ни был подход к истории...»³¹

³⁰ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая действительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 139.

³¹ Bailyн В. The Challenge of Modern Historiography // The American Historical Review. 1982. Vol. 87. № 1. P. 5–6.

Английский историк Джон Тош в книге «Погоня за историей. Цели, методы и новые направления в изучении современной истории» (3rd edn. 2000; рус. перевод под названием «Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка». М., 2000) в главе «История и социальная теория» характеризует материалистическое понимание истории как наилучшую социальную теорию из всех ныне существующих. И далее почти всю главу он посвящает изложению основных положений исторического материализма.

«Мой продолжительный анализ марксистской исторической теории, — пишет в заключение Дж. Тош, — некоторые читатели могут расценить как субъективную приверженность автора вышедшему из моды радикализму. Разве марксизм не оказался на свалке истории теперь, после 1989 г., когда во всем мире сохранились лишь островки марксистских режимов, а международное коммунистическое движение потерпело полный крах?.. Сейчас еще рано утверждать, какими будут долгосрочные последствия сдвига 1989–1999 гг. в интеллектуальном плане, но сразу по двум причинам можно предположить, что марксизм вряд ли удастся быстро списать со счетов. Во-первых, большинство историков-марксистов мало интересовались возможным влиянием их работы на политический процесс в прошлом и настоящем, придерживаясь мнения о минимальной связи между исторической теорией Маркса и его революционно-политическим учением. Во-вторых, нынешнее враждебное отношение, как бы велико оно ни было, не изменит того факта, что марксизм оказал совершенно беспрецедентное воздействие на историческую науку и в качественном, и в количественном смысле. Эта теория не имеет равных по широте охвата и уровню научной проработки. Пока историки признают

необходимость теории, они будут обращаться к марксистской традиции. Обоснованность этого прогноза станет совершенно бесспорной, если мы учтем сравнительную теоретическую бедность других направлений истории»³².

Уже известный нам К. Поппер в работе «Открытое общество и его враги» (1945; 1966) не мог не признать огромного вклада К. Маркса в развитие науки об обществе. «...Его труды, — писал он, — не пропали даром. Он на многое открыл нам глаза и обострил наше зрение. Возвращение к домарксистской общественной науке уже немыслимо. Все современные исследователи проблем социальной философии обязаны Марксу, даже если они этого не осознают. Это особенно верно для тех, кто не согласен с его теориями, как, например, я»³³.

«Сегодня мы сталкиваемся с парадоксом, — пишет американский социолог Норман Бирнбаум, — никогда прежде марксизм не оказывал такого сильного воздействия на буржуазную социологию... никогда прежде он не подвергался столь широкому анализу, критике и обсуждению. Совершенно неоправданные запреты политического характера, тормозившие развитие марксистской социологии (как, впрочем, и всей критической марксистской мысли) в обществах государственного социализма, начинают терять свою силу. Набирает силу международная дискуссия по вопросам марксизма, охватившая уже пространство от Лондона, Парижа, Франкфурта и Милана до Загреба, Будапешта, Праги и Варшавы»³⁴.

³² Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 211.

³³ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 98.

³⁴ Бирнбаум Н. Кризис в марксистской социологии // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1994. С. 94.

Другой современный социолог, один из создателей концепции постиндустриального общества Даниел Белл (1919–2011) в предисловии к русскому переводу своей книги «Грядущее постиндустриальное общество» (первое английское издание — 1973) писал: «Я подвергся нападкам советских идеологов, потому что они считали, что я — антимарксист. Но я вовсе не антимарксист. Как может ученый-социолог быть антимарксистом? Многие в марксистском анализе социальных и производственных структур сохранило свое значение и вошло в современные теории, как и результаты любых глубоких концептуальных обобщений. Я бы скорее назвал себя постмарксистом в том смысле, что воспринял достаточно много марксистских представлений о социуме. Как я уже когда-то писал, марксистский анализ дает поразительно точную картину капиталистического общества в период между 1950-м и 1970-м годами»³⁵.

И в заключение приведу высказывание мексиканского историка Карлоса Антонио Агирре Рохаса. «...Рассматривая общий ландшафт современных общественных наук, — писал он, — становится ясно, что несмотря на нескончаемые заявления о конце марксизма, который был похоронен десятки раз, чтобы возродиться вновь с еще большей жизненной силой, все они остаются зависимыми от этого наследия и носят на себе отпечаток первоначального марксизма и разных традиций марксизма XX века, поскольку в них наличествуют проявления критической мысли и инновации в разных областях социального анализа»³⁶.

³⁵ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. ХСІ.

³⁶ Рохас К. А. А. Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М., 2008. С. 69–70.

Но все это относится ко взглядам К. Маркса и Ф. Энгельса на общество, к созданному ими материалистическому пониманию истории. Что же касается философии марксизма в целом, диалектического материализма, то его и не понимали и категорически не принимали. Неловко и даже смешно читать то, что пишут люди, считающие себя специалистами в области философии, о диалектическом материализме. Вот, например, что мы узнаем о нем из книги известного польско-швейцарского философа, декана философского факультета, затем ректора Фрайбургского университета Юзефа Марии Бохеньского (1902–1995): «**Материализм диалектический.** Одно из самых удивительных суеверий, входящих в состав марксизма-ленинизма. Диалектический материализм, по сути дела, представляет собой соединение взглядов двух философов, выдвигавших противоречащие друг другу тезисы. Речь идет об Аристотеле и Гегеле. Понимание „материализма“ в диамате имеет мало общего с материализмом в общепринятом смысле, но содержит основные положения философии Аристотеля: о субстанциях, неизменных сущностях, независимой от сознания действительности, о том, что моральные ценности абсолютны, существуют за пределами истории и т. д. Слово „диалектический“ означает, что диалектический материализм признает философию Гегеля, которая отрицает субстанцию, постоянные сущности, независимую от духа действительность, а моральные ценности считает изменчивыми и т. д. Лишь недостатком образования, отличавшим создателя диалектического материализма Энгельса, можно объяснить соединение этих взаимоисключающих взглядов»³⁷.

³⁷ Бохеньский Ю. Сто суеверий. Краткий философский словарь пред-
рассудков. М., 1993. С. 93–94.

Комментарии излишни. Остается только гадать: имеем ли мы здесь дело с простой человеческой глупостью и невежеством или с сознательной клеветой?

Пожалуй, из всех современных западных мыслителей к пониманию значения марксизма в целом, включая его философское учение, в духовном развитии человечества ближе всего подошел Збигнев Бжезинский. Последний — ярый антикоммунист, но этот антикоммунизм не лишил его (в отличие от многих наших доморощенных антикоммунистов) способности мыслить здраво и объективно. «Марксизм, — писал он, — представляет собой новый, исключительно важный этап в становлении человеческого мировоззрения. Марксизм означает победу активно относящегося к внешнему миру человека над пассивным, созерцательным человеком и в то же время победу разума над верой... Марксизм ставит на первое место систематическое и строго научное изучение действительности, также как и руководство действием, вытекающим из этого изучения»³⁸. Но вполне понятно, никакой попытки использования диалектического материализма мы у З. Бжезинского не находим.

Но кроме немарксистской литературы, которая полностью пренебрегала диалектическим материализмом, была еще и марксистская. И важно выявить, какое место занимала марксистская философия в целом, то есть диалектический материализм, в трудах марксистов, живших и работавших в одно время с К. Марксом и Ф. Энгельсом и после них.

³⁸ *Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. New York, 1971. P. 73.*

Глава 2

Диалектический материализм в марксистской и квазимарксистской литературе в период от возникновения до 1917 г.

1. Диалектический материализм на Западе во второй половине XIX – начале XX в.

Как уже говорилось в первой книге цикла (I.8.2), К. Маркс и Ф. Энгельс, создав в общем и целом принципиально новую философскую систему, сколько-нибудь детально ее не разработали и нигде систематически ее не изложили. Из всех ближайших последователей К. Маркса и Ф. Энгельса на Западе только один занимался разработкой теории познания. Это Иосиф Дицген (1828–1888), работы которого знал К. Маркс. «Уже давно, — писал последний в 1868 г. в письме Л. Кугельману, — он (И. Дицген. — Ю. С.) прислал мне отрывок рукописи о „Способности мышления“ („Сущность головной работы человека“. — Ю. С.), который, несмотря на некоторую путаницу в понятиях и слишком частые повторения, содержит много превосходного и, как продукт самостоятельного мышления рабочего, даже достойного изумления»¹. «Вот значение Дицгена, — комментировал эти слова К. Маркса В. И. Ленин, — рабочий, самостоятельно пришедший к диалектическому

¹ Маркс К. Письмо Л. Кугельману 5 декабря 1968 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 482.

материализму, т. е. к философии Маркса»². Имея в виду слова К. Маркса о намерении изложить свою философию, содержащиеся в адресованном ему письме (1868), И. Дицген писал в работе «Философия социал-демократии» (1876): «Так как я со своей стороны опасаюсь, что нам еще долго остается ждать, пока Маркс обрадует нас обещанным трудом, и так как я с юных лет много и самостоятельно изучал этот предмет, то попытаюсь дать возможность пытливому уму познакомиться несколько с диалектической философией»³. Главные работы И. Дицгена: «Сущность головной работы человека» (1869), «Письма о логике» (1880–1884), «Экскурсии социалиста в область теории познания» (1886), «Аквизит философии» (1887) — до сих пор представляют немалый интерес.

Но И. Дицген был редким исключением. Подавляющее большинство видных марксистов занималось не столько теорией, сколько практическим делом — руководством борьбой рабочего класса и вообще партийной деятельностью. Когда же они обращались к теории, то в центре их внимания оказывались вопросы политики и политической экономии. Из всей же марксистской философии если их что-то и интересовало, то в основном только материалистическое понимание истории. По существу, все крупные философские труды марксистов конца XIX — начала XX в. посвящены почти исключительно историческому материализму: «Исторический материализм» Эдуарда Бернштейна (1850–1932), «Об историческом материализме» (1893) Франца Меринга (1846–1919), «К вопросу

² Ленин В. И. К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 117.

³ Дицген И. Философия социал-демократии // Избранные философские сочинения. М., 1941. С. 295.

о развитии монистического взгляда на историю» (1895) Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918), «Об историческом материализме» (1896) Антонио Лабриолы (1843–1904), «Экономический детерминизм Карла Маркса» (1909) Поля Лафарга (1842–1911), «Этика и материалистическое понимание истории» (1906) и «Материалистическое понимание истории» (Т. 1–2, 1927) Карла Каутского (1854–1938), «Марксова теория исторического процесса, общества и государства» (Т. 1–2, 1920–1921) Генриха Кунова (1862–1936), «Руководство по материалистическому пониманию истории» (Т. 1–2, 1931–1932) Макса Адлера (1873–1937).

В результате у многих как сторонников, так и противников марксизма нередко создавалось впечатление, что в марксистском учении отсутствует философия в привычном смысле слова, то есть теория познания и онтология. На то, что К. Марксом и Ф. Энгельсом была создана принципиально новая философская система, в лучшем случае не обращалось должного внимания, в худшем — бытие этой системы вообще не замечалось. Все основные открытия основоположников марксизма сводились к созданию теории прибавочной стоимости и материалистического понимания истории. «Материалистическое понимание истории и теория стоимости, — читаем мы, например, в статье „Что сделал для науки Маркс?“, написанной одним из ведущих теоретиков марксизма К. Каутским, — таковы две вершины марксизма»⁴. Могут сказать, что буквально то же самое было сказано Ф. Энгельсом и в речи

⁴ Каутский К. Что сделал для науки Маркс? // Карл Маркс: революционер, мыслитель, человек. 1883 – 14 марта 1923. Сб. статей. М., 1923. С. 96.

над могилой К. Маркса, и в некрологе⁵. Но не нужно при этом забывать, что свой «Анти-Дюринг» он начал с изложения марксистской философии, политическая экономия была рассмотрена лишь во втором отделе книги. Кстати сказать, и ленинский очерк учения К. Маркса тоже начинается с рассмотрения диалектического материализма⁶.

Характерное для западной социал-демократии пренебрежение марксистской философией было использовано людьми, которые встали на путь ревизии марксизма. Многие из них выступали с утверждением, что материалистическое понимание истории, по существу, никак не связано с материализмом в собственном смысле слова, то есть с философским материализмом. Оно представляет собой чистое социологическое учение, которое может вполне сочетаться с любой философской системой. Так, например, немецкий социал-демократ Якоб Штерн в статье «Экономический и натурфилософский материализм», опубликованной в центральном теоретическом органе Социал-демократической партии Германии — журнале «Нойе цайт», писал: «Натурфилософский материализм, представителями которого были: в Древней Греции — Демокрит и его школа, в XVIII столетии — энциклопедисты, в новейшее время — Карл Фогт, Людвиг Бюхнер и др., и экономический или исторический материализм Маркса и Энгельса, несмотря на сходство названий, представляют собой, однако, две совершенно различных теории и относятся к разным областям. В то время как натурфилософский

⁵ Энгельс Ф. набросок надгробной речи на могиле Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 348; Он же. Похороны Карла Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 350–351.

⁶ Ленин В. И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма) // Полн. собр. соч. Т. 26.

материализм занимается объяснением *природы*, специально останавливаясь на отношении духа к материи, задачей экономического материализма является объяснение *человеческой истории, ее явлений и процессов*»⁷.

Еще более категорично высказывался другой немецкий социал-демократ — Макс Цеттербаум. «Краузе, — писал он, — отрицает всякую связь между натурфилософским и историческим материализмом... Я совершенно согласен с этим взглядом Краузе; я всегда был того же мнения. На том названии, который получила наша теория, отразилось влияние чисто субъективных причин, созданных условиями времени... В действительности же никакой логической связи между обеими теориями не существует. Исследование имеет тут дело с совершенно разнородными элементами, которые нередко бывает трудно поставить в какое бы то ни было формальное отношение друг к другу, хотя бы даже в отношении противоположности... Натурфилософский материализм относится к области философии. А философия — если угодно: чистая философия — есть тот род познания, который стремится исследовать, что в конечном счете составляет сущность мира (хотя бы ответ на вопрос получился в духе агностицизма) и как осуществляется человеческий опыт. Натурфилософский материализм имеет определенный ответ на эти вопросы. Напротив, исторический материализм относится к области эмпирической науки. Эмпирическая наука, или просто наука, есть тот род познания, который в своих исследованиях принимает опытный мир за данное и исследует только его взаимоотношения, зависимости и изменения.

⁷ Штерн Я. Экономический и натурфилософский материализм // Исторический материализм. Сб. статей / Сост. и пер. С. Бронштейн (С. Семковский). СПб., 1908. С. 324.

Это именно и делает исторический материализм, который говорит лишь о характере зависимости между существующими историческими явлениями. Он представляет собой эмпирическую теорию, имеющую такое же методологическое значение для социальных наук, какое, напр., теория Ламарка—Дарвина для биологии или теория тяготения для физики и астрономии — и, подобно этим теориям, он абстрагирован только от специальной области исследования. О сущности бытия он говорит так же мало, как эти теории, как всякая эмпирически-научная теория вообще»⁸.

Но если даже материалистическое понимание истории философски нейтрально, то еще в большей степени это относится к марксистской политической экономии и концепции научного социализма. Выходило, что марксистом вполне мог быть человек, стоявший на идеалистической или агностической позициях.

Виднейший представитель ревизионизма конца XIX — начала XX в. Э. Бернштейн утверждал: «В выражении „материалистическое понимание истории“ заранее заключены все недоразумения, которые вообще связаны с понятием материализма. Философский или естественно-научный материализм вполне детерминистичен, чего нельзя сказать о материалистическом понимании истории»⁹. Поэтому он считает, что более правильным было бы называть марксистскую концепцию общественного развития не материалистическим, а экономическим пониманием истории¹⁰.

⁸ *Цеттербаум М.* К материалистическому пониманию истории // Исторический материализм. Сб. статей. С. 268–270.

⁹ *Бернштейн Э.* Исторический материализм. 2-е изд. СПб., 1901. С. 23–24.

¹⁰ Там же. С. 22–23.

Отделяя в марксизме чистую науку от прикладного знания, Э. Бернштейн называет в качестве главных составных частей этого учения «программу исторического материализма, учение о классовой борьбе (в зародыше содержащееся в этом учении) вообще и классовой борьбе между буржуазией и пролетариатом в частности — затем учение о прибавочной ценности с учением о способе производства в буржуазном обществе, основанные на нем тенденции развития этого общества...»¹¹ В этом, выражаясь словами Э. Бернштейна, «здании чистой науки марксизма» не нашлось места ни теории познания, ни методу, ни онтологии.

Однако полностью игнорировать диалектику было невозможно. Э. Бернштейн ищет и находит своеобразный выход из положения. Никакого собственного диалектического метода у К. Маркса и Ф. Энгельса нет и не было. Они просто использовали диалектику Гегеля, что имело самое пагубное влияние на их доктрину¹². «Ее (диалектики. — Ю. С.) „да, нет и нет, да“ вместо „да, да и нет, нет“, ее взаимные переходы противоположностей и превращение количества в качество и другие диалектические красоты, — пишет Э. Бернштейн, — всегда стояли препятствием ясному представлению о значении признанных изменений»¹³.

Как уверяет Бернштейн, Ф. Энгельс на закате своей жизни в определенной мере признал ошибочность целого ряда выводов, которые были сделаны им и К. Марксом в силу приверженности к диалектике. Однако он сам

¹¹ Бернштейн Э. Исторический материализм. 2-е изд. СПб., 1901. С. 6.

¹² Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма. СПб., 1902. С. 322.

¹³ Бернштейн Э. Исторический материализм... С. 44.

не предпринял связанную с этим признанием проверку теории. «Если бы он это сделал, — пишет Э. Бернштейн, — он должен был бы безусловно, если не открыто, то фактически порвать с гегелевской диалектикой. Она — предательский элемент в марксовой доктрине; она — ловушка, лежащая на пути всякого последовательно-правильного рассмотрения явлений. Но порвать с ней не мог или не хотел Энгельс»¹⁴. Этот шаг и сумел сделать Э. Бернштейн.

Вслед за диалектикой разделался Э. Бернштейн и с материализмом. Никакого марксистского материализма никогда не было. Существовал лишь естественно-научный материализм, суть которого состояла в признании абсолютного детерминизма. Но К. Маркс и Ф. Энгельс не были приверженцами абсолютного детерминизма. Поэтому если они и были материалистами, то весьма условными¹⁵. Чистый материализм столь же спиритуалистичен, как и чистый, или абсолютный, идеализм. Если они и отличаются, то лишь способами выражения¹⁶. «Кант, трансцендентальный идеалист, на самом деле был гораздо более последовательным реалистом, чем многие из защитников естественно-научного материализма»¹⁷. «...Социал-демократии, — провозглашает Э. Бернштейн, — нужен новый Кант, который направил бы оружие своей критики против устарелых взглядов, который доказал бы, в чем кажущийся материализм есть величайшая и поэтому наиболее сбивающаяся с пути идеология, — доказал бы, что презрение к идеалу, признание материальных факторов всемогущими силами развития есть самообман, всегда на деле

¹⁴ Бернштейн Э. Исторический материализм... С. 46.

¹⁵ Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма... С. 315.

¹⁶ Там же. С. 255–256.

¹⁷ Там же. С. 255.

признававшийся и признаваемый таковым теми, кто его проповедует»¹⁸. Таким образом, у Э. Бернштейна ничего не остается и от формально чтимого им материалистического понимания истории.

И старый Кант с его «вещью в себе» не устраивает Э. Бернштейна. Идеальной философией для него является не кантианский, а чистый, юмистский агностицизм, чистый феноменализм в его позитивистском варианте¹⁹.

Во многом сходные взгляды развивал видный представитель австромарксизма М. Адлер, стоявший на позициях идеализма и агностицизма. Его набор идей: не только «так называемое материалистическое понимание истории», но и марксизм в целом «не имеет по существу ничего общего с материализмом», Ф. Энгельс никогда не ставил вопрос о том, что первично: бытие или мышление; для него — это два элемента опыта, находящиеся в зависимости друг от друга, приписываемый Ф. Энгельсу «диалектический материализм есть не что иное, как „голый позитивизм“»²⁰. Подменял материализм кантианством и неокантианством и социал-демократ Карл Форлендер (1860–1928) в книге «Маркс и Кант» (1911), в статьях в «Нойе цайт» и других работах²¹.

К. Каутский, выступивший с критикой ревизионизма Э. Бернштейна, весьма примиренчески относился к попыткам подменить диалектический материализм неокантианством и позитивизмом. «... Во всяком случае, — писал

¹⁸ Бернштейн Э. Исторический материализм... С. 330.

¹⁹ Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма... С. 255–257.

²⁰ Адлер М. Энгельс как мыслитель. М.; Л., 1924. С. 86–90.

²¹ См.: Форлендер К. Маркс и Кант. Очерки этического социализма. М., 1969; Он же. Общедоступная история философия. М., 1922. С. 188–289.

он 22 мая 1898 г. Г. В. Плеханову, — я должен открыто заявить, что неокантианство смущает меня меньше всего. Я никогда не был силен в философии и, хотя я и стою целиком на точке зрения диалектического материализма, все-таки я думаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с кантианством...»²² Еще дальше сдвинулся он в этом направлении в вышедшем в 1927–1929 гг. двухтомном труде «Материалистическое понимание истории». «...Материалистическое понимание истории, — читаем мы в нем, — не связано с какой-нибудь материалистической философией. Оно совместимо со всяким мировоззрением, пользующимся методом диалектического материализма или, по меньшей мере, не находящимся в непримиримом противоречии с ним. При этом не важно, называет ли оно себя материализмом или борется с механистическим материализмом, предпочитает ли оно название реализма или монизма, позитивизма или сенсуализма, эмпиризма или эмпириокритицизма»²³.

И Э. Бернштейн, и М. Адлер не только утверждали, но сами, возможно, были искренне убеждены, что являются марксистами. Но были ли они ими в действительности? Ответ на этот вопрос зависит от ответа на другой вопрос, а именно: кого можно, а кого нельзя считать марксистом? Разобраться в этом не так просто — марксизм может быть практическим, а может быть теоретическим. Чтобы не уходить далеко, упростим постановку про-

²² *Каутский К.* Письмо Г. В. Плеханову 22 мая 1898 г. // Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сборник V. Борьба с философским ревизионизмом. М., 1938. С. 264.

²³ *Kautsky K.* Die materialistische Geschichtsauffassung. B. 1. Berlin, 1927. S. 82.

блемы: кого можно считать марксистом в области даже не всей теории, а в одной лишь философии. Ответ довольно ясен: нужно принимать панматериализм, который не может быть иным, кроме как историческим, прагматическим и диалектическим. Кто не диалектический материалист, тот не марксист в философии. Отсюда следует только один вывод: ни Я. Штерн, ни М. Цеттербаум, ни Э. Бернштейн, ни М. Адлер марксистами в философии не были. И возникает серьезное сомнение в марксизме К. Каутского, по меньшей мере в области философии.

В. И. Ленин, характеризуя положение, сложившееся в области философии в среде международной социал-демократии в начале XX в., писал: «Материализм, как философия, *везде у них в загоне*. „Neue Zeit“, самый выдержанный и знающий орган, равнодушен к философии, никогда не был ярым сторонником философского материализма, а последнее время печатал, без единой оговорки, эмпириокритиков... Все мещанские течения в социал-демократии воюют всего больше с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии»²⁴.

2. Диалектический материализм в России до 1917 г.

Марксизм стал проникать в Россию в последней трети XIX в. Одно из его направлений получило название «легального» марксизма. Его представители сразу встали на путь ревизии марксизма, прежде всего в области фило-

²⁴ Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому. 13.II.08 // Полн. собр. соч. Т. 47. С. 137–138.

софии. Самый крупный представитель «легального марксизма» Петр Бернгардович Струве (1870–1944) писал: «Мы не можем не признать, что чисто философское обоснование этого учения еще не дано и что оно еще не справилось с тем огромным материалом, который представляет всемирная история. Нужен, очевидно, пересмотр фактов с точки зрения новой теории, нужна критика теории на фактах. Быть может, многие односторонности и слишком поспешные обобщения будут оставлены»²⁵. Вначале П. Б. Струве пытался дополнить марксизм неокантианством, а затем полностью перешел на антимарксистские позиции.

Конечно, и в Западной Европе в конце XIX – начале XX в. далеко не все люди, считавшие себя марксистами, отрицали существование у марксизма своей собственной философии. Но внимание ей почти совсем не уделялось. Практически не предпринимались попытки не то чтобы разработать диалектический материализм, но даже более или менее систематически изложить. Исключением были И. Дицген и в определенной степени П. Лафарг²⁶.

В России философии марксизма уделялось значительно больше внимания. Более того, именно вокруг чисто философских проблем здесь развернулась ожесточенная борьба между сторонниками и противниками диалектического материализма.

Еще с конца XIX в. среди русской интеллигенции получил распространение «второй» позитивизм. Книги Рихарда Авенариуса (1843–1896), Эрнста Маха (1838–1916)

²⁵ Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. С. 46.

²⁶ См.: Лафарг П. Проблема познания // Лафарг П. Экономический детерминизм Карла Маркса. 2-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2007.

и их единомышленников постоянно издавались и переиздавались в России. После поражения революции 1905–1907 гг. махистское поветрие охватило и значительную часть социал-демократов, причем не только меньшевиков, но и большевиков. Немалая часть партийных публицистов выступила с пропагандой и обоснованием субъективного идеализма и агностицизма²⁷. При этом все они клялись, что всегда были и продолжают оставаться марксистами. Поэтому одна из задач, которая встала перед ними: любым способом совместить свою борьбу против марксистской философии со своими претензиями на верность марксизму. Одни из них утверждали, что основоположники марксизма всегда были скорее позитивистами, чем материалистами. Другие, ведя борьбу против материализма, уверяли, что критикуют лишь тот упрощенный материализм, который изложен в трудах Г. В. Плеханова и который, по существу, смыкается с прямой мистикой. Третьи, признавая, что К. Маркс и Ф. Энгельс действительно были материалистами, говорили об устарелости их философских воззрений. Как заявляли они, современная наука опровергла материализм, как раньше она показала несостоятельность идеализма. На основе новейших открытий естествознания возникла принципиально новая философия — философия современного естествознания, которая преодолела односторонность и идеализма, и материализма, поднялась выше их. И поэтому марксизм, чтобы быть на уровне современного человеческого знания, должен отказаться от безнадежно устаревшего материализма и принять в качестве своей философской осно-

²⁷ Вся эта ситуация детально рассмотрена в книге: *Володин А. И.* «Бой абсолютно неизбежен». Историко-философские очерки о книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». 2-е изд., доп. М., 1985.

вы принципиально новую философию, представляющую собой третью, никогда ранее не существовавшую линию в философии. Стараясь как-то замаскировать свою борьбу против материализма, русские махисты, выдавшие себя за марксистов, много писали о необходимости беспощадной критики идеализма.

В заявлении от редакции вышедшей в 1908 г. книги «Очерки по философии марксизма. Философский сборник», в которой были опубликованы работы семи русских махистов, говорилось, что все участники сборника являются сторонниками научного социализма, или марксизма. А дальше следовало: «Методы точной, или так называемой „положительной“, науки представляют существенный интерес для марксиста как такового. Все то, что в этих методах действительно прогрессивно — то есть действительно расширяет власть человека над внешней и социальной природой, — все это должно быть усвоено марксизмом, должно войти, как интегральная часть, в мирозерцание научного социализма. Отсюда вытекает вторая черта, общая все авторам сборника, намечающая исходный пункт их критики. Эта критика направлена, как увидит читатель, на два фронта: с одной стороны — против некоторых сторонников научного социализма, пытающихся закрепить в марксистской философии такие понятия или категории, которые, как сказал бы Маркс, „из форм развития мысли превратились в ее оковы“ — другими словами, не расширяют сферу человеческой власти над природой и обществом, но фиксируют ее на ступени, уже достигнутой и превзойденной познанием. С другой стороны, наша критика направлена, конечно, против *принципиальных* противников научной методологии, апеллирующих от „обанкротившегося“ разума к иным,

не разумным или — что то же — *сверхразумным* методам воздействия на природу и общество»²⁸.

Не буду заниматься критикой русских махистов, выдававших себя за марксистов. Это превосходно было сделано В. И. Лениным в труде «Материализм и эмпириокритицизм» (1908). Ограничусь одним его высказыванием: «Весь гвоздь в том, что наши махисты нечестные, подло-трусливые враги марксизма в философии»²⁹.

Демагогия марксистствующих русских махистов повлияла на многих социал-демократов России, включая большевиков. На позиции эмпириокритицизма, в частности, перешел считавший себя марксистом крупный российский, затем советский историк, член РСДРП с 1905 г. Михаил Николаевич Покровский (1868–1932). «„Наивный реалист“, — писал он в 1904 г., — искал „законы“ в природе, как ищут золотую руду в земле. Он был твердо убежден, что они, эти законы, существуют объективно, т. е. независимо от нашего сознания... Но мы теперь знаем, что в „действительности“ существует только хаос первичных ощущений — то, что мы выражаем словами белое, зеленое, горячее, кислое, твердое, мягкое и т. д.»³⁰. Оказал махизм влияние и на Иосифа Виссарионовича Сталина (наст. фам — Джугашвили) (1879–1953).

В середине 1906 г. в четырех номерах газеты «Ахвали Цховреба» («Новая жизнь») была опубликована его работа под названием «Анархизм или социализм? Диалек-

²⁸ От редакции // Очерки по философии марксизма. Философский сборник. М., 1910. С. 2.

²⁹ Ленин В. И. Письмо А. И. Ульяновой-Елизаровой 12. III. 09 // Полн. собр. соч. Т. 55. С. 280.

³⁰ Покровский М. Н. Идеализм и «законы истории» // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. 2-е изд. Т. 2. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012. С. 21–22.

тический материализм», другой ее вариант — «Анархизм или социализм?» — был напечатан в газетах «Ахали Дробеба» («Наше время») и «Чвени Цховреба» («Наша жизнь») в конце 1906 г. и в первой половине 1907 г. Автор, по-видимому, был уверен, что он излагает диалектический материализм.

Но вот что мы читаем в первом варианте: «Материалистическая теория Маркса в корне отрицает как дуализм, так и идеализм. Конечно, в мире действительно существуют идеальные и материальные явления, но это вовсе не означает того, что они будто бы отрицают друг друга. Наоборот, материальное и идеальное суть две различные формы одного и того же явления: они вместе существуют и вместе развиваются, между ними существует тесная связь. Стало быть, у нас нет никакого основания думать, что они друг друга отрицают. Таким образом так называемый дуализм в корне рушится. Единая и неделимая природа, выраженная в двух различных формах — в материальной и идеальной, — вот как надо смотреть на развитие природы. Единая и неделимая жизнь, выраженная в двух различных формах — в идеальной и материальной, — вот как нужно нам смотреть на развитие жизни. Таков монизм материалистической теории Маркса»³¹.

И еще одно место: «Согласно материализму Маркса, сознание и бытие, дух и материя — это две различные формы одного и того же явления, которое, вообще говоря, называется природой; следовательно, они не отрицают друг друга и вместе с тем не представляют собой одного

³¹ Сталин И. В. Анархизм или социализм? Диалектический материализм // Соч. Т. 1. С. 383.

и того же явления»³². Буквально то же самое повторяется во втором варианте³³.

Нетрудно заметить, что И. В. Сталин излагает здесь не материализм Маркса и вообще не материализм, а один из вариантов позитивизма, в основе которого лежит идея чего-то третьего, двумя формами проявления которого являются материальное и идеальное, материя и дух.

И поэтому совершенно неудивительно, что И. В. Сталин встретил книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», мягко выражаясь, без особого восторга, что нашло выражение в его письмах того времени. «Где корень этой „бури в стакане воды“, могущей превратиться в настоящую бурю? — писал он в одном из них.

В „философских“ разногласиях? В тактических? В вопросах организационной политики в отношении к „левым меньшевикам“ и т. д.? В „самолюбиях“ различных „я“?»³⁴ Далее он пишет о промахах, допущенных В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме».

В другом письме, имея в виду книгу Александра Александровича Богданова (1873–1928) «Вера и наука (о книге Вл. Ильина „Материализм и эмпириокритицизм“)", И. В. Сталин спрашивает адресата: «Как тебе понравилась новая книга Богданова? По-моему, некоторые отдельные промахи Ильича очень метко и правильно отмечены. Правильно также указание на то, что материализм Ильича

³² Сталин И. В. Анархизм или социализм? Диалектический материализм // Соч. Т. 1. С. 385.

³³ См.: Сталин И. В. Анархизм или социализм? // Соч. Т. 1. С. 313, 318, 327.

³⁴ Цит.: Готлобер Д., Узрюмов А., Шапкарин А. Важный этап борьбы за партию // Коммунист. 1962. № 1. С. 75 (со ссылкой на: ЦИЛ ИМЛ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 5225, л. 1).

во многом отличается от материализма Плеханова, что вопреки требованиям логики (в угоду дипломатии?) Ильич старается затушевать. В общем, я остаюсь при своем, что книга Ильича является единственной в своем роде сводкой положений по философии (гносеологии) материализма»³⁵.

И после знакомства с книгой В. И. Ленина И. В. Сталин продолжал придерживаться мнения, что в махизме есть и хорошие стороны. «Эмпириокритицизм, — пишет он, — несмотря на его хорошие стороны, в целом также неприемлем ввиду его запутывающего дело параллелизма. Надо остановиться на диалектическом материализме (не Плеханова, а Маркса—Энгельса), развивая его и конкретизируя в духе Дицгена, усваивая попутно хорошие стороны махизма»³⁶.

В. И. Ленин был не единственным среди российских марксистов сторонником диалектического материализма. С резкой критикой махистов еще раньше него выступал Г. В. Плеханов. Последний давно занимался проблемами не только исторического материализма, но и материалистической теории познания и диалектики. К проблемам не только материалистического понимания истории, но и философского учения марксизма обращались и его ученики — Любовь Исааковна Аксельрод (Ортодокс) (1868—1946) и Абрам Моисеевич Деборин (наст. фам. — Иоффе) (1881—1963). Г. В. Плеханов, возражая ревизионистам, специально подчеркивал, что у марксизма есть своя собственная философия, и этой философией

³⁵ Цит.: Готлобер Д., Уэрюмов А., Шапкарин А. Важный этап борьбы за партию // Коммунист. 1962. № 1. С. 75 (со ссылкой на: ЦПЛ ИМЛ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 5225, л. 1).

³⁶ Цит.: Там же (со ссылкой на: ЦПЛ ИМЛ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 5262, л. 21).

является диалектический материализм. Он настаивал, что тот, кто не придерживается материализма, не может быть настоящим марксистом. Философские труды Г. В. Плеханова высоко ценил В. И. Ленин. «...Уместным мне кажется заметить для молодых членов партии, — писал он в работе „Еще раз о профсоюзах“ (1921), — что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма»³⁷.

Но в подавляющем большинстве работы указанных российских марксистов были посвящены критике противников марксистской философии. Ее положения не столько разрабатывались, сколько обосновывались и защищались. Определенное исключение представляла работа А. М. Деборина «Введение в философию диалектического материализма» (1916). Но и она, вопреки надеждам, которые могло породить ее название, не содержала систематического изложения философии марксизма.

Однако самое, пожалуй, печальное заключалось в том, что все названные авторы, даже Г. В. Плеханов, в значительной степени излагали не столько диалектический, сколько домарксистский материализм, причем иногда даже не в фейербахианском, а в гольбаховском и даже бюхнеровском вариантах. Это выражалось, в частности, в принятии и защите «теории иероглифов» (см.: II.3.2). Как уже отмечалось выше, Э. Бернштейн считал, что суть любого материализма состоит в признании абсолютного детерминизма. Это неверно по отношению к диалектическому материализму, но в определенной степени верно по отно-

³⁷ Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах // Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

шению к тому материализму, который излагался в трудах трех названных выше авторов.

«...В основу учения Спинозы, — писала Л. И. Аксельрод, — положен строго проведенный принцип *механической причинности*. Полное же отрицание телеологии и безусловное признание прицепы механической причинности является *душой* материализма»³⁸. «...Наука, — вторил ей А. М. Деборин, — должна повсюду руководствоваться законом механической причинности, лежащей в основе всех материальных процессов и присущей самому объекту, а не навязанной ей субъектом»³⁹.

У Г. В. Плеханова подобного рода формулировок нет. Он признавал не только объективную необходимость, но и объективную же случайность. Но его понимание объективной необходимости было ближе не к диалектическому, каким оно было у Г. Гегеля и Ф. Энгельса, а к тому, что развивал в своих работах французский математик, экономист и философ Антуан Огюстен Курно (1801–1877) (см.: II.16.3). Это довольно отчетливо проявилось в плехановской работе «К вопросу о роли личности в истории», в которой автор писал, что случайность «является лишь в точке пересечения необходимых процессов»⁴⁰.

Одна из причин и явного пренебрежения многих марксистов диалектическим материализмом, и их неспо-

³⁸ Аксельрод (Ортодокс) Л. Двойственная истина в современной немецкой философии // Аксельрод (Ортодокс) Л. Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма. 4-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010. С. 77.

³⁹ Деборин А. Рецензия: Философские очерки Л. Аксельрод (Ортодокс). 1906 // Деборин А. Введение в философию диалектического материализма. [М.], 1922. С. 375; 6-е изд. М.: КД «Либроком»/URSS, 2012.

⁴⁰ Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Соч. Т. 8. М.; Пг., 1923. С. 294.

способности в полной мере постигнуть его коренное отличие от домарксистского материализма заключалась в недостаточном знании философии Г. Гегеля, точнее, в непонимании сути тех великих открытий, которые были сделаны этим выдающимся мыслителем, а тем самым — и диалектики. Это непонимание было присуще многим крупнейшим марксистам, включая и Г. В. Плеханова. «Плеханов, — указывал В. И. Ленин, — написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц (Бельтов + против Богданова + против кантианцев + основные вопросы etc. etc.). Из них о большой логике, по поводу нее, ее мысли (то есть собственно диалектика как философская наука) nill»⁴¹.

В конспекте гегелевской «Науки логики» В. И. Ленин заметил: «Нельзя вполне понять „Капитала“ Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!»⁴² Но если без понимания философии Гегеля нельзя понять экономический труд К. Маркса, то тем более без этого нельзя проникнуть в сущность философского учения последнего, которое в отличие от марксовской экономической теории никогда не было ни им самим, ни Ф. Энгельсом систематически изложено.

В результате большинство марксистов, включая даже Г. В. Плеханова, стояло на позициях не столько диалектического, сколько старого, прежнего материализма. «1. Плеханов, — подчеркивал В. И. Ленин, — критикует кантианство (и агностицизм вообще) больше с вульгарно-матери-

⁴¹ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии» // Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 248.

⁴² Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Философские тетради... С. 162.

алистической, чем с диалектико-материалистической точки зрения... 2. Марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (и по-бюхнеровски), чем по-гегелевски»⁴³.

Из последователей К. Маркса и Ф. Энгельса В. И. Ленин был почти что единственным человеком, который по-настоящему понимал их философию. Но его замечательная книга «Материализм и эмпириокритицизм», увидевшая свет в 1909 г., тоже не содержала систематического изложения диалектического материализма. И главное, в этой работе основное внимание он обращал не столько на отличие диалектического материализма от других материалистических учений, сколько на то, что роднит все формы материализма. «Философские тетради» В. И. Ленина, которые стали известны только в 1920-е гг., содержали массу замечательных идей, но лишь в виде заметок и фрагментов.

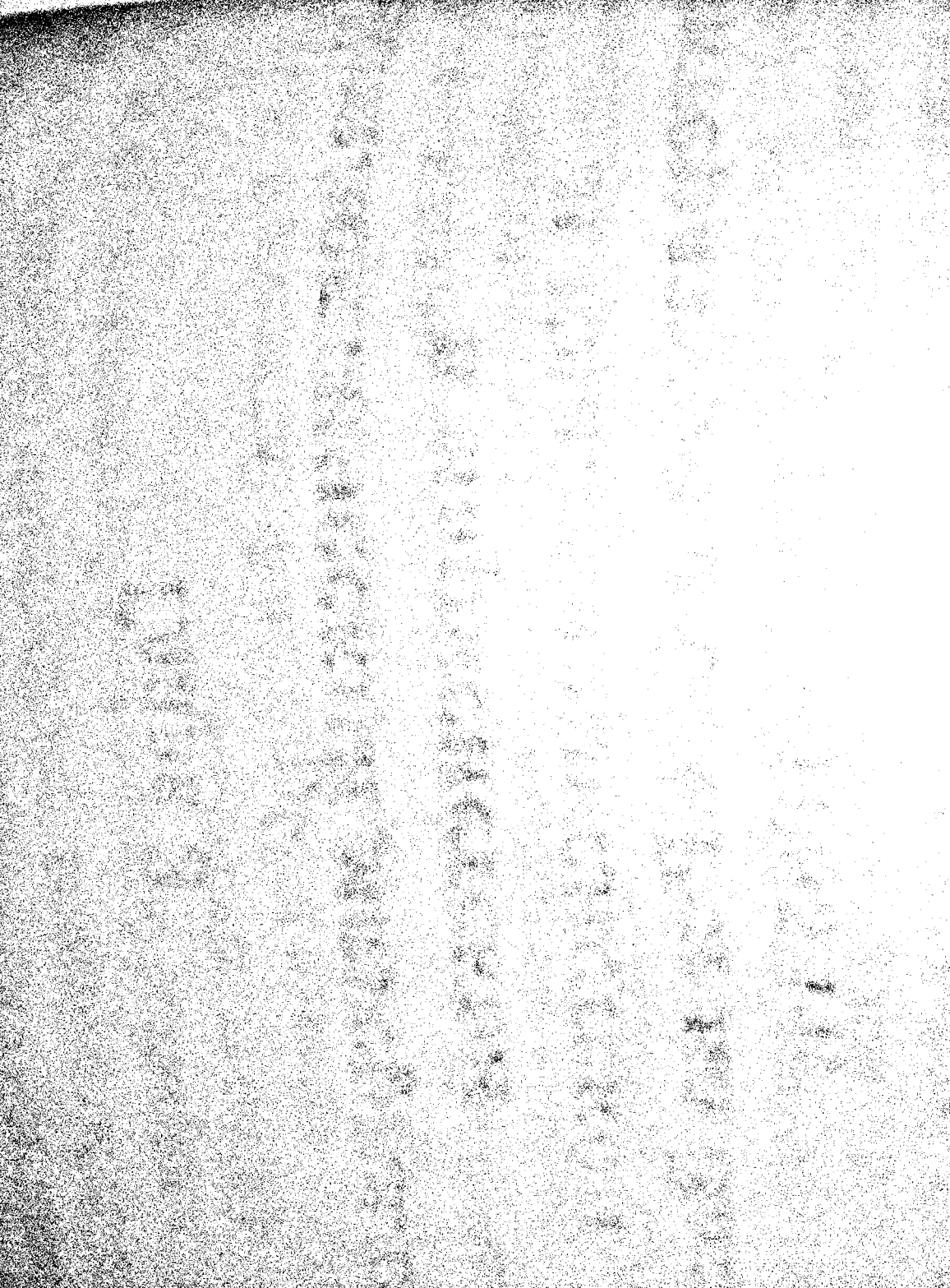
В процессе своих изысканий 1914–1915 гг., получивших выражение в «Философских тетрадях», В. И. Ленин пришел к приведенным выше не слишком оптимистическим выводам об уровне философских знаний людей, причислявших себя к числу знатоков марксизма. Именно поэтому он уже в советское время в статье «О значении воинствующего материализма» (1922) в качестве важнейшей задачи философов-марксистов поставил изучение и материалистическое истолкование гегелевской диалектики, что для него было равнозначно всесторонней разработке материалистической диалектики, или, что то же самое, диалектического материализма⁴⁴.

⁴³ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Философские тетради... С. 161.

⁴⁴ Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 30–31.

Глава 3

Диалектический материализм в марксистской и квазимарксистской литературе в СССР и на Западе в 1917–1985 гг.

1. Диалектический материализм в СССР в 20-х гг. XX в.

После победы Великой Октябрьской рабоче-крестьянской революции марксизм впервые стал преподаваться в различного рода учебных заведениях, в частности в университетах и институтах. Но на первых порах места в них диалектическому материализму не нашлось. В декрете Совета народных комиссаров РСФСР от 4 марта 1921 г. «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР» перечислялись лишь исторический материализм, история пролетарской революции, политический строй РСФСР и план электрификации. И это неслучайно.

1920-е гг. в СССР характеризовались многообразием взглядов на философию. Не буду касаться идеалистических философских школ, которые на первых порах продолжали существовать. Разногласия, причем существенные, имели место в среде людей, причислявших себя к марксистам. Позиция некоторых из них по отношению к диалектическому материализму была сугубо нигилистической. В качестве примера можно привести статью

видного партийного и государственного деятеля, ректора Коммунистического университета Сергея Константиновича Минина (1882–1962) «Философию за борт!» (1922), опубликованную в журнале «Под знаменем марксизма». По его мнению, философия как таковая есть опора буржуазии. Поэтому она обречена на исчезновение. Никакой философии марксизма нет и быть может. Рабочему классу вполне достаточно одной только науки. Этот взгляд получил довольно широкое распространение и поддержку. Но в конечном итоге возобладала противоположная точка зрения. Право марксистской философии на существование в конце концов удалось отстоять¹.

В 20-е гг. в среде философов-марксистов выделилось два основных течения. За представителями одного из них закрепилось название *механистов*, других именовали *диалектиками*, или *деборинцами* (неоднократно упоминавшийся выше А. М. Деборин был признанным главой этой школы). Внутри каждого из этих направлений тоже не было полного единства мнений.

Один из ведущих механистов Иван Иванович Скворцов-Степанов (1870–1928) на первых страницах работы «Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм. Очерки современного мировоззрения» (1924; 2-е, пересмотр. изд., 1926) критиковал ревизионистов за их попытки оторвать исторический материализм от философского материализма, объявить его философски нейтральным. А далее мы узнаем, что исторический материализм есть метод современных наук

¹ Подробно все это рассмотрено: Коган Л. А. На подступах к советской философии (первые «свердловцы», «соц. академики», «икаписты») // ВФ. 2002. № 5.

об обществе, а общефилософским материализмом является современное естествознание. «Материалистическая философия для марксизма, — пишет он, — последние и наиболее общие выводы современной науки»². А научное воззрение на природу есть механистическое ее понимание. Отсюда следует, что «для настоящего времени диалектическое понимание природы конкретизируется как механистическое ее понимание»³.

Второй тезис И. И. Скворцова-Степанова принимался всеми механистами, что сказывалось на всех их философских построениях. Но значительная их часть в отличие от рассмотренного выше автора все же считала, что марксистский философский материализм, диалектический материализм отнюдь не сводится к современному естествознанию. Но когда они пытались изложить его, то, по существу, у них вместо диалектического материализма предстал несколько обновленный, но тем не менее немарксистский материализм со всеми присущими ему недостатками. Типичный пример — работа Владимира Николаевича Сарабьянова (1886–1952) «В защиту философии марксизма» (1929), в которой объявляется совершенно правильной концепция первичных и вторичных качеств Дж. Локка и тем самым, соответственно, и «теория иероглифов», а целая глава посвящается обоснованию абсолютного детерминизма⁴.

² Степанов И. И. Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм. Очерки современного мировоззрения. 3-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012. С. 55.

³ Степанов И. И. Диалектический материализм и деборинская школа. М., 1928. С. 73.

⁴ См.: Сарабьянов В. Н. В защиту философии марксизма. М.; Л., 1929. С. 30–46, 75–98.

Вообще абсолютного детерминизма в то время придерживались многие марксисты. Вне зависимости от того, относить или не относить одного из тогдашних крупнейших теоретиков марксизма Николая Ивановича Бухарина (1888–1938) к числу механистов, несомненно, что в работе «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии» (1921 и другие издания) он стоял на позициях абсолютного детерминизма. «...Строго говоря, — писал он, — никаких случайных, т. е. беспричинных явлений нет. Явления же могут представляться „случайными“, поскольку мы недостаточно знаем их причины»⁵. Отсюда следует отрицание им свободы воли человека⁶. И такой подход проявляется во многих его работах.

В относящихся к маю 1920 г. замечаниях на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» В. И. Ленин отмечал эклектицизм автора, его сползание, главным образом под влиянием А. А. Богданова, на позиции агностицизма и идеализма⁷. «...Очень часто, слишком часто, — заключает В. И. Ленин, — автор впадает в противоречащий диал[ектическому] мат[ериализму] (т. е. марксизму) схоластицизм терминов (агностический, юмовско-кантовский, по фил[осо]ф[ским] основам), в идеализм („логика“, „точка зрения“ и т. п. вне сознания их производности от материи, от объективной действ[ительно]сти) и т. п. Отсюда ряд как раз теоретических (к чему было претендовать на „общую теорию“?) неверностей, учено-

⁵ Бухарин Н. И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. 3-е изд. М.; Пг., [1924]. С. 42.

⁶ Там же. С. 29–132.

⁷ Ленин В. И. Замечания на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода». Май 1920 г. // Ленинский сборник. XI. М.; Л., 1929. С. 348, 361, 363, 384–385, 387, 400–402.

го сора, академических благоглупостей. Книга была бы совсем превосходной, если бы автор для второго издания выкинул подзаголовок, выкинул страниц 20–30 схоластики и бессознательно-идеалистических (в фил[осо]ф[ском] см[ысле]) и эклектических упражнении в терминологии, заменил их 20–30 страницами фактов (из цитированной им же богатой экон[омической] лит[ературы]). Тогда бы распухшее, нездоровое начало книги *выздоровело*, похудодело, окрепло костями, убавило антимарксистского жира и таким образом крепче бы „фундировало“ (ха-ха) превосходный конец книги»⁸.

Все это, вместе взятое, дало основание В. И. Ленину написать в своем «Письме к съезду»: «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)»⁹.

Сторонницей абсолютного детерминизма, «теории иероглифов», крайнего номинализма продолжала оставаться Л. И. Аксельрод-Ортодокс, занявшая видное положение среди механистов. Во всяком случае, с определенностью можно сказать, что представители механистического направления в советской философской мысли в 20-е гг., несмотря на все их благие намерения, диалектическими материалистами не были.

⁸ Ленин В. И. Замечания на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода». Май 1920 г. // Ленинский сборник. XI. М.; Л., 1929. С. 400–401.

⁹ Ленин В. И. Письмо к съезду // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

В отличие от части механистов, никто из диалектиков не ставил под сомнение существование диалектического материализма. А те из них, что занимались преподаванием, довольно рано пришли к выводу, что чтением курса только исторического материализма ограничиться нельзя. Нужно читать курс диалектического материализма со включением в него исторического материализма. Одним из первых на этот путь встал профессор Белорусского государственного университета Семен Яковлевич Вольфсон (1894–1941). «Курс мой, — говорил он студентам факультета общественных наук БГУ, — значится в учебных планах Университета под названием „Исторический материализм“. Я предпочитаю этому, не совсем точному, названию более соответствующее курсу — *„диалектический материализм“*»¹⁰. На основе лекционного курса им было создано учебное пособие «Диалектический материализм» (1922), которое позже было принято в качестве учебника для вузов (в 1929 г. вышло 7-е издание). По-видимому, именно в этой книге впервые появилось ставшее со временем хрестоматийным положение о первичности диалектического материализма по отношению к историческому материализму¹¹. В третьей книге цикла (III.3) уже была детально раскрыта вся ошибочность такого представления. Пока не возникло материалистическое понимание истории, никакого диалектического материализма существовать не могло.

Не буду детально рассматривать «диалектическое» направление в советской философии 20-х гг. Отмечу, что

¹⁰ Вольфсон С. Я. Диалектический материализм. Курс лекций, читанных на факультете Общественных наук Белорусского государственного университета. Ч. 1–2. 2-е изд. Минск, 1923. С. 1.

¹¹ Там же. С. 117.

все его сторонники признавали существование диалектического материализма как философии марксизма. Понимали его они далеко не одинаково. Точка зрения, вероятно, многих из них нашла свое наиболее четко выражение в работах А. М. Деборина, который писал: «Марксизм, или диалектический материализм, составляет целостное мировоззрение, состоящее из трех основных частей: *материалистической диалектики*, как общей научной методологии (включая и теорию познания), *диалектики природы*, методологии естествознания (естественно-научный материализм) и *диалектики истории* (исторический материализм)»¹². Главное, что здесь отсутствует, — это понимание диалектического материализма, материалистической диалектики как логики, науки о мышлении, являющейся одновременно и теорией познания. То, что было поименовано диалектикой природы, было, по существу, другим названием для натурфилософии, которой в действительности нет и не может быть места в системе диалектического материализма.

В этом состояла одна из причин того, что у деборинцев мы не находим творческой разработки диалектического материализма. Они в основном занимались систематизацией и комментированием высказываний К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина по этому вопросу, а также предпринимали попытки материалистической переработки диалектики Гегеля. Однако в целом их деятельность и ее результаты не заслуживают той резко негативной оценки, которые они получили в нашей литературе. Тех, кто писал о «диалектиках» в старое время,

¹² Деборин А. М. Материалистическая диалектика и естествознание // Деборин А. М. Диалектика и естествознание. 4-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012.

понять можно: ведь над ними тяготело постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. «О журнале „Под знаменем марксизма“»¹³, в котором деборинцы были заклеены как «меньшевиствующие идеалисты». Ярлык более чем абсурдный. Термин «меньшевизм», равно как и «большевизм», в применении к философии полностью лишен всякого смысла. А идеалистами деборинцы, во всяком случае, никак не были. Труднее понять отрицательное отношение к «диалектикам» современных авторов: Александра Павловича Огурцова, поместившего в сборнике «Суровая драма народа» (М., 1990) статью «Подавление философии», и Сергея Николаевича Мареева — автора монографии «Из истории советской философии: Лукач — Выготский — Ильенков» (М., 2008).

Но, как бы то ни было, в ходе оживленных дискуссий, которые велись в области философии в 20-е гг., медленно, но неуклонно шло движение к истине. Оно так и не завершилось, ибо в начале 30-х гг. марксистская философия в СССР была подвергнута жесточайшему разгрому¹⁴. Вначале печальная участь постигла механистов, а затем и «диалектиков». Наступило иное время. Но прежде чем дать ему характеристику, посмотрим, что происходило в это время с марксистской философией в Западной Европе, где под влиянием революции 1917 г. в России, наряду с социал-демократическим движением, возникло и начало набирать силы коммунистическое движение, которое шло под знаменем марксизма.

¹³ О журнале «Под знаменем марксизма» (Из постановления ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г.) // О партийной и советской печати. Сб. документов. М., 1954. С. 406–407.

¹⁴ См.: *Яхот И.* Подавление философии в СССР // ВФ. 1991. № 7–9.

2. Диалектический материализм в международном коммунистическом движении в 20-х – начале 30-х гг.

Особое внимание теоретическим, прежде всего философским, проблемам уделяли так называемые «левые» коммунисты, великолепная характеристика которых содержится в работе В. И. Ленина «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1920). Одним из первых был венгерский коммунист Дёрдь (Георг) Лукач (1885–1971), опубликовавший в 1923 г. сборник статей под названием «История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике». В статье «Что такое ортодоксальный марксизм?» он объявляет о готовности отстаивать его против всех, кто от него хотя бы в чем-то отступает, не исключая и его создателей. И первым объектом критики со стороны автора становится Ф. Энгельс. Д. Лукач расходится с ним в понимании материалистической диалектики, суть которой заключается, по мнению автора, в ее революционности. Ошибка Ф. Энгельса состоит в том, что он распространял ее на природу, в то время как она применима лишь к обществу. «Это ограничение метода рамками исторической социальной действительности, — писал Д. Лукач, — является очень важным. Недоразумения, порождаемые Энгельсовым изложением диалектики, основаны на том, что Энгельс, следуя ложному примеру Гегеля, распространяет диалектический метод также на познание природы. Однако в познании природы не присутствует решающее определение диалектики: взаимодействие субъекта и объекта, единство теории и практики, истори-

ческое изменение субстрата категорий как основа изменения в мышлении и т. д.»¹⁵.

Причина ошибки Ф. Энгельса заключается в том, что он, сосредоточившись на деталях, не понял главного в диалектике. «Однако самое существенное взаимодействие: *диалектические отношения субъекта и объекта в историческом процессе*, — сурово отчитывает его Д. Лукач, — он даже не упоминает, не говоря уже о том, чтобы поставить его на подобающее центральное место в методологии»¹⁶.

Если главное в диалектике — взаимодействие субъекта и объекта, а природа может существовать и без субъекта, то ясно, что диалектика применима лишь к обществу, к истории, где всегда имеет место не только объект, но и субъект. Нетрудно заметить, что и здесь, и в последующем Д. Лукач, говоря о диалектическом методе, в действительности имеет в виду не только и не столько метод, сколько диалектически развивающийся реальный исторический процесс.

В этом процессе субъект и объект не просто взаимодействуют, а являются одним и тем же. Революционный, пролетарский, а тем самым и марксистский характер взглядов Д. Лукача более чем наглядно выражается в том, что в применении к современности этим одновременно и субъектом, и объектом он объявляет пролетариат. «...Пролетариат, — говорится на одной странице, — выступает как тождественный субъект-объект истории»¹⁷. «...Пролетариат, — читаем мы на следующей, — является тождественным субъектом-объектом исторического про-

¹⁵ Лукач Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М., 2003. С. 126.

¹⁶ Там же. С. 106.

¹⁷ Там же. С. 279.

цесса»¹⁸. И это повторяется бесконечное число раз. Дальше — больше. За объявлением тождества субъекта и объекта естественно следует провозглашение тождества мышления и бытия. «Мышление и бытие, — поясняет Д. Лукач, — стало быть, тождественны не в том смысле, что они друг другу „соответствуют“, друг друга „отображают“, что они „движутся параллельно“ или „совпадают“ (все эти выражения являются завуалированной формой косного дуализма); их тождество, напротив, состоит в том, что они — суть моменты одного и того же реально-исторического, диалектического процесса»¹⁹. И характеристика теории отражения как проявления косного дуализма вовсе не случайное высказывание, а суть философских взглядов Д. Лукача.

Как пишет он, все мыслители, которые подходят к исследованию познания с позиции созерцательности, а тем самым и метафизики, с неизбежностью отрывают мышление от бытия и тем приходят к дуализму. Понимая несостоятельность дуализма, они пытаются преодолеть его. И делают это по-разному. Один путь — это платонизм с его учением о познании как припоминании. Это, конечно, чистейшей воды мифология. Но несколько ни лучше второй путь, когда познание объявляется отражением бытия. «...Положение дел, — категорически утверждает Д. Лукач, — не изменяется ни на йоту, когда мифологию переворачивают с ног на голову и когда мышление следует объяснять, исходя из эмпирического материального бытия. Риккерт однажды назвал материализм платонизмом с обратным знаком. И совершенно правомерно. Ибо поскольку сохраняется прежнее, косное противостояние

¹⁸ Лукач Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М., 2003. С. 280.

¹⁹ Там же. С. 285.

мышления и бытия, поскольку они остаются неизменными в их собственной структуре и в структуре их отношений друг с другом, постольку концепция, в соответствии с которой мышление есть продукт мозга и поэтому согласуется с предметами эмпирии, является той же самой мифологией, что и учение о познании как припоминании или учение об идеях»²⁰.

Из этих двух мифологий наиболее опасной для Д. Лукача представляется материализм с его теорией отражения. Поэтому он немало места в книге уделяет его критике, в которой он пытается хотя бы как-то опереться на Ф. Энгельса. «Даже Фридрих Энгельс однажды высказался на сей счет порождающим легкое недоразумение образом. При описании противоположности, разделяющей Маркса и его самого со школой Гегеля, он заявляет: „Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях отображения действительных вещей вместо того, чтобы в действительных вещах видеть отображение тех или иных ступеней абсолютного понятия“. Но тут возникает вопрос, и Энгельс не только ставит его, но и дает на следующей странице ответ совершенно в нашем смысле: „Мир должен быть понят не как комплекс готовых вещей, а как комплекс процессов“. Но если не существует вещей, то что „отображается“ в мышлении? Мы не можем дать здесь даже беглый очерк истории теории отражения, хотя только такая история способна раскрыть все значение этой проблемы. Ибо в теории „отображения“ теоретически объективируется непреодолимый для овеществленного сознания дуализм мышления и бытия, сознания и действительности.

²⁰ Лукач Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М., 2003. С. 283.

И с этой точки зрения безразлично, понимаются ли вещи как отображение понятий или понятия как отображения вещей, ведь в обоих случаях имеет место непреодолимая логическая фиксация этого дуализма»²¹.

Сам Д. Лукач этот дуализм мышления и бытия преодолел. И получилось это довольно легко и просто. «И только в том случае, если истинное понимается „не как субстанция только, но равным образом и субъект“... если субъект (сознание, мышление) есть одновременно творец и продукт диалектического процесса, если вследствие этого он одновременно движется в созданном им самим мире, чьим сознательным образом он является, и тем не менее принимает этот мир в его полной объективности и значимости, — только в этом случае могут рассматриваться в качестве разрешенных проблема диалектики и вместе с ней — снятие противоположностей субъекта и объекта, мышления и бытия, свободы и необходимости и т. д.»²².

Таким образом, по Д. Лукачу, исторический диалектический процесс является творением сознания, мышления. Это отнюдь не какое-то особое третье направление в философии, отличное от материализма и идеализма, а тот же самый идеализм. Только это идеализм особого рода, не объективный и не классический субъективный, а тот, который был в первой книге цикла (I.4.6) назван социоконструктивным идеализмом. Родоначальником его был Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814). Среди тех философов, которые считали и объявляли себя марксистами, первым его представителем был, по-видимому, А. А. Богданов (см.: IV.14.3).

²¹ Лукач Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М., 2003. С. 281.

²² Там же. С. 231.

То, что философские взгляды Д. Лукача представляют собой не что иное, как идеализм, было после выхода его произведения в достаточной степени убедительно показано А. М. Дебориным в книге «Г. Лукач и его критика марксизма» (М., 1924) и особенно венгерским коммунистом Ласло Рудашем (1885–1950) в трех статьях, опубликованных вначале в «Вестнике Коммунистической академии» (1924, № 8–10), а затем под общим заглавием «Коммунистическая ревизия марксизма» в сборнике «Против новейшей ревизии марксизма» (М., 1925). На одной из страниц своей работы Л. Рудаш приводит своеобразную таблицу, в левой части которой приведены высказывания Д. Лукача, а в правой — цитаты из работ А. А. Богданова. Как явствует из нее, совпадают не только мысли Д. Лукача и А. А. Богданова, но нередко и их словесные выражения²³.

В. И. Ленин не был знаком с книгой Д. Лукача: она вышла в 1923 г., когда он был тяжело болен. Но одну из прежних работ Д. Лукача он читал. Это статья «К вопросу о парламентаризме», опубликованная в журнале «Коммунизм» (1920). Отзыв был кратким: «Статья Г. Л. очень левая и очень плохая. Марксизм в ней чисто словесный...»²⁴ Таким, чисто словесным, был и марксизм Д. Лукача в рассмотренной выше книге. В области философии Д. Лукач не был материалистом, а следовательно и марксистом.

²³ Рудаш Л. Коммунистическая ревизия марксизма // Рудаш Л. Против новейшего ревизионизма марксизма. Сборник статей. М., 1925. С. 136–137.

²⁴ Ленин В. И. «Коммунизм». «Журнал Коммунистического Интернационала для стран Юго-Восточной Европы» (на немецком языке). Тетради 1–2, от 1 февраля 1920, до 18-й, от 8 мая 1920 // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 135.

Почти одновременно с Д. Лукачем с книгой «Марксизм и философия» (1923) выступил другой «левый» коммунист — тогда видный деятель Коммунистической партии Германии Карл Корш (1886–1961). Работа его завершается словами: «Когда писалась эта брошюра, появилась книга *Георга Лукача* „История и классовое сознание“ (Berlin, Malik-verlag. 1923). Насколько я до сих пор мог выяснить, я могу с удовольствием выразить свое принципиальное согласие с рассуждениями автора, которые вообще базируются на обширном философском фундаменте и которые во многом относятся к затронутым мною проблемам. Но поскольку в частностях между нами еще имеются разногласия относительно содержания и метода, я оставляю за собой право впоследствии дать подробную оценку его книги»²⁵.

Это признание К. Корша избавляет от необходимости детально рассматривать его книгу. Ограничусь минимумом. Как провозглашает К. Корш, он воюет с вульгарным марксизмом. «Громадный, основной недостаток этого вульгарного социализма, — пишет он, — состоит в том, что он, выражаясь марксистски, совершенно „ненаучно“ придерживается наивного реализма, с которым так называемый здравый смысл, этот „худший из метафизиков“, и вместе с ним обычная положительная наука проводят резкое разграничение между сознанием и его предметом. Они и не подозревают, что эта противоположность, которая уже для трансцендентального воззрения критической философии существует не в той полноте, для диалектического понимания мира упраздняется всецело»²⁶. И с позиции, которая объявляется им диа-

²⁵ Корш К. Марксизм и философия. М., 1924. С. 89.

²⁶ Там же. С. 78.

лектической, марксистской, он ведет войну «с той наивно метафизической точкой зрения буржуазного здравого рассудка, которая противопоставляет мышление бытию, как нечто самостоятельное, и определяет истину как согласие представления с находящимся вне его и „отражаемым“ им предметом»²⁷. Тут то же самое, что у Д. Лукача: отказ от теории отражения и понимания истины как соответствия между сознанием и независимым от него миром.

Отстаиваемая Д. Лукачем и К. Коршем философская идеалистическая концепция сразу же нашла сторонников среди людей, которые считали себя марксистами. Можно назвать Йозефа Реван (1898–1959) и Белу Фогараш (1891–1959).

Подобного рода взгляды получили предельно четкое выражение в «Тюремных тетрадах» одного из лидеров Итальянской коммунистической партии — Антонио Грамши (1891–1937). Я не буду касаться всех сторон жизни и творчества этого несомненно выдающегося человека. Речь пойдет только о его философских взглядах. Они ярче всего выражены в тех разделах его работы, которые посвящены критике уже упоминавшейся книги Н. И. Бухарина «Теория исторического материализма». Эта работа действительно страдала многими недостатками, некоторые из которых были отмечены выше. Но критика А. Грамши в большинстве случаев направлена не против них. Он спорит с Н. И. Бухариным по тем вопросам, в которых последний в основном прав.

А. Грамши объявляет себя сторонником марксистской философии, которую он называет, однако, не диалектическим материализмом, а *философией практики*. Совет-

²⁷ Корш К. Марксизм и философия. М., 1924. С. 87.

ские исследователи его жизни и творчества объясняют это цензурными соображениям: ведь рассматриваемую работу он писал в тюремной камере. Из самих «Тюремных тетрадей» видно, что причина вовсе не в этом. Суть дела заключается в том, что А. Грамши отвергает диалектический материализм. Для него философия практики сводится только к учению об обществе и истории.

А. Грамши прежде всего недоволен тем, что Н. И. Бухарин говорит в книге не только об историческом, но и диалектическом материализме. Но, утверждает А. Грамши, когда философию практики рассматривают как разделенную на две части: на теорию истории и политики и собственно философию, то в качестве последней выступает «философский, или метафизический, или механистический (вульгарный), материализм»²⁸. «Философия, — пишет он, — отделенная от истории и политики, не может быть иным, как метафизикой, тогда как великое завоевание в истории современной мысли, которое являет собой философия практики, заключается как раз в том, что философия понимается в ее конкретной историчности и отождествляется с историей»²⁹.

Понятие философского материализма А. Грамши не нравится, потому что оно связано с решением основного вопроса философии. Он решительно осуждает постановку Н. И. Бухариным проблемы существования объективной реальности и критику субъективного идеализма. «Так называемая „реальность внешнего мира“, — начинает он раздел. — Вся полемика против субъективистской концепции реальности, — продолжает он, — с „убийственной“ проблемой „объективной реальности внешнего

²⁸ Грамши А. Тюремные тетради. Ч. 1. М., 1991. С. 162.

²⁹ Там же. С. 163.

мира“, в основном легковесна и бесполезна, плохо задумана и еще хуже осуществлена...»³⁰ Ничего не может дать ссылка (которой, кстати, нет в книге Н. И. Бухарина) на то, что «народ» настолько верит в объективное существование внешнего мира, что сама постановка перед ним вопроса об этом вызовет лишь «неудержимый взрыв веселья а-ля Гаргантюа»³¹. А здесь как раз и возникает настоящая проблема, а именно: «Каковы истоки этой „веры“ и какую значимость она имеет „объективно“?»³² А ответ прост: «На самом деле истоки этой веры религиозны, даже если те, кто ее разделяет, в религиозном отношении индифферентны. Поскольку все религии учили и учат, что мир, природа, вселенная созданы богом раньше человека, и значит человек застал готовенький, упорядоченный, раз навсегда заданный мир, то это верование послужило столпом „обыденного сознания“ и все так же устойчиво живуче, даже если религиозное чувство угасло или притупилось. Выходит, опираться на этот опыт „обыденного сознания“, чтобы „смехом убить“ субъективистскую концепцию, значит действовать скорее „реакционно“, т.е. скрыто апеллировать к религиозному чувству...»³³

Принять отстаиваемую Н. И. Бухариным концепцию внешней объективности нельзя. Ведь что же получается в таком случае? «Выходит, — пишет А. Грамши, — может существовать внеисторическая и внечеловеческая объективность? Но кто будет судить об такой объективности? Кто способен встать на подобную „точку зрения космоса в себе“ и что будет означать такая точка зрения? Можно

³⁰ Грамши А. Тюремные тетради. Ч. 1. М., 1991. С. 168.

³¹ Там же. С. 169.

³² Там же.

³³ Там же.

со спокойной совестью считать, что речь идет об остаточном понятии бога, в частности о мистическом понятии неведомого бога... Объективное значит всегда „человечески объективное“, что может в точности соответствовать „исторически субъективному“, т. е. объективное должно было бы означать „всеобщее субъективное“. Знание человека объективно, поскольку познание реально для всего человеческого рода, *исторически* объединенного в единую систему культуры»³⁴.

Чтобы не было никаких кривотолков, А. Грамши еще раз дает изложение точки зрения, которую он отвергает: «Понятие „объективное“ в метафизическом материализме должно, по-видимому, обозначать некую объективность, существующую также помимо человека, но когда утверждают, что некая реальность существовала бы и в том случае, если бы не было человека, то либо пользуются метафорой, либо впадают в некую форму мистицизма»³⁵.

Н. И. Бухарин в своей книге говорит о материи, имея в виду объективную реальность. А. Грамши не отвергает этого термина, но понимает его совершенно иначе. «Совершенно очевидно, — пишет он, — что в философии практики материю нельзя понимать ни в значении, вытекающем из естественных наук... ни в значении, которое ей придают всевозможные метафизики-материалисты. Различные физические (химические, механические и т. д.) свойства материи, совокупность которых составляет саму материю (если только не впадать в кантовскую концепцию ноумена), учитываются, конечно, но только в той мере, в какой они становятся производительным „эконо-

³⁴ Грамши А. Тюремные тетради. Ч. 1. М., 1991. С. 172.

³⁵ Там же. С. 173.

мическим фактором“. Значит, материю следует рассматривать не как таковую, но как социально и исторически организованную для производства, а следовательно, и естествознание надо рассматривать как существенно историческую категорию, как человеческое отношение»³⁶. Таким образом, материя, природа есть явление социальное, организованное человеком.

И в связи с таким пониманием материи, природы А. Грамши подвергает критике положение Д. Лукача о том, что диалектику можно относить только к человеку, но не к природе. Стоять на такой точке зрения можно, только допуская независимость природы от человека. «Но если человеческую историю нужно воспринимать и как историю природы (также через историю науки), то как можно диалектику отрывать от природы?»³⁷ Таким образом, философия практики А. Грамши есть чистейший социо-конструктивный идеализм, без каких-либо кантианских довесков, как это было у Д. Лукача.

Что бы ни говорилось о жизни, революционной деятельности и работах А. Грамши, можно считать твердо установленным, что в философии он марксистом не был. У него своя философия — не просто отличная от диалектического материализма но и противоположная ему.

Принято считать, что Д. Лукач, К. Корш и А. Грамши стоят у истоков идейного направления, получившего название неомарксизма, или западного марксизма³⁸.

³⁶ Грамши А. Тюремные тетради. Ч. 1. М., 1991. С. 192.

³⁷ Там же. С. 174.

³⁸ См. о нем: Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М., 1991; Дмитриев А. Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930-е годы). СПб.; М., 2004.

3. Диалектический материализм в СССР в 30–50-х гг. XX в.

Одним из оплотов неомарксизма была Франкфуртская школа. Между взглядами отдельных представителей неомарксизма существуют немалые различия. Но всех их объединяет одно — в философии они марксистами не являются. Полагаю, что и в теории в целом они тоже никакими марксистами не были. Неомарксизм есть не марксизм, а ревизованный марксизм, мнимый марксизм, короче — квазимарксизм. По крайней мере, если не все, то некоторые из неомарксистов были социоконструктивными идеалистами.

3. Диалектический материализм в СССР в 30–50-х гг. XX в.

После разгрома механистов и деборинцев диалектический материализм был официально признан в качестве философии марксизма. И тут же он был мумифицирован.

Причины лежали за пределами науки. В конце 20-х — начале 30-х гг. в СССР утвердился новый общественный строй. Но это был не социализм, под знаменем которого совершилась Великая Октябрьская рабоче-крестьянская революция 1917 г. В стране сформировался антагонистический классовый способ производства, по ряду черт сходный с тем, что возник в странах Древнего Востока, а затем существовал на Востоке вплоть до конца XIX в. К. Маркс называл последний «азиатским способом производства», я предпочитаю именовать его древнеполитарным. Кроме древнеполитарного история знает и другие политарные способы производства. Тот, который утвердился вначале в Советском Союзе, а затем во всех странах, которые при-

нято было характеризовать как социалистические, можно назвать индустрополитарным, или неополитарным³⁹.

Любой класс эксплуататоров должен держать в повиновении эксплуатируемых. Одно из важнейших средств – организованное физическое насилие, осуществляемое государством. Однако мало запугать угнетенных. Их нужно еще и убедить, что существующий строй если и не самый лучший, то единственно возможный. Ни один господствующий класс не обходился без идеологии, без учений, оправдывающих существующие порядки.

Идеология господствующего класса отражает существующие социально-экономические отношения, но всегда в превратной, иллюзорной форме. В идеологических иллюзиях существующий порядок изображается иным, чем он является в действительности. Поэтому они всегда — средства маскировки существующих отношений. В идеологии, причем, разумеется, иллюзорной, нуждался и класс политаристов. Он нашел ее в марксизме. Но сам марксизм при этом резко изменил свою природу.

Марксизм возник как одна из идеологий рабочего класса. Это была первая в истории человечества не иллюзорная, а адекватная, научная идеология. Конечно, сами К. Маркс и Ф. Энгельс не были лишены некоторых иллюзий. К числу их относится убеждение, что капитализм уже к их времени изжил себя и стоит на краю гибели. Эта иллюзия сказалась и на в целом научном экономическом учении К. Маркса. Но особенно она проявила себя во взглядах основоположников марксизма на социалисти-

³⁹ См. подробнее об этом: *Семенов Ю. И.* Политарный («азиатский») способ производства: Сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011.

ческую революцию и социализм. Свободной от иллюзий оказалась лишь философия марксизма, включая материалистическое понимание истории. Это связано с тем, что философия марксизма не стремилась нарисовать сколько-нибудь полную картину действительности. Она представляла собой прежде всего метод ее познания, осмысления.

Положение резко изменилось с возникновением после революции, совершенной под знаменем марксизма, неополитарного способа производства. Нужно было замаскировать сущность новых общественных отношений, выдать их за справедливые, самые лучшие из возможных. И ничего не было бы более естественным, чем объявить, что в России создано то самое справедливое общество, о котором веками мечтали угнетенные, стал реальностью тот самый социализм, путь к которому был намечен К. Марксом и Ф. Энгельсом. И это не был прямой преднамеренный обман. Особенность всех вообще идеологических иллюзий состоит в том, что в них верят, по крайней мере частично, и их создатели. Обман в них всегда сочетается с самообманом.

Когда марксизм стал средством маскировки существующих отношений, средством оправдания несправедливых порядков, когда он перестал говорить правду о действительности, он резко изменил свой внутренний характер. Из стройной системы научных взглядов, в целом адекватно отражавших реальность, он превратился в набор штампованных фраз, используемых в качестве заклинаний и лозунгов. Покончено было с марксизмом как методом научного познания. Иначе говоря, марксизм перестал быть самим собой.

Термин «марксизм» с тех пор начал обозначать два разных явления: во-первых, созданную в XIX в. К. Марк-

сом и Ф. Энгельсом научную идеологию, во-вторых, возникшую в 20-х гг. и окончательно оформившуюся в 30-х гг. иллюзорную идеологию. Эта идеология в неменьшей степени, чем уже рассмотренные выше концепции Д. Лукача, К. Корша, А. Грамши и вообще весь неомарксизм, была не подлинным, а мнимым марксизмом. Но это была другая разновидность мнимого марксизма. Если в основе квазимарксизма лежал прямой отказ от основных идей марксизма, то есть открытая ревизия марксизма, то в основе этого, второго мнимого марксизма лежал догматизм, полное выхолащивание внутренней сути марксизма при внешнем, формальном сохранении всех его основных идей. Этот догматический мнимый марксизм я буду называть псевдомарксизмом.

Псевдомарксизм, в отличие от марксизма, никогда не был методом научного познания. Он был создан не для того, чтобы способствовать познанию мира, а для того, чтобы этому всеми силами препятствовать. Псевдомарксизм, в отличие от марксизма, был официальной государственной идеологией, которой все под страхом наказания были обязаны придерживаться.

Известный русский философ, историк и публицист Георгий Петрович Федотов (1886–1951) в своих статьях, относящихся к 30-м гг., отмечает парадоксальное явление. С одной стороны, марксизм в СССР возводится в ранг официальной идеологии, а с другой — подвергается полному разгрому во всех областях⁴⁰. Но ничего необычного здесь не было: возвеличивался псевдомарксизм, подвергался разгрому марксизм. Яркую картину уничтожения марксизма и утверждения псевдомарксизма в области

⁴⁰ Федотов Г. П. СССР и фашизм // Искусство кино. 1991. № 7. С. 24.

философии нарисовал Иегошуа (Овсий Овшиевич) Яхот (1919–2003) в работе «Подавление философии в СССР (20–30-е годы)»⁴¹. Подлинный марксизм, и прежде всего марксистская философия, всегда преследовались в эпоху существования неополитаризма в СССР. К сожалению, и сейчас им приходится несладко. Будучи внимательным наблюдателем, Г. П. Федотов связывал разгром марксизма с изменениями в общественном строе России и в большевистской партии. Вот что он писал в 1936 г.: «Еще большинство эмиграции повторяет: в России царствуют коммунисты, или большевики, еще мечтают об избавлении России от этих большевиков, не замечая того, что большевиков уже нет, что не „они“ правят Россией. Не они, а он. А если „они“, возглавляемые „им“, то совершенно не коммунисты, а новые люди, к которым нужно приглядеться. Это утверждение, вероятно, покажется спорным. Происходящая в России ликвидация коммунизма окутана защитным покровом лжи. Марксистская символика революции еще не упразднена, и это мешает правильно видеть факты. А факты вот они. Начиная с убийства Кирова (1 декабря 1934 г.) в России не прекращаются аресты, ссылки, а то и расстрелы членов коммунистической партии. Правда, происходит это под флагом борьбы с остатками троцкистов и других групп левой оппозиции. Но вряд ли кого обманут эти официально пришиваемые ярлыки... Казалось бы, в обществе „старых большевиков“ нет места троцкистам по самому определению. Троцкий — старый меньшевик, лишь в Октябрьскую революцию вошедший в партию Ленина: роспуск этой безвластной, но влиятельной организации показывает, что удар наносит Сталин именно

⁴¹ Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30-е годы) // ВФ. 1991. № 7–9.

традиции Ленина — тем косным революционерам, которые не хотят понять знамений нового времени. Борьба с марксизмом ведется не только по организационно-политической линии. Она сказывается во всей культурной политике... Те, кто хотят видеть в сталинских отступлениях от марксизма тактический маневр и признают, вопреки очевидности, неистребимость марксистской веры в большевистской партии, постулируют некое чудо... На самом деле сохранение большевистской партии и ее доктрины хотя бы в течение пятнадцати лет после победы — и то представляет явление, небывалое в истории: якобинцы разложились в три-четыре года. Но, отдавая должное организаторским способностям Ленина, следует признать, что пятнадцать-семнадцать лет для ее разложения срок более чем достаточный. Сталин с 1925 года работает над размалыванием ленинского гранита. К 1933 году он может считать свою задачу оконченной... Можно было бы спросить себя, почему, если марксизм в России приказал долго жить, не уберут со сцены его полинявших декораций. Почему на каждом шагу, изменяя ему и даже издеваясь над ним, ханжески бормочут старые формулы? Но всякая власть нуждается в известной идеологии. Власть деспотическая, тоталитарная больше всякой иной. Но создать заново идеологию, соответствующую новому строю, задача, очевидно, непосильная для нынешних правителей России. Марксизм для них вещь слишком мудреная, в сущности совсем неизвестная. Но открытая критика его представляется вредной, ибо она подрывала бы авторитет Ленина и партии, с именем которого неразрывно связана Октябрьская революция. Отрекаться от своей собственной революционной генеалогии — было бы безрассудно. Французская республика 150 лет пишет на стенах:

„Свобода, равенство, братство“, несмотря на очевидное противоречие двух последних лозунгов самым основам ее существования»⁴².

К этой теме Г. П. Федотов возвращался снова и снова. «Если Гитлер марширует под красным знаменем социализма, — писал он в том же 1936 г., — то почему и сталинским дельцам не совершать, время от времени, обязательные поклоны в сторону марксизма. Лишь бы из марксизма было выпущено все революционное содержание»⁴³. «Но коммунизма в России нет, — утверждал он в 1939 г., — а партия сохранила от коммунистической лишь имя. Все настоящие коммунисты или в тюрьме или на том свете... У нас здесь думают — и иной раз даже умные люди, — что сущность сталинского режима в его неистребимой, нераскаянной идеологии: марксистско-ленинской... Какая слепота!»⁴⁴ Заметить разгром марксизма в России помогла Г. П. Федотову его ненависть к нему. В целом он оценивал это явление как весьма и весьма положительное.

Но заметили это и люди, стоявшие на прямо противоположной позиции, люди, для которых марксизм и социализм были альфой и омегой их существования. К ним прежде всего принадлежал Мартемьян Никитич Рютин (1890–1937). Последний не был свободен от иллюзий. Причину происходивших в СССР перемен он видел в личных особенностях И. В. Сталина. Если бы во главе партии оказался другой человек, то события, по его мнению, пошли бы по-иному. «В наших условиях, — писал он, — та-

⁴² Федотов Г. П. Сталинокрапия // Федотов Г. П. Судьбы и грехи России. Т. 2. СПб., 1992. С. 86–90.

⁴³ Федотов Г. П. Новый правящий класс // Искусство кино. 1990. № 7. С. 25.

⁴⁴ Федотов Г. П. Торопитесь! // Искусство кино. 1990. № 8. С. 34.

кая случайность, как характер человека, стоящего во главе движения, во главе партии и рабочего класса, — характер Сталина, играет поистине роковую роль»⁴⁵.

М. Н. Рютин видит перерождение партии, но понять сущность этого процесса не может. «Руководящую верхушку партии, — писал он в 1932 г., — уже нельзя в настоящее время рассматривать как людей просто ошибающихся, но субъективно искренне верящих в свою правоту... Вся верхушка руководящих партийных работников, начиная со Сталина и кончая секретарями областных комитетов, в основном прекрасно отдают себе отчет, что они рвут с ленинизмом, что они насилуют партийные и беспартийные массы, что они губят дело социализма, но они так запутались, создали такую обстановку, попали в такой тупик, в такой заколдованный круг, что сами не в состоянии из него уже выбраться. Ошибки Сталина и его клики из ошибок переросли в преступления. Политбюро и Президиум ЦКК, секретари областных комитетов превратились в банду беспринципных интриганов и политических мошенников. Они на деле рассматривают партию как свою вотчину. Не они для партии, а партия для них. Наркомы, зам. наркомов, члены коллегий, руководители трестов, видные работники партаппарата, редакторы крупных газет, председатели ЦК профсоюзов, руководители областных отделов советского и профсоюзного аппарата также захвачены в значительной степени процессом перерождения. Все они, даже бывшие рабочие, никакой связи с массами, кроме официальных докладов на собраниях, давно уже не имеют. Они обеспечены высокими ставками, курортами, пособиями, дачами, великолепны-

⁴⁵ Рютин М. Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 334.

ми квартирами, прекрасным явным и тайным снабжением, бесплатными театрами, первоклассной медицинской помощью и т. д. и т. д. И это при невероятном обнищании и полуголодном существовании всей страны. Они, таким образом, в известной степени подкуплены Сталиным. Сталин вообще систематически применяет подкуп как по отношению к отдельным прослойкам партии, так и рабочим»⁴⁶.

С этими переменами теснейшим образом связан разгром марксизма. «Кризис партии, — утверждал М. Н. Рютин, — охватил все стороны партийной жизни. Он находит свое выражение прежде всего в теоретическом кризисе. Ленинизм извращен и фальсифицирован в настоящее время до неузнаваемости. Материалистическая диалектика заменена софистикой, схоластикой и плоской лживой апологетикой политики Сталина и его руководства... Убита всякая живая марксистско-ленинская мысль... В настоящее время на теоретическом фронте подвигается все, что есть в партии самого недобросовестного, бесчестного. Здесь работает настоящая шайка карьеристов и блюдолизов (Митин, Юдин, Ральцевич, Кольман и пр.), которые в теоретическом услужении Сталину показали себя подлинными проститутками... Сталинская теоретическая ограниченность, тупость и защита его обанкротившейся генеральной линии являются пограничными столбами, за черту которых отныне не смеет переступить ленинизм и марксистская диалектика. На практике это означает полное удушение ленинизма. На практике это означает, что партия отныне лишена возможности открыто пользоваться несравненным теоретическим оружием марксиз-

⁴⁶ Рютин М. Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 425.

ма-ленинизма для разрешения стоящих перед нею задач. Подлинный ленинизм отныне перешел на нелегальное положение, является запрещенным учением»⁴⁷.

В дополнение к словам М. Н. Рютина можно привести высказывание Льва Давидовича Троцкого (наст. фам. — Бронштейн) (1879–1940), сделанное им в 1936 г.: «Не смотря на то, что формально марксизм является в СССР государственной доктриной, за последние 12 лет не появилось ни одного марксистского исследования — ни по экономике, ни по социологии, ни по истории, ни по философии, — которое заслуживало бы внимания или перевода на иностранные языки. Марксистская продукция не выходит за пределы схоластических компиляций, которые пересказывают одни и те же заранее одобренные мысли и перетасовывают старые цитаты, сообразно потребностям административной конъюнктуры. В миллионах экземпляров распространяются по государственным каналам никому не нужные книги и брошюры, сработанные при помощи клейстера, лести и других липких веществ. Марксисты, которые смогли бы сказать что-либо ценное и самостоятельное, сидят под замком или вынуждены молчать. И это несмотря на то, что эволюция общественных форм выдвигает на каждом шагу грандиозные научные проблемы»⁴⁸.

В результате марксистская философия, вернее, то, что выдавалось за марксистскую философию, в 30–50-е гг. представляла собой закостенелую сумму положений, которые нужно было заучить, в которые надо было веровать и которые надлежало бездумно повторять.

⁴⁷ Рютин М. Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 416–418.

⁴⁸ Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. С. 152.

Важную роль в процессе замещения марксистской философии псевдомарксистской сыграла работа «О диалектическом и историческом материализме», которая вошла в состав четвертой главы книги «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» (1938). Автором этого труда всегда считался И. В. Сталин. Правда, некоторые публицисты в последнее время выступили с утверждением, что работа эта на самом деле написана арестованным в 1936 г. и расстрелянным в следующем году советским философом Яном Эрнестовичем Стэном (1899–1937)⁴⁹. Однако в действительности никаких серьезных оснований оспаривать авторство И. В. Сталина не существует⁵⁰.

Как свидетельствуют опубликованные ныне документы, И. В. Сталин принимал самое деятельное участие в создании указанной книги в целом. После ее выхода он несколько раз выступал с разъяснением тех или иных содержащихся в ней положений. В одном из таких выступлений он сказал: «...Чтобы наши пропагандисты знали научный марксизм, они должны соединить диалектический материализм с историческим материализмом, который является логическим выводом из диалектического материализма»⁵¹.

В полном соответствии с этим в «Кратком курсе» утверждается: «Исторический материализм есть распро-

⁴⁹ См., например: *Солдатенков В. Д.* Политические и нравственные последствия усиления власти ВКП(б). СПб., 1994. С. 63–64; *Сироткин В.* Почему проиграл Троцкий? М., 2005. С. 305.

⁵⁰ См.: *Медведев Р.* Как сделан «Краткий курс» // Свободная мысль — XXI. 2004. № 2.

⁵¹ И. В. Сталин в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б)». Из стенограммы заседания Политбюро. Выступление Сталина по вопросам партийной пропаганды в связи с выходом «Краткого курса», 10 октября 1938 года // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 18.

странение положений диалектического материализма на изучение общественной жизни, применение положений диалектического материализма к явлениям жизни общества, к изучению общества, к изучению истории общества»⁵². Как видно из этого выступления и самой книги, И. В. Сталин разделял взгляд, что исторический материализм появился как логический вывод из ранее возникшего диалектического материализма, представляет собой распространение уже существовавшего диалектического материализма на общество и его историю. Это означает, что он не понимал сущности диалектического материализма, а тем самым и его коренного отличия от предшествующего материализма. Ведь на деле все специфические особенности диалектического материализма обусловлены тем, что он был материализмом историческим. Только возникновение материалистического понимания истории сделало возможным преобразование материализма в целом в диалектический материализм. Исторический материализм представляет собой не распространение диалектического материализма на явления общественной жизни, как утверждается в четвертой главе «Краткого курса», а суть, ядро диалектического материализма.

В работе «О диалектическом и историческом материализме» диалектический материализм был не только оторван от исторического материализма, но вдобавок еще и расчленен на две независимые друг от друга части: материализм и диалектику. В таком разобранном и омертвелом виде диалектический материализм перестал быть самим собой, перестал быть теорией и методом познания

⁵² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1940. С. 100.

мира. Никакой опасности для правящего класса он теперь больше не представлял.

В то время огнем выжигалось всякое стремление самому искать истину. Как писал известный советский поэт Илья (Карл) Львович Сельвинский (1899–1968) в стихах, которые были созданы давно, но увидели свет только в 1990 г.:

Нас приучали думать по ниточке.
Это считалось мировоззрением:
Слепые вожди боялись панически
Всякого обладавшего зрением.

В нас подавляли малейший выкрик,
Чистили мозг железными щетками,
О мыслях думали, как о тиграх,
А тигры обязаны быть за решетками.

Вывод этот не лишен логики.
Но как душу выдержат легкие?⁵³

Писал И. Л. Сельвинский и о результате такого воспитания:

Мы отвыкли мыслить, и для нас
Каждая мыслишка — ересь.
Мыслить мы отвыкли, не чинясь,
Чинопочитанию доверясь...⁵⁴

Как все это сказалось на философии, достаточно четко было показано в докладной записке, которая была составлена в сентябре 1949 г. заведующим сектором науки

⁵³ Сельвинский И. Л. «Нас приучали думать по ниточке...» // Сельвинский И. Л. Pro doma sua. М., 1990. С. 12.

⁵⁴ Сельвинский И. Л. Быт // Сельвинский И. Л. Pro doma sua. С. 9.

ЦК ВКП(б) Юрием Андреевичем Ждановым (1919–2006) для секретаря ЦК Михаила Андреевича Сулова (1902–1982). «Положение на философском фронте остается тяжелым, — говорилось в ней. — Среди философов, это не секрет, пышным цветом расцвела групповая борьба. Философию развивали революционеры и ученые. Что же касается наших философов-профессионалов, заполняющих институты философии и философские кафедры учебных заведений, партийных школ, то никто из них за тридцать лет советской власти и торжества марксизма в нашей стране не высказал ни одной новой мысли, которая вошла бы в сокровищницу марксизма-ленинизма. Более того, никто из наших философов-профессионалов не высказал ни одной мысли, которая обогатила бы какую-либо конкретную область знания. Это в равной степени относится к Деборину и Митину, Юдину и Александрову, Максимову и Кедрову и всем остальным»⁵⁵.

Все это отнюдь не значит, что в области философии в то время вообще не было никакого движения. В 1936 г. увидела свет работа «Теория отражения» болгарского революционера-эмигранта Тодора Павлова (1890–1977), писавшего под псевдонимом П. Досев. Шло обсуждение психофизиологической проблемы, в ходе которого довольно свободно высказывались самые различные точки зрения (см. II.5.6). Появилось несколько неплохих книг по истории философии. Но в целом картина была безотрадная.

⁵⁵ Цит.: Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Дело профессора З. Я. Белецкого // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. 1920–1950-е годы. М., 1999. С. 232 (со ссылкой на РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 160, л. 93, 94).

4. Диалектический материализм в СССР во второй половине XX в.

Определенные подвижки в философии начались после смерти И. В. Сталина (1953) и особенно после XX съезда КПСС (1956), но они меньше всего затронули преподавание философии, которым занималась основная масса философов-профессионалов. Об этом свидетельствуют учебники философии, которые по своей сущности мало чем отличались от тех, что появлялись в сталинское время.

В советское время во всех книгах, посвященных изложению как истории философии, так и самой философии, всегда подчеркивалось, что возникновение диалектического материализма было революционным переворотом в развитии философской мысли. За этим обычно следовали попытки раскрыть коренное, качественное отличие марксистской философии от всех предшествующих философских систем. Все они были не самыми удачными. Более или менее ясным было отличие диалектического материализма от идеалистических систем. Но оно во многом совпадало с отличием от идеализма любой философской материалистической системы. Все материалисты давали в главном одно и то же решение основного вопроса философии, а именно, принимали мир, природу за первичное, а сознание, дух — за вторичное, производное.

Когда же пытались рассказать об отличии диалектического материализма от других материалистических учений, то обычно говорили, во-первых, что диалектический материализм, в отличие от старого материализма, не ограничивался материалистическим пониманием одной лишь природы, а распространил такого рода взгляд

и на общество, а тем самым и на его историю; во-вторых, что в нем материализм был органически соединен с диалектикой. Все это можно было прочесть на первых страницах любого курса марксистской философии.

А далее курс подразделялся на две в значительной степени обособленные части, которые выступали либо как два раздела одного учебного пособия, либо как два разных учебных пособия, нередко написанные разными авторами. Первая часть носила название диалектического материализма, вторая — исторического материализма.

В свою очередь, первая часть чаще всего делилась на два раздела, в одном из которых излагался материализм, а во втором — диалектика. И если взять первый раздел первой части курса марксистской философии, то в нем обычно содержались положения, которые мало чем отличались от тех, что были в работах немарксистских философов-материалистов. Пожалуй, единственное отличие можно было найти в том параграфе главы об истине, в котором шла речь об абсолютной и относительной истине. В результате все утверждения о коренном качественном отличии диалектического материализма от немарксистского материализма повисали в воздухе. Оставалось во многом неясным, что же именно нового внес диалектический материализм в решение основного вопроса философии, если не считать распространение материалистического его решения и на общество.

Но были в СССР и философы, которые в эпоху «оттепели» пытались возродить подлинный диалектический и исторический материализм, что было невозможно без творческой разработки всех основных проблем. Не имея возможности детально рассмотреть этот сюжет, ограничусь лишь некоторыми, самыми яркими именами.

Я долгое время полагал, что к числу тех, которые считали себя марксистами в области философии и стремились к творческому ее обновлению, с самого начала принадлежал Александр Александрович Зиновьев (1922–2006). Мне казалось, что об этом свидетельствовала его кандидатская диссертация, посвященная логике в «Капитале» К. Маркса (1954). Однако, как он сравнительно недавно заявил, ему с самого начала его пути в науке была совершенно ясна полная несостоятельность марксистской философии⁵⁶. Его попытки предпринять разработку теории познания не увенчались успехом, и он занялся современной символической логикой. Насколько велики его достижения в этой области знания, судить не мне, здесь я не специалист. Одновременно А. А. Зиновьев обратился к тому, что сам он называл социологией. Материал им был собран большой, отдельные его высказывания заслуживают внимания, но, вопреки его собственным представлениям, никакой социологической теории он создать не смог. Бесспорное его достижение, но только в сфере не философии и науки, а литературы, представляет его умная и едкая, в духе Рабле и Свифта, сатира «Зияющие высоты» (1976), в которой не только была высмеяна наша действительность, но и даны красочные портреты представителей нашего высшего философского света. Этого ему простить не могли. Его лишили всех степеней и званий и вынудили уехать за границу, где он и пробыл с 1978 по 1999 г.

Другая крупная фигура — Павел Васильевич Копнин (1922–1971), который, как уже говорилось в четвертой книге цикла (IV.4.1; 8.1), занялся разработкой проблем разума и рассудка, выявлением сути идеи как формы

⁵⁶ См.: Зиновьев А. А. О марксизме // Феномен Зиновьева. М., 2002. С. 273.

мышления. Но, к сожалению, треволения, которые он испытал на посту директора Института философии АН СССР (1968–1971), и связанная с этим преждевременная смерть не дали ему возможность в полной мере реализовать свои замыслы.

Если П. В. Копнин всегда оставался сторонником диалектического материализма, то иным был путь Георгия Петровича Щедровицкого (1929–1994). Начав как материалист, он, как было показано во второй книге цикла (II.12.1), в конце концов создал свой собственный вариант социоконструктивного идеализма. К социоконструктивному идеализму шли — и пришли — и многие другие сторонники так называемого деятельностного подхода, в частности, как уже указывалось (IV.14.3), Игорь Серафимович Алексеев (1935–1988).

Вообще, движение к социоконструктивному идеализму характерно для многих философов, считавших себя марксистами. Эти идеи развивались в Югославии группой «Праксис» (Praxis), сложившейся вокруг одноименного журнала в Загребе (Гайо Петрович, Михайло Маркович, Светозар Стоянович и др.). Они, как и Д. Лукач, обосновывали положение о том, что диалектики нет и не может быть в природе, и выступали против теории отражения. Как утверждают они сами, вначале они считали себя поборниками истинного, очищенного от извращений марксизма, затем стали трансформироваться во все более радикальных ревизионистов, а затем порвали с марксизмом, превратившись с постмарксистов⁵⁷. Так что с ними все более или менее ясно.

⁵⁷ См.: *Маркович М.* Маркс об отчуждении // ВФ. 1989. № 9; *Стойнович С.* От марксизма к постмарксизму // ВФ. 1990. № 1; *Петрович Г.* Социализм по-прежнему остается «открытым вопросом» ... // ВФ. 1991. № 2.

В настоящее время в Китайской Народной Республике, которая переживает период, сходный отчасти с нашей «оттепелью», отчасти с нашей же перестройкой, набирает силу и получает все большее распространение течение под названием «философия практического материализма». Сторонники его выступают с критикой диалектического материализма, который именуется ими не иначе как «так называемый». Ему они противопоставляют качественно иной материализм. «Практический материализм, — пишет, например, китайский философ Ань Цинянь, — представляет собой совершенно иную трактовку марксистской философии. Это материализм, но он подчеркивает, что реальный мир, с которым мы сталкиваемся, есть продукт практической деятельности человека, и только с опорой на практику возможно его рациональное объяснение»⁵⁸.

Добавим для ясности еще два высказывания того же автора. «Конструкция философской системы опирается не на „принцип материи“, а на „принцип практики“, заменяя тем самым коренное изменение философии, ее превращение из закрытой системы в открытую. Практика определяет уровень нашего овладения „материей“, „сознанием“, „миром“, „законами“. Уже не нужно исходить из „материи“ для объяснения „практики“; напротив, необходимо исходить из „практики“ для объяснения материи. Мир — „набросок“, „проект“, рисуемый людьми в процессе практики, мир находится в развитии, и этот набросок тоже изменяется»⁵⁹. Отсюда следует: «Борьба старого материализма и идеализма уходит в историю, простой от-

⁵⁸ Ань Цинянь. Современная китайская марксистская философия — практический материализм // ВФ. 2007. № 5. С. 27.

⁵⁹ Там же. С. 29.

вет на вопрос, что первично, „мышление“ или „бытие“, уже не соответствует требованиям современной практической деятельности»⁶⁰. Как явствует из всего сказанного, перед нами вовсе не какой-то новый материализм, а не что иное, как очередной вариант социоконструктивного идеализма, мало отличающийся от философских построений А. А. Богданова, Д. Лукача, К. Корша, А. Грамши и Г. П. Щедровицкого.

Но результат философских исканий Г. П. Щедровицкого еще не самый худший. Два других известных тогда «ищущих» философа — Николай Николаевич Трубников (1929–1983) и Генрих Степанович Батищев (1932–1999) — к концу своих исканий окончательно свихнулись в мистицизм и религию.

Но, разумеется, самой крупной фигурой среди философов этой эпохи был Эвальд Васильевич Ильенков (1924–1979). Во второй книге цикла (II.5.2, 12.1) уже рассказывалось, как он в поисках решения проблемы социального идеального, тесно связанной с вопросом о природе общего, соскальзывал в сторону объективного идеализма. Однако в конечном счете он всегда оставался приверженцем диалектического материализма вообще и диалектико-материалистической теории отражения в частности. Если взгляды крупного философа и литературоведа Михаила Александровича Лифшица (1905–1983) становились все более и более последовательно объективно-идеалистическими, то развитие воззрений Э. В. Ильенкова шло в противоположном направлении: он постепенно все в большей степени избавлялся от вкравшихся в его работы моментов объективного идеализма. Это особенно хорошо

⁶⁰ Ань Цинянь. Современная китайская марксистская философия — практический материализм // ВФ. 2007. № 5. С. 29.

видно на примере его последней, изданной посмертно книги «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма (Размышление над книгой В. И. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“)» (1980). В ней Э. В. Ильенков выступает как до конца последовательный диалектический материалист.

Вполне понятно, что все попытки возродить и обновить марксистскую философию встречали отпор со стороны партийных и философских верхов. В первой книге цикла (I.2.1–2) уже рассказывалось о том, как Э. В. Ильенков и его друг Валентин Иванович Коровиков были в 1955 г. осуждены на заседании ученого совета философского факультета МГУ и уволены за отстаивание положения о том, что философия есть наука о познании, и прежде всего о мышлении, что она в своей сущности есть логика.

После XX съезда КПСС (1956) положение несколько улучшилось, но ненадолго. В конце 60-х – начале 70-х гг. началось идеологическое контрнаступление партийной номенклатуры. Руководство КПСС приняло меры для того, чтобы покончить со всяким свободомыслием в области общественных наук. В начале 70-х гг. была насильственно оборвана начавшаяся в 1964 г. оживленная дискуссия об азиатском способе производства. Правда, никого из ее участников не «посадили», как это было во время первой такой дискуссии, происходившей в конце 20-х – начале 30-х гг., и даже не выгнали с работы, но рты противникам ортодоксальной точки зрения заткнули прочно — их приказано было впредь не печатать. В 1970 г. был разгромлен сектор методологии истории Института всеобщей истории АН СССР, возглавляемый Михаилом Яковлевичем Гефтером (1918–1995). В 1974 г. подверглась публичному осуждению историки, группи-

ровавшиеся вокруг директора Института истории СССР Павла Васильевича Волобуева (1923–1997), а сам он был отстранен от должности.

Иные думают, что изречения, подобные тому, которое навсегда прославило имя нашего экс-премьера В. С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда», — редкость. Но они ошибаются. Наша как бывшая, так и нынешняя номенклатура всегда отличалась склонностью к такого рода афористике. В конце собрания, на котором громили П. В. Волобуева, выступил инструктор отдела науки ЦК КПСС, который был куратором Института истории СССР. К сожалению, фамилии его я не запомнил, но зато слова, произнесенные им, навсегда врезались в мою память. Привожу их почти дословно. «Я понимаю, — сказал он, — что ученые всегда стремятся творчески обсуждать все интересующие их вопросы. Одного лишь я понять не могу: ну зачем ученому отсебятина». Лучше охарактеризовать то, что происходило тогда в области общественных наук вообще и исторической науки в частности, невозможно: шла борьба с «отсебятиной». Коснулось это, конечно, и философии, что мне пришлось испытать на собственной шкуре, ведь я в то время работал в секторе методологии истории ИВИ АН СССР.

Но дело не в том, что я оттуда был уволен, — я там работал лишь по совместительству. Главное состояло в том, что мои чисто философские работы, посвященные как теории познания, так и материалистическому пониманию истории, чаще всего под тем или иным предлогом отклонялись. Одна причина была довольно ясна. Номенклатурные философские верхи считали меня ревизионистом и «путаником». Я еще в 1957 г., впервые в СССР, после завершения первой дискуссии об азиатском способе произ-

водства и за семь лет до начала новой дискуссии на эту тему выступил с критикой знаменитой «пятичленки» и привел доказательства в пользу существования на Древнем Востоке особой общественно-экономической формации, отличной от рабовладельческой⁶¹.

Но помимо охарактеризованных выше противников у меня оказались идейные недруги и несколько иного рода. Вплоть до 1967 г. я жил в провинции, вначале в Красноярске, затем в Рязани. Поэтому мне трудно сказать, когда это началось, но в 60-е гг. значительная часть молодых столичных философов была настроена крайне антимарксистски. И объяснить это можно.

С философской оппозицией псевдомарксизму произошла примерно та же история, что и с оппозицией существовавшему у нас общественному строю. Вначале последняя имела ярко выраженный социалистический характер. Люди, выступавшие с критикой наших порядков, считали необходимой замену выродившегося, как они считали, социализма настоящим, подлинным социализмом, при котором власть действительно будет принадлежать всему народу, а не касте бюрократов. Затем начали возникать и усиливаться антисоциалистические и прокапиталистические настроения⁶².

Примерно то же происходило и в философии. Если первоначально самостоятельно мыслящие философы ставили своей задачей возродить и обновить диалектиче-

⁶¹ См.: Семенов Ю. И. К вопросу о первой форме классового общества // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Т. 9. Вып. 1. 1957. Перепечатано: Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М., 2011.

⁶² Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства... С. 166.

ский материализм, то в последующем положение начало меняться. Определенная часть советских философов, прежде всего столичных, принимая набор фраз, в который выродилась в сталинское время философия марксизма, за подлинный диалектический материализм, прониклась презрением и даже ненавистью к нему и обратилась к различного рода немарксистским и антимарксистским философским построениям⁶³.

И эти люди составляли основную часть работников редакций философских журналов. Если для верхов я был ревизионистом, то для них — консерватором, реакционером. Если номенклатурные верхи раздражало, что я писал об азиатской формации, то для «низов» было совершенно неприемлемо, что я отстаивал теорию общественно-экономических формаций, не отвергал, а разрабатывал материалистическое понимание истории. И чем лучше была написана моя статья, тем большую неприязнь она у них вызывала.

Первоначально я об этом даже не подозревал. Но однажды меня просветил один из сотрудников редакции журнала «Вопросы философии». «Ваша статья, — сказал он мне, — написана чрезвычайно ярко и убедительно. Прочитав ее, многие придут к выводу, что теория общественно-экономических формаций верна, что она не только не находится в противоречии с новыми фактами, но, наоборот, с ними полностью согласуется. Тем самым ваша статья будет способствовать росту доверия к марксизму, что допустить нельзя. Марксизм должен быть дискредитирован. Поэтому мы ее в журнал ни в коем случае

⁶³ См.: Семенов Ю. И. О моем пути «в первобытность» // Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы. М., 2003. С. 182–195.

не пропустим. Из статей по историческому материализму мы отбираем только самые дубовые, самые глупые, способные только окончательно скомпрометировать это учение. А если вы вдруг захотите обратиться за поддержкой к главному редактору, то мы ему скажем, что ваша статья является ревизионистской, что она направлена на подрыв марксизма».

Сейчас мало кто усомнится в моем рассказе. Появились воспоминания людей, которые повествуют о том, как они еще до начала перестройки, клянясь на всех заседаниях в верности марксизму, от всей души его ненавидели и всячески стремились ему напакостить⁶⁴. Достаточно привести слова известного философа Мераба Константиновича Мамардашвили (1930–1990), работавшего именно в это время, в 1968–1974 гг., заместителем главного редактора названного журнала, произнесенные им, разумеется, уже во время перестройки, а точнее — в феврале 1988 г.: «Скажем, в мое время на философском факультете — я окончил его в 1954 г. — всякий человек, который занимался историческим материализмом, был презираем... Сам знак того, что ты занимаешься болтовней, называемой историческим материализмом, свидетельствовал о том, что ты мерзавец. Хорошо это или плохо — другой вопрос. Но это была наша история. Время — которое все расставляет по местам»⁶⁵.

Такова была духовная атмосфера, существовавшая не только в редакции названного журнала, но также в Институте философии, Институте научной информации по

⁶⁴ См., например: *Кантор В. К.* Возможность дышать, или Лекарство от официоза // ВФ. 2004. № 8; *Шаров А. Я.* Хамелеон (почти по Чехову); *У нас и у них* (словарь-пособие) // ВФ. 2004. № 8.

⁶⁵ *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. М., 1992. С. 364.

общественным наукам (ИНИОН) и других гуманитарных учреждениях. Подобная обстановка страшно развращала и духовно калечила тех, кто в ней жил. Можно по-разному относиться к диссидентству, которое берет начало в эти же годы. Диссиденты говорили немало глупостей. Но, по крайней мере, они были честными людьми, открыто отстаивавшими свои взгляды, невзирая на возможные весьма печальные последствия. Иное дело — упомянутая выше публика, которая, с одной стороны, холуйствовала перед властью, а с другой, ее же поносила. Этот мир двоедушия, лицемерия, подлости, карьеризма и был прекрасно обрисован в книге А. А. Зиновьева «Зияющие высоты». В частности, содержится в ней и портрет М. К. Мамардашвили, который выведен там под именем Мыслителя.

«Мыслитель знал, — читаем мы в книге, — что он — самый умный человек в Ибанске (Москве. — Ю. С.). Он занимал пост в журнале и был этим доволен, ибо большинство не имело и этого. Но он был недоволен, ибо другие занимали посты и повыше... В глазах передовой мыслящей творческой интеллигенции Ибанска Мыслитель был как бы расстрелянным, причем расстрелянным, с одной стороны, несправедливо (или, скорее, незаконно), но, с другой стороны, вроде бы за дело, ибо имел мысли, выходящие за рамки. Мыслитель не жил, а выполнял Миссию и преследовал Цели. Какую Миссию и какие Цели, никто не знал. Но все знали, что они есть... Иногда Мыслитель печатал вполне правоверные, но бессмысленные статьи. Появление их становилось праздником для мыслящей части населения Ибанска. Всякий мог своими собственными глазами убедиться в выдающемся мужестве Мыслителя, который первым стал ссылаться на исторические речи нового Заведующего (Л. И. Брежнева. —

Ю. С.) и довел число ссылок на них до рекордной величины. Он рискнул даже сослаться на еще ненаписанную речь Заведующего, чем заслужил незаслуженный упрек в нескромности и подозрение в чрезмерной прогрессивности»⁶⁶.

Еще один персонаж из той же обоймы — заведующий с 1971 г. отделом философских наук ИНИОН, доктор философских наук Анатолий Ильич Ракитов. Он был рьяным сторонником неопозитивизма и считал диалектический материализм совершенно несостоятельным. Мне приходилось полемизировать с ним по этому вопросу. Но когда был объявлен всесоюзный конкурс на учебник по марксистской философии для сети партийной учебы, он с готовностью принял в нем участие. Рукопись была удостоена премии, в 1985 г. опубликована, и автор получил солидный гонорар.

В учебнике говорилось о величии и правильности того самого диалектического материализма, который он отвергал как совершенно несостоятельное учение, и подвергалась критике аналитическая философия, приверженцем которой он был. Как говорится, деньги не пахнут. Помимо всего прочего, автор сурово осуждал капитализм, который «в действительности не стабилен, раздирается внутренними противоречиями и с объективной необходимостью созревает для глубоких перемен. В конечном счете эти перемены должны привести к созданию качественно новых общественных отношений в соответствии с законами исторического развития, открытыми и сформулированными марксизмом-ленинизмом»⁶⁷. Конечно, доставалось и капиталистам, эксплуатирующим трудящихся⁶⁸. А спу-

⁶⁶ Зиновьев А. А. Зияющие высоты. Кн. 1. М., 1990. С. 36–37.

⁶⁷ Ракитов А. И. Марксистско-ленинская философия. М., 1986. С. 361.

⁶⁸ Там же. С. 151–153.

стя всего лишь пять лет он с жаром призывал россиян «молиться на собственных миллионеров». «Обогащаясь сами, — поясняет недавний рьяный обличитель капитализма, — миллионеры-капиталисты делают богатым общество в целом»⁶⁹.

Таких людей, так же как и представителей нашей идеологической знати, меньше всего интересовала истина. На этой почве они вполне сходились. Но главное, что их объединяло, — наличие общего врага в лице людей, которые пытались творчески развивать марксизм. Последние были людьми самостоятельно мыслящими, для которых не было никаких авторитетов. Для нашей номенклатуры они были неизмеримо более опасными противниками, чем открытые и прикрытые антимарксисты. Они могли, превратив диалектический и исторический материализм из набора безжизненных фраз в истинный метод познания, проникнуть в сущность нашего общественного строя и тем самым вынести ему приговор. Это было по-настоящему опасно. Опасны были эти самостоятельно мыслящие люди и для наших доморощенных приверженцев немарксистских философских систем.

Все последние оказались совершенно неспособными сказать свое собственное слово. Они, как и наши псевдомарксисты, оказались полными догматиками. У них была полностью атрофирована способность самостоятельно мыслить. Они могли только верить. Потеряв веру в марксизм, который представал в их глазах как сумма догм, или вообще не уверовав в такого рода марксизм, они спешно стали искать новые объекты веры. Недовольство одними кумирами породило поиски других кумиров. Вместо

⁶⁹ Ракитов А. И. Направление прорыва // Российская газета. 09.01.1991.

того чтобы стать свободомыслящими, они стали инаковерующими. И этими новыми идолами для одних стали русские религиозные философы, для других — современные западные.

Некоторые из них уверяли, что ими сделаны великие открытия, но они вынуждены таить их в ящиках своих письменных столов. Но вот наступила перестройка, а затем постсоветская эпоха. Открылась возможность извлечь эти драгоценные клады. И что же появилось на свет? Ничего. В самом лучшем случае — бесконечные перепевы того, что давно уже вышло из моды на Западе.

В те дни все наши тогдашние философские инаковерующие были убежденными врагами марксизма. Но в псевдомарксизме они не видели особой опасности. Последний деградировал на глазах. Реальной угрозой для них был лишь творческий марксизм. Важно было не дать ему дорогу. И они все делали для этого, не брезгуя средствами, объединяя свои усилия с нашими номенклатурными ортодоксами. Как уже указывалось, и тем и другим было наплевать на истину.

Для меня подобная позиция всегда была абсолютно неприемлемой. Я считал тогда и считаю сейчас, что настоящий ученый должен руководствоваться только одним — поисками истины, независимо от того, кому она может быть полезна или вредна. В противном случае никакой науки не будет. Именно такого взгляда придерживались все настоящие марксисты. «...Правда, — писал В. И. Ленин, — не должна зависеть от того, кому она должна служить»⁷⁰. А еще раньше К. Марксом было сказано: «...Но человека, стремящегося приспособить науку к такой точке

⁷⁰ Ленин В. И. Письмо Е. С. Варге. 1.IX.1921 г. // Полн. собр. соч. Т. 54. С. 446.

зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а извне, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами, — такого человека я называю „низким“»⁷¹.

Пробить сложившийся к концу 60-х — 70-м гг. XX в. двойной — ортодоксально-марксистский (точнее, псевдо-марксистский) и антимарксистский — барьер было практически невозможно. На страницах «Вопросов философии» тогда можно было встретить любое недомыслие, включая самое антимарксистское, но только не творческую марксистскую мысль. Убедившись в этом, я стал заниматься в основном исследованиями в области этнографии и истории первобытного общества. Изредка у меня появлялась возможность публиковать статьи по отдельным вопросам исторического материализма. Не могу не назвать людей, которые мне в этом помогали: это тогдашний заместитель главного редактора журнала «Философские науки» кандидат, позднее доктор философских наук Владимир Николаевич Шевченко и заведующий кафедрой философии Академии общественных наук при ЦК КПСС доктор философских наук Хачик Нишанович Момджян (1909–1996). Но о систематическом изложении нового понимания исторического материализма невозможно было даже и мечтать. И совершенно не удавалось пробить ни одной статьи по проблемам теории познания. А я еще тогда пришел к целому ряду идей, которые изложены впервые в данном цикле книг. В то время они казались слишком крамольными.

⁷¹ Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть вторая (главы VIII–XVIII) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 125.

Э. В. Ильенков тоже временами мечтал об уходе из философии в такую область, где ему бы не мешали работать. «Уж очень хочется этим молодцовым, — писал он в январе 1968 г. Юрию Андреевичу Жданову, — вернуть все назад. А их, увы, много. Вот и думается — еще двести лет будет тянуться эта ерунда, если раньше бедой не кончится. И валится все из рук, хочется махнуть рукою на всю эту философию несчастную и беспомощную и заняться чем-нибудь другим»⁷². В этом, по-видимому, была одна из причин, побудивших его обратиться к проблеме обучения слепоглухих детей, которой он начал заниматься в сотрудничестве с крупным психологом и педагогом Александром Ивановичем Мещеряковым (1923–1974).

Но главное внимание он продолжал уделять теории познания. И здесь ему пришлось столкнуться не только с философскими верхами, но и с теми антимарксистскими философскими «низами», о которых выше уже шла речь. Почти все наши тайные антимарксисты были сторонниками позитивизма. А Э. В. Ильенков был убежденным противником этой философии. В письме, с которым он во второй половине 60-х гг. обратился в ЦК КПСС, говорилось не только о падении в нашей стране авторитета марксистской философии, но и о росте у нас влияния «других самых пестрых и многочисленных школ и концепций», в первую очередь неопозитивизма⁷³. Не стеснялся Э. В. Ильенков крепких выражений в адрес приверженцев позитивизма, что особенно проявилось в его посмертной книге. Его друг и единомышленник Феликс Трофимович

⁷² Цит.: Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое: Воспоминания очевидца. Ростов н/Д, 2004. С. 389.

⁷³ Ильенков Э. В. О положении в философии (письмо в ЦК партии) // Эвальд Васильевич Ильенков / Под. ред. В. И. Толстых. М., 2008. С. 379.

Михайлов (1930–2006) рассказывал, как, ознакомившись с рукописью этой работы, уговаривал автора смягчить выражения⁷⁴.

Все это ему даром не прошло. Он оказался объектом нападков со стороны не только наших руководящих ортодоксов-псевдомарксистов (В. С. Молодцова и др.), но и наших доморощенных приверженцев неопозитивизма и постпозитивизма. «...Поппер, — пишет С. Н. Мареев, хорошо знавший обстоятельства жизни Э. В. Ильенкова, — не был альтернативой Молодцову и компании. Они готовы были даже поощрять такое „знакомство“. Но Ильенкову-то Поппер и даром был не нужен, так же как и Молодцов: это все люди одного пошиба, одного и того же философского калибра. Поэтому Ильенков попал под перекрестный огонь, с одной стороны, Молодцова, Готта и пр., а с другой — сторонников и поклонников Поппера»⁷⁵.

«Те, кто исповедовал дух и букву позитивизма, — вспоминает доктор философских наук Вадим Михайлович Межуев, — видели в нем последнее слово в развитии методологии научного познания, оценивая, пусть и негласно, диалектику как философскую архаику, пережиток гегельянской „метафизики“, делали успешную научную и служебную карьеру. Разумеется, они также демонстрировали внешнюю лояльность марксизму, критиковали для видимости „буржуазный позитивизм“, что не мешало им, однако, встречать в штыки работы Ильенкова, защищавшего в борьбе с позитивизмом диалектику как логику

⁷⁴ Михайлов Ф. Т. Эвальд Васильевич Ильенков (1924–1979) // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. 1960-е годы. М., 1999. С. 448.

⁷⁵ Мареев С. Н. Из истории советской философии: Лукач — Выготский — Ильенков. М., 2008. С. 382.

и теорию познания. Подобная полемика вполне приемлема в рамках философской дискуссии, но поразительно, что идеологическое начальство было отнюдь не на стороне Ильенкова»⁷⁶.

«Большие и малые погромы, — писал остававшийся всю жизнь его ближайшим другом Валентин Иванович Коровиков, — отнимали у Эвальда Васильевича много сил, времени, творческой энергии, порой доводили до отчаянья... Он ушел из жизни в самый разгар общественного застоя, безвременья, когда процветали карьеристы, хапуги, всевозможные прохиндеи. Подобная антидуховная циничная стяжательская атмосфера была для него гибельна...»⁷⁷ Об этом же пишет другой ближайший друг Э. В. Ильенкова — Л. К. Науменко в книге «„Наше“ и „мое“. Диалектика гуманистического материализма» (2012)⁷⁸.

В заключение остается только сказать, что за годы, прошедшие после смерти И. В. Сталина и XX съезда КПСС, положение в философии значительно улучшилось. Появилось немало хороших работ практически во всех ее областях, многие из которых были названы в предшествующем изложении. Однако преодолеть псевдомарксизм, возродить и заново разработать диалектический материализм в целом так и не удалось. Он по-прежнему для большинства философов и ученых оставался набором штампо-

⁷⁶ Межуев В. М. Эвальд Ильенков и конец классической марксистской философии в России // Межуев В. М. Маркс против марксизма. М., 2007. С. 151.

⁷⁷ Коровиков В. И. Начало и первый погром // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. 1960–1980-е годы. М., 1999. С. 478.

⁷⁸ Науменко Л. К. «Наше» и «мое». Диалектика гуманистического материализма. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012. С. 241–242.

ванных фраз, которые надо было в обязательном порядке заучивать и повторять, где надо и не надо. Отношение к нему значительной части естествоиспытателей более чем резко выразил крупнейший советский физик-теоретик академик Аркадий Бейнусович Мигдал (1911–1991): «У думающих людей преподавание философии в существующей форме вызывает такое же отвращение, как у детей насильственное кормление»⁷⁹.

⁷⁹ Мигдал А. Б. Физика и философия // ВФ. 1990. № 1. С. 5.

Глава 4

Современное состояние философской мысли в России

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1105 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637

1. Поворот от старого (псевдомарксистского) догматизма к новому (антимарксистскому)

С победой «демократической» контрреволюции 1991 г. в России¹ марксизм вообще и диалектический материализм в частности перестали быть обязательными для граждан государства. В результате подавляющее большинство наших философов, обществоведов и вообще ученых отказалось от них. Все это несомненные факты. Но понимать их можно по-разному.

Одни утверждают, что марксизм у нас рухнул в результате того, что люди наконец-то получили возможность свободно выбирать мировоззрение. Как уверяют они, свобода мысли — смерть для марксизма. Марксизм может господствовать только в условиях государственного принуждения. Как только люди получили возможность свободно мыслить, они сразу же поняли всю несостоятельность этого учения.

На деле все обстоит иначе. Допустим даже, что с крушением советского строя люди действительно получи-

¹ Подробнее об этом см.: *Семенов Ю. И.* Политарный («азиатский») способ производства... С. 337–375.

ли возможность свободно мыслить. Но возможность еще не есть действительность. Чтобы свободно мыслить, мало иметь на это право. Нужно уметь самостоятельно мыслить. А это сразу не приходит.

Выше уже говорилось, что таким умением не обладали многие из тех, кто еще в советское время порвали с марксизмом. Они мыслить самостоятельно были совершенно неспособны. Они могли только верить. И когда у них рухнула старая вера, они перешли в новую, сменили одних кумиров на других.

Еще в большей степени это относится к тем людям, которые отказались от марксизма в постсоветское время. Почти все они были лишены умения самостоятельно мыслить. В значительной степени это, разумеется, результат сталинского времени, когда способность к самостоятельному поиску истины в области философии и обществоведения буквально выжигалась, о чем выше было уже достаточно сказано.

Но нельзя не обратить внимания, что неспособность самостоятельно мыслить и обусловленное этим слепое преклонение перед теми или иными авторитетами были присущи русской гуманитарной интеллигенции уже давно — по существу, со времени ее появления на свет. Столь же давно об этом писали самые различные деятели русской культуры: философы, историки, политики, литераторы.

Одним из первых обратил внимание на несамостоятельность русской мысли Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856). За ним это же самое в довольно нелюбезной форме отметили Петр Никитич Ткачев (1844–1886), Николай Алексеевич Некрасов (1821–1877/78), Василий Осипович Ключевский (1841–1911), Влас Михайлович Дорошевич (1864–1922), Лев Давидович Троцкий (1879–1940).

Об этом мне уже приходилось писать², а слова Н. А. Некрасова уже были приведены в первой книге цикла (I.1.3). Здесь я ограничусь лишь высказыванием П. Н. Ткачева в работе «Кладези мудрости русских философов» (1878). «Наше развитие, — писал он, — как и развитие наших отцов, совершалось под вечным гнетом того или другого умственного авторитета. Освобождаясь от одного идола, от одного авторитета, мы сейчас же подпадали под иго другого; познакомились мы с Боклем — и мы стали клясться им, и всякое несогласие с ним казалось нам несомненным признаком крайнего невежества и даже ретроградства; прочли мы Милля — и Милль стал нашим „учителем“; усомниться в доброкачественности этого учителя значило прослыть за человека не только глупого, но просто даже недобросовестного. Теперь смешно об этом вспоминать, но ведь это было очень недавно, это повторяется на каждом шагу и теперь; меняются только имена авторитетов, а отношение к ним не изменилось ни на волос. Вчера мы идолопоклонничали перед одним „учителем“, сегодня идолопоклонствуем перед другим, завтра будем идолопоклонствовать перед третьим»³.

В обстоятельствах, когда у людей отсутствует самостоятельное мышление, ни о каком свободном выборе той или иной концепции, даже при наличии всех прочих условий, не может быть и речи. В этом случае выбирают не учение как таковое, а кумира. И совершается этот выбор не в результате самостоятельной работы ума, а в силу обстоятельств, чаще всего внешнего влияния.

² См.: Семенов Ю. И. Идеологическая мода в науке и скептицизм // Скепсис. № 2. Зима 2002–2003.

³ Ткачев П. Н. Кладези мудрости русских философов. М., 1990. С. 295.

Таким влиянием может быть, как указывалось П. Н. Ткачевым, мнение окружающих. Когда человек неспособен самостоятельно мыслить, выбор зависит не от него самого, а от действия внешних сил.

Если вернуться к ситуации, сложившейся в России после 1991 г., то, даже если не принимать во внимание никакие другие факторы, кроме несамостоятельности мышления, в самом худшем положении оказывался марксизм. Ведь он предстал перед людьми в форме псевдомарксизма, который действительно заслуживал быть отброшенным. Чтобы понять, что кроме псевдомарксизма существует еще и настоящий марксизм, нужно было уметь самостоятельно мыслить. Сделать выбор в пользу марксизма способен был только человек, обладающий способностью к самостоятельному мышлению.

Зависимость при отсутствии самостоятельного мышления выбора человеком того или иного учения от действия внешних сил имела бы место и тогда, когда не было никакого вмешательства власти. Новая власть законодательно никогда не запрещала марксизм, хотя от нее этого настоятельно требовали некоторые ярые борцы за свободу слова и мысли вроде «главного интеллигента России» академика Дмитрия Сергеевича Лихачева (1906–1999). Но и нейтралитета в области идеологии она никогда не придерживалась. Она с самого начала достаточно четко давала понять, что марксизм ей неуютен. Она и инициировала, и поощряла яростную компанию против марксизма. Марксизм почти повсеместно осуждался в средствах массовой информации. Если и были единичные выступления в его защиту, то в изданиях, не имеющих широкого распространения.

В этом заключался еще один, помимо неспособности к самостоятельному мышлению, фактор, обеспечивавший

повсеместный отказ от марксизма, — раболепие перед властью, страх перед ней и стремление ей угодить. К этому наши люди давно уже были приучены прежней властью. Можно вспомнить анекдот, когда человек, заполнявший анкету, на вопрос, были ли у него колебания в проведении линии партии, ответил: колебался вместе с линией.

Если при жизни И. В. Сталин безмерно восхвалялся, то после XXII съезда КПСС (1961) наступил краткий промежуток времени, когда его имя в печати упоминать было вообще нельзя. Когда, например, секретарь Красноярского крайкома КПСС по идеологии обнаружил в сигнальном экземпляре моей книги «Возникновение человеческого общества» (1962) в списке литературы статью крупнейшего советского этнографа Сергея Павловича Толстого (1907–1976), в названии которой фигурировало название работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», то в типографию, где находился уже готовый тираж, было дано указание выдрать из всех экземпляров крамольную страницу и вклеить взамен новую, где бы не упоминалась данная статья.

Таким образом, к подобного рода крутым поворотам нашим философам и обществоведам, прежде всего специалистам по научному коммунизму, было не привыкать. Поэтому они мгновенно переориентировались: на смену безудержному восхвалению марксизма пришло безмерное его оплевывание. Проявилась своеобразная закономерность: чем больше человек в старые времена восхвалял марксизм, чем больше он громил тех, кого он объявлял отступниками от марксизма, ревизионистами, тем больше он в новую пору изощрялся в проклятиях этому учению. За примерами далеко ходить не надо. Достаточно назвать хотя бы секретаря ЦК КПСС по идеологии ака-

демика Александра Николаевича Яковлева (1923–2005) и заместителя начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота генерал-полковника, доктора философских и доктора исторических наук Дмитрия Антоновича Волкогонова (1928–1995)⁴.

В общем все произошло точно по Александру Галичу (1918–1977). Герой его «Баллады о прибавочной стоимости» тоже начинал с прославления марксизма:

Я научность марксистскую пестовал,
Даже точками в строчках не брезговал.
Запятым по пятам, а не дуриком,
Изучал «Капитал» с «Анти-Дюрингом»...
И повсюду, где устно, где письменно,
Утверждал я, что все это — истинно⁵.

А когда марксизм стал ему невыгоден, кончил проклятиями в его адрес:

Негодяи, кричу, лоботрясы вы!
Это все, я кричу, штучки марксовы!⁶

То, что произошло с А. Н. Яковлевым и Д. А. Волкогоновым, типично для людей, занимавших высокие посты в советское время. Исключения крайне редки. Один из немногих — Евгений Максимович Примаков. Обращаясь ко времени, когда рухнул СССР, он так пишет о том, что происходило на его глазах: «Одни, рубя с плеча, отрицали марксизм, порывали с ним. Другие оставались и остаются марксистами, веря в его научную ценность,

⁴ См.: Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства... С. 191–192; Он же. Философия истории... С. 388.

⁵ Галич А. А. Баллада о прибавочной стоимости // Галич А. А. Возвращение. Л., 1989. С. 126.

⁶ Там же. С. 130.

особенно как методологии познания тех или иных социально-экономических и политических порядков в мире. Я принадлежу к этим „другим“»⁷.

Таким образом, вместо того чтобы стать свободомыслящими, наши философы и обществоведы стали просто-напросто инаковерующими. Отрекшись от одних кумиров, они тут же нашли новых, которым стали так же истово поклоняться, как раньше классикам марксизма. Поиски новых авторитетов шли по старому известному принципу — «от противного». Новыми божествами для значительного числа наших обществоведов стали те самые мыслители, которых эти же люди ранее разоблачали с кафедр и на страницах книг и журналов. И при этом многие из этих перевертышей свято уверовали, что тем самым они прониклись принципиально новым духом. В действительности же дух остался прежним — холуйским, догматическим. И здесь невольно вспоминается еще одно стихотворение — баллада Алексея Константиновича Толстого (1817–1875) «Поток-богатырь». Ее герой, уснувший в эпоху Древней Руси, просыпается дважды: один раз во времена Ивана Грозного, второй — в 60-х гг. XIX в. И во время второго пробуждения к нему обращаются с требованием преклониться перед русским мужиком:

И подумал Поток: «Уж, господь борони,
Не проснулся ли слишком я рано?
Ведь вчера еще, лежа на брюхе, они
Обожали московского хана,

А сегодня велят мужика обожать!
Мне сдается, такая потребность лежать

⁷ Примаков Е. М. Мысли вслух. М., 2011. С. 92.

То пред тем, то пред этим на брюхе
На вчерашнем основана духе!»⁸

Таким образом, начиная с 90-х гг. XX в. в идейной жизни России происходили два теснейшим образом связанных процесса: (1) повсеместное и полномасштабное искоренение марксизма, именно марксизма, а не просто псевдомарксизма, и (2) столь же повсеместное и полномасштабное внедрение немарксистских философских и обществоведческих учений. Эти процессы происходили одновременно, но рассмотреть их иначе как вначале один, а затем уже другой — невозможно.

Начну с второго.

2. Внедрение новых философских кумиров и его результаты

После крушения советского строя на смену идеологическому единобожию пришло идеологическое же многобожие, которое характеризовалось не только и не просто наличием множества кумиров, из числа которых можно было сделать выбор, но и поклонением одновременно многим идолам. Во многом возродилось все то, что красочно было описано П. Н. Ткачевым. Однако возникли и новые моменты.

Одним из них было появление специальных терминов для обозначения тех авторитетов, которым надлежало безоговорочно поклоняться и которых ни при каких условиях нельзя было критиковать. Этими терминами стали

⁸ Толстой А. К. Поток-богатырь // Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М., 1963. С. 312.

словосочетания «культовая фигура» и «знаковая фигура». Культовыми фигурами в области философии стали Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, К. Поппер, О. Шпенглер, П. Сорокин, А. Дж. Тойнби, Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский и многие другие. Чего стоит одно только название книги доктора философских наук Вадима Петровича Руднева — «Божественный Людвиг (Витгенштейн: Формы жизни)» (2002)⁹.

Помню, как во время защиты одной кандидатской диссертации, в которой в крайне корректной форме были подвергнуты убедительной критике некоторые положения, выдвинутые Питиримом Александровичем Сорокиным (1889–1968), первый оппонент, не имея возможности опровергнуть критические замечания диссертанта, патетически воскликнул: «Он поднял руку на самого Сорокина!» Повеяло столь родным и знакомым. «Поднял руку на самого Маркса! Поднял руку на самого Энгельса! Поднял руку на самого Ленина!» — все это мы уже проходили. Ползали на брюхе перед К. Марксом, теперь ползают на том же пузе перед П. Сорокиным.

И раньше люди, свято уверовавшие (пусть даже на время) в того или иного авторитета, занимались вербовкой новых его приверженцев. Теперь это поставлено на поток. Слово «раскручивание», которое вначале применялось в отношении представителей масскультуры, в особенности поп-музыки, получило самое широкое применение. «Раскручивают» политиков. Один американский агитпропщик, или, выражаясь современным языком, пиарщик, когда-то заявил, что, если ему хорошо заплатят, он проведет в президенты США рыжего пса против апо-

⁹ Руднев В. П. Божественный Людвиг (Витгенштейн: Формы жизни). 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011.

стола Павла. «Раскучивают» писателей, «раскучивают» «властителей дум». «Раскручивание» той или иной персоны есть не что иное, как превращение ее в культовую фигуру, создание моды на нее и на ее творения.

Ныне в сфере философии и обществоведения объектом моды чаще всего становятся люди, труды которых не представляют собой, а иногда и вообще никакой ценности. Еще П. Н. Ткачев указал, как происходит такого рода обоготворение. Если человек осмеливается усомниться в словах того или иного авторитета, то это трактуется как признак его крайнего невежества или ретроградства.

Доказательство величия того или иного учения и неоспоримой гениальности его создателя «методом голого короля» сейчас получило самое широкое распространение. Так, страстному почитателю Мартина Хайдеггера (1889–1976) кандидату философских наук Владимиру Вениаминовичу Бибахину (1938–2004) очень хотелось во что бы то ни стало убедить читателя, что его кумир гениален, а его книга «Бытие и время» ни много ни мало полностью изменила путь европейской мысли и тем самым весь ее облик¹⁰. Беда его была в том, что он не мог привести ни одного сколько-нибудь убедительного аргумента в пользу такой точки зрения. Все шло у него на уровне бесконечного повторения пышных, но совершенно пустых фраз. И тогда пускается в ход последний прием: утверждается, что все философы, которые не принимают Хайдеггера всерьез и считают его рассуждения «заумью», прошли тем самым «мимо мысли XX века и, значит, мимо мысли вообще»¹¹.

¹⁰ См.: Бибахин В. В. Хайдеггер // Знание — сила. 1989. № 10. С. 64; Он же. Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 4 и др.

¹¹ Бибахин В. В. Хайдеггер... С. 61.

2. Внедрение новых философских кумиров и его результаты

Действует аргумент «от голого короля» в большинстве случаев безотказно. Одни действительно приходят к искреннему убеждению, что если они не видят в данном сочинении или данной доктрине ничего ни нового, ни гениального, то вся причина заключается в убожестве их ума, неспособного проникнуть в глубины рекламируемой премудрости. Другие, понимая, что высказывания навязываемого им авторитета представляют собой банальность, лишь обернутую в новый пышный словесный наряд, а нередко чистой воды ахинею, боятся прямо об этом сказать, чтобы не быть обвиненными в отсутствии ума, в невежестве, в отсталости, в неумении понять великие достижения современной эпохи. Более того, стремление сохранить репутацию часто побуждает их, скрепя сердце, изрекать похвалу культовой фигуре и ее воззрениям.

Но «раскручивание» той или иной культовой фигуры предполагает в наших (и, вероятно, не только в наших) условиях не только вознесение ее до небес, но и принятие всех мер для того, чтобы не допустить ее критики. Мне самому пришлось столкнуться с подобного рода практикой в наше время. В 2007 г. меня попросили взять на себя редактирование сборника работ замечательного философа Сергея Владимировича Илларионова (1938–2000). Я многие годы работал вместе с ним и был хорошо знаком с его взглядами на современных западных философов. Многие из них, в частности экзистенциалистов, постпозитивистов, постмодернистов, он не принимал за философов. Они для него были лжефилософами. Особенно он не терпел М. Хайдеггера, которого считал философствующим шарлатаном. И этих своих взглядов он никогда не скрывал. «Ему ничего не стоило на лекции, — писал я во вступ-

питательной статье к его книге, — убедительно показать, что работы „великого“ М. Хайдеггера представляют собой, как он красочно выражался, „словопомол“. Он был нетерпим ко всем тем, кто под видом философских рассуждений занимался толчением воды в ступе».

Но этого места в увидевшей свет книге С. И. Илларионова «Теория познания и философия науки» (М., 2007) вы не найдете. Мне от лица сотрудника Института философии и члена редколлегии серии, в которую входила книга С. В. Илларионова, А. П. Огурцова был предъявлен ультиматум: или я убираю это и несколько других мест из статьи, или Институт философии расторгает договор с издательством, и книга не выйдет. Если бы дело касалось моей собственной работы, то я бы, конечно, ни на какие уступки не пошел. Но я не имел никакого морального права рисковать тем, что прекрасные работы моего покойного товарища так и не увидят света. У нас пока нет государственной цензуры. Но существуют другие ее виды, в том числе, как мне пришлось убедиться, и в области философии.

В числе кумиров, которые навязывались и навязываются нашей философской общественности, прежде всего числятся представители русской религиозной философии конца XIX–XX вв., о которой уже достаточно было сказано в первой книге цикла (см. I.6.4). Эта философия никогда не была живой. Она была мертворожденной. Уже поэтому она заведомо не может быть реанимирована. Все попытки ее разработки ведут только в тупик¹².

Но, конечно, главными объектами «раскручивания» были, как и в дореволюционные годы, все же зарубеж-

¹² Подробнее см.: Семенов Ю. И. О русской религиозной философии конца XIX – начала XX века // Философия и общество. 1997. № 4.

ные мыслители. Примером может послужить десятый номер журнала «Вопросы философии» за 1995 г., в котором в четырех статьях до небес превозносился К. Поппер как величайший мыслитель XX в., внесший массу нового в развитие теории познания и социальной философии. О его взглядах уже было много сказано в предыдущих книгах цикла (I, II, III, IV, V). Все это дает вполне достаточное основание считать полностью правильным тоже уже неоднократно упоминавшийся вывод А. Л. Никифорова, что никакого вклада в развитие философской мысли К. Поппер не внес. От его творений не осталось ничего, что могло бы пригодиться при разработке проблем философии (см.: I.1.3, VI.1.1).

Что только не писалось у нас в начале 90-х гг. о сочинениях Освальда Шпенглера (1880–1936) и Арнольда Джозефа Тойнби (1889–1976). «Головокружительный шедевр, — представлял российской публике шпенглеровский „Закат Европы“ его переводчик и комментатор, — не оставивший равнодушным ни одного из соприкоснувшихся с ним современников, от — в поперечном срезе — сколько-нибудь образованных обывателей до университетских профессоров и от — в срезе продольном — крупных промышленников до вершителей судеб эпохи...»¹³ «...Принимая в руки это издание, — говорилось в послесловии к русскому переводу сокращенного изложения первых семи томов „Постижения истории“ А. Дж. Тойнби, — наш соотечественник наконец-то получит свободный доступ к монументальному труду, ставшему одной из вершин мировой историографии XX в. и оказавшему огромное влияние на мировую историческую, социологическую, фило-

¹³ Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993. С. 5.

софскую мысль, а если говорить шире и точнее — на весь комплекс мировой социогуманитарной мысли»¹⁴.

К тому времени, когда у нас началась усиленная пропаганда взглядов О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби, в Западной Европе они давно уже ушли в тень. Когда-то В. И. Ленин сравнивал своих философских противников — русских махистов с российскими же любительницами моды, которые восторгаются шляпкам, давно уже изношенными и вышедшими из употребления в Западной Европе¹⁵. Как можно видеть, ситуация у нас повторяется.

Но следует сказать, что далеко не все на Западе восторгались сочинениями О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби даже тогда, когда они только что появились. Поднимали их на щит только дилетанты. Профессиональные же историки никогда не воспринимали их построения всерьез. Типичной для историка-профессионала была реакция, подобная той, что мы находим в статье известного французского исследователя, одного из основателей знаменитой школы «Анналов» Люсьена Февра (1878–1956). Она была написана в 1936 г. и называется «От Шпенглера к Тойнби».

«Стоит ли вглядываться в эти бойко раскрашенные картинки, — пишет Л. Февр о книге О. Шпенглера, — с таким вниманием, с которым коллекционер вглядывается сквозь лупу в пробный оттиск гравюры? Какое отношение имеют к нам эти одноликие и всеобъемлющие культуры, включающие в себя без разбора всех живых людей данной эпохи независимо от их общественного положения — будь

¹⁴ Рашковский Е. Б. Читая Тойнби... // Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 643.

¹⁵ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 92.

то Бергсон или Бэббит, приказчик за прилавком, ученый в лаборатории или крестьянин на ферме? Неужели все они наделены фаустовской душой и ее неистовым величием? А что означают эти красивые слова, эти цветистые метафоры: зарождение, расцвет, гибель культур? Это всего лишь заново перелицованное старье»¹⁶.

А вот его мнение о первых трех томах труда А. Дж. Тойнби: «Сравнительная история глазами Тойнби... — писал он. — Что это такое, как не воскрешение в XX веке старого литературного жанра, бывшего в свое время популярным, давшего столько шедевров? От Лукреция до Фонтенеля жанр этот именовался „Диалогами мертвых“. Подытожим в двух словах. То, что в „A Study of History“ достойно похвалы, не представляет для нас ничего особенно нового. А то, что есть в нем нового, не представляет особенной ценности... Нам не преподнесли никакого нового ключа. Никакой отмычки, с помощью которой мы бы могли открыть двадцать одну дверь, ведущую в двадцать одну цивилизацию. Но мы никогда и не стремились завладеть такой чудодейственной отмычкой. Мы лишены гордыни, зато у нас есть вера. Пусть до поры до времени история остается Золушкой, сидящей с краю стола в обществе других гуманитарных дисциплин. Мы отлично знаем, почему ей досталось это место. Мы сознаем также, что и ее коснулся глубокий и всеобщий кризис научных идей и концепций, вызванный внезапным расцветом некоторых наук, в частности физики... И в этом нет ничего страшного, ничего такого, что могло бы заставить нас отречься от нашего кропотливого и нелегкого труда и броситься в объятия к шарлатанам, к наивным и в то же время лукавым чудо-

¹⁶ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 74–75.

творцам, к сочинителям дешевых (но зато двадцатитомных) опусов по философии истории»¹⁷.

Возведение в ранг непогрешимых авторитетов даже самых выдающихся мыслителей всегда чревато самыми печальными последствиями для науки. Даже если та или иная концепция в общем и целом верна, превращение ее в догму, в которую надлежит слепо верить, с неизбежностью выводит ее за пределы науки. Тем более это относится к трудам, не представляющим никакой научной ценности. Как уже было показано, в XX в. вся западная немарксистская философия зашла в тупик. И все попытки возвести современных западных философов в предмет обожания и подражания ничего, кроме вреда, принести не могут. Опусы российских последователей западноевропейских философов представляют собой еще более удручающую картину, чем та, что наблюдается на Западе.

Осознание полной бесперспективности следования по пути, по которому шли и русские религиозные, и западноевропейские философы второй половины XIX и всего XX века, побудило немалое число наших соотечественников к созданию собственных оригинальных философских учений. Довольно представительная их картина дана в книге Алексея Сергеевича Нилогова «Кто делает философию в России» (Т. 1. М., 2008). Здесь перед нами и философия археоавангарда Ф. И. Гиренка, и философия небытия Н. М. Солодухо, и философия текста В. П. Руднева, и неовизантизм А. М. Малера, и геометафизика, или типологическая рефлексия, В. В. Савчука, и прикладная метафизика А. К. Секацкого, и граф-анализ В. Е. Дмитриева,

¹⁷ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 95–96.

и аттрактив-анализ А. П. Сосланда, и не имеющие четких названий воззрения Г. Д. Гачева, А. Г. Дугина, Ю. В. Мамлева, М. Н. Эпштейна, М. К. Рыклина, Д. Ю. Кралечкина, Д. А. Пригова и др. К этому перечню можно добавить философию тела, или телесности, В. А. Подороги. Одни из названных лиц — доктора философских наук, другие — кандидаты, третьи не имеют никакой ученой степени. Но всех их объединяет одно: все их опусы представляют собой сплошную бредятину, могущую по своей бессмысленности вполне соперничать с текстами западных постмодернистов, даже с писаниями великого Ж. Деррида.

Еще одно своеобразное направление — «философское» фокусничание с терминами тех или иных конкретных наук. Суть его заключается в том, что на давно известные явления, чаще всего общественные, навешиваются ярлыки, заимствованные из каких-нибудь конкретных наук с целью создания видимости продвижения вперед.

Такой спекуляцией занимались еще в начале XX в. русские махисты, которые широко использовали физическую и биологическую терминологию. Вот что писал о такого рода приемах, используемых А. А. Богдановым, В. И. Ленин: «Богданов занимается вовсе не марксистским исследованием, а переодеванием уже раньше добытых этим исследованием результатов в наряд биологической и энергетической терминологии. Все эти попытки от начала до конца никуда не годятся, ибо применение понятий „подбора“, „ассимиляции и диссимиляции“ энергии, энергетического баланса и проч., и т. п. в применении к области общественных наук есть *пустая фраза*. На деле никакого *исследования* общественных явлений, никакого уяснения *метода* общественных наук *нельзя* дать при помощи этих понятий. Нет ничего легче, как наклеить

„энергетический“ или „биолого-социологический“ ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п., но нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие»¹⁸.

В 60–80-е гг. у нас было крайне модно «наклеивать» на социальные явления слова, заимствованные из арсенала семиотики, генетики и информатики. Социальные революции, например, именовались мутациями, города – ретрансляторами культуры и т. п. Сейчас в самых широких масштабах в этих же целях используются понятия синергетики. Их пытаются применять в тех областях, где они совершенно не нужны и бесполезны. Замысел тот же самый – создать видимость разработки принципиально нового научного подхода.

Вся пустота и никчемность «синергетизации» общественных наук было прекрасно раскрыта известным ученым-физиком и автором многих работ по методологии науки Валерием Борисовичем Губиным в его детальном анализе автореферата докторской диссертации В. Л. Романа «Социальная организация и государственное управление», защищенной в 2001 г. Свой «Отзыв на автореферат, или новый пирог для „постнеклассических“ ученых» он завершает словами: «Итак, „синергетическая“ риторика фактически оказывается прикрытием псевдонаучных измышлений, сознательных или бессознательных. А они сейчас широко распространились. *Этот разбор конкретного „синергетического“ произведения затеян главным образом не ради осуждения самого раскритикованного диссертанта, а вообще против массового „синергетического“ поветрия, с восторгом принимаемого в полу-*

¹⁸ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм... С. 348.

грамотных околонаучных кругах. Эта выгодная многим отрасли болтологической деятельности внешне выглядит более современной, научной и респектабельной, чем, скажем, астрология, и поэтому занимает ту часть ниши псевдонаук, которую не смогли занять всяческие барабашки из-за своей очевидной одиозности»¹⁹.

Подводя некоторые предварительные итоги изложенному в разделе, необходимо сказать, что за почти двадцать лет всячески восхваляемой «свободы мысли» в России положение в сфере философии не только не улучшилось, а, наоборот, резко ухудшилось. Значительно упал уровень философских изданий. Достаточно, к примеру, сравнить вышедшую в 1960–1970 гг. пятитомную «Философскую энциклопедию» и изданную в 2000–2001 гг. четырехтомную «Новую философскую энциклопедию». Первой и сейчас вполне можно пользоваться для наведения различного рода справок. Что же касается второй, то мнение всех известных мне профессионалов-философов однозначно — хуже быть не может. И понять это различие можно. Люди, готовившие «Философскую энциклопедию», привлекали к написанию статей по той или иной проблеме лучших специалистов в данной области знания. Создатели «Новой философской энциклопедии» брали тех, кто был под рукой. Тем самым они дали возможность подкормиться массе младших научных сотрудников и аспирантов. Дело, конечно, благое, но результат получился весьма печальный. Конечно, в «Новой философской энциклопедии» есть приличные статьи. Но большинство — халтура.

¹⁹ Губин В. Б. Отзыв на автореферат, или новый пирог для «постнеклассических» ученых // Губин В. Б. О методологии лженауки. М., 2004. С. 51.

Не скажу, что в старые времена среди работ по философии не было халтурных. Один пример уже был приведен выше — «Марксистско-ленинская философия» А. И. Ракитова. Но сейчас масштабы халтуры в этой области переходят всякие мыслимые пределы. Особенно это относится к учебным пособиям. В 1998 г. сотрудники редакции газеты «Первое сентября» обратились ко мне с просьбой посмотреть предназначенный для учащихся 10–11 классов средней школы учебник «Введение в философию» (М., 1997), написанный заведующим сектором Института философии РАН доктором филологических и доктором философских наук, профессором Павлом Семеновичем Гуревичем. Прочитав его, я буквально пришел в ужас. Автор оказался не только и не просто халтурщиком, как тот же А. И. Ракитов, а полным невеждой в философии вообще, в истории философии прежде всего. Я написал рецензию, которая была опубликована в газете под названием «Ахинеада в роли учебника вековой мудрости» (19.04.1998). Затем она была доработана и превращена в большую статью «Невежда и шарлатан в роли учителя мудрости», помещенную в журнале «Философия и общество» (1998. № 3). Рецензия начиналась словами: «Когда начинаешь читать эту книгу, бросается в глаза обилие всевозможных нелепостей, грубых ошибок, противоречий и алогизмов. Невежество автора представляется поистине энциклопедичным: нет области, затронутой им, в которой бы оно не проявилось, не исключая, разумеется, философии».

Это не единственное выступление против философской халтуры. Еще раньше в той же газете появилось несколько статей известного философа-марксиста Юрия Алексеевича Муравьева (1938–2010): «От нищеты фи-

2. Внедрение новых философских кумиров и его результаты

лософии к философии бедных» (22.05.1997) с резкой, но полностью справедливой критикой книг «Современная философия. Словарь и хрестоматия» (Ростов-на-Дону, 1995) и «Современный философский словарь» (Бишкек; Екатеринбург, 1996) и обзор «Что такое профанация» (25.09.1997) с крайне отрицательной оценкой изданий «Современной западной философии. Компаративистский подход» (СПб., 1997) и «Философия XX века» (М., 1997). Об его рецензии на книгу Б. С. Гершунского «Философия образования для XXI века» (М., 1998) речь уже шла в первой книге цикла (I.7).

Но в целом все это было гласом вопиющих в пустыне. Философская халтура продолжала литься неудержимым потоком. И тот же самый П. С. Гуревич продолжал издавать учебник за учебником и неудержимо расширял поле проявления своего невежества.

Опять могут сказать, что автор в силу своей марксистской предвзятости рисует слишком мрачную картину. Тогда снова сошлюсь на человека, которого в марксистском видении никак не заподозришь, — на уже известного нам К. А. Свасьяна. «Едва был снят марксистский ошейник, — описывает он положение в современной российской философии, — как началась и продолжается какая-то бешеная мода на так называемый постмодерн. Упиваются всякими деструктивизмами, ризомами, шизоанализами и черт знает чем. Все это не мысли, а химия какая-то. Аналог этому я нахожу во всяких пищевых добавках: канцерогенных усилителях вкуса и аромата, разного рода эмульгаторах. Хотя и приятно на вкус, но лучше воздержаться. Между тем стало совершенно обычным, когда молодой человек, студент или аспирант философии, иногда кандидат или даже больше того, сидит на фран-

цузских декадентах, как на игле. Ну, с молодыми, может, еще образуется: перебесятся и поумнеют. Худо, когда этим страдают пожилые философы! Бывшие, так сказать, городовые, представляющиеся музыкальными критиками. Но преимущество марксизма, при всем его мракобесии, было в том, что он предполагал известное напряжение мысли. Для современных же дискурсов не требуется никакой мысли, вполне достаточно и слов. Главное, чтобы слова ставились друг возле друга по тому же признаку невременности, по которому ставятся друг возле друга вещи в музеях современного искусства»²⁰.

«Как быть? — продолжает он. — Наверное, нужно начинать с принятия гигиенических мер. Прежде всего проветривать душу и ум от всех этих затхлых и гнилых дискурсов, как проветривают помещение со спертым воздухом. В целом же я не вижу другого выхода, кроме личных инициатив. Преподавай я философию в России или, что практичней, имей я какие-то возможности в плане организации ее преподавания, я поставил бы во главу угла не оригинальничание лекторов, а работу по усвоению классической философии. Дело не в терминологии — ей можно обучить и попугая — а в умении мыслить проблемы. Скажем, кто-то владеет языком, родным или чужим, но какой толк в этом, если ему при этом нечего сказать! Философ — это тот, кто думает, прежде чем говорит. Сегодня предпочитают обратный вариант... Подобно тому как кучка террористов держит под страхом тысячи заложников, так и кучка так называемых интеллектуалов захватила культурное пространство и терроризирует читателей, зрителей или слушателей. Речь идет в первую

²⁰ Цит.: Медовников Д., Механик А. Указ. соч. С. 69.

очередь не о том, как избавиться от этого. Речь идет прежде всего о том, как понять это — понять, что тебя дурачат, а ты, из боязни прослыть несовременным, почтительно замираешь перед семейной эдипализацией или приватизацией ануса»²¹.

Но если в нашем философском (точнее, может быть, сказать — философедческом) мире сложилось более чем тревожное положение, то на нашем философедческом Олимпе все более чем спокойно. Кстати сказать, в ходе преобразований начала 90-х гг. персональный его состав совершенно не изменился. Академик Вячеслав Семенович Стёпин продолжал возглавлять Институт философии РАН и Российское философское общество; член-корреспондент, а теперь и действительный член РАН Владислав Александрович Лекторский как был, так и долгое время оставался главным редактором «Вопросов философии» и заведующим сектором теории познания Института философии. Как мы видим, они сумели совсем неплохо сориентироваться в сложившейся социально-политической обстановке и соответственно вовремя переориентироваться в своей философской вере.

Как следует из интервью «О настоящем и будущем (размышления о философии)», опубликованного в 2007 г. в «Вопросах философии» (№ 1), В. А. Лекторский более чем доволен существующим в философском мире положением вещей. Особенно высоко он оценивает деятельность руководимого им журнала. Как говорится, всяк кулик свое болото хвалит. На деле журнал стал столь плохим, каким он никогда не был за время своего более чем шестидесятилетнего существования. В течение года в нем появляется

²¹ Цит.: Медовников Д., *Механик А.* Указ. соч. С. 69.

не более двух-трех неплохих статей. Остальные вообще не заслуживают внимания. В основном там идет переливание из пустого в порожнее, словопомол.

В целом в нашем философском мире (имеются в виду философы-немарксисты) царит атмосфера взаимной амнистии и восхваления. На все работы пишутся восторженные рецензии, в которых раскрываются величайшие вклады в мировую философскую мысль, сделанные авторами. Но этого мало. Устраиваются заседания и круглые столы, посвященные обсуждению работ наших философских небожителей, на которых приглашенные не скрывают своего искреннего восторга от величайших свершений авторов этих трудов. Таковы, например, организованные «Вопросами философии» обсуждения книг академиков В. С. Стёпина «Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция» (М., 2000) и «Философия науки. Общие вопросы» (М., 2006) и Теодора Ильича Ойзермана «Оправдание ревизионизма» (М., 2005)²². А какой град похвал выпал при обсуждении «Новой философской энциклопедии» на страницах тех же «Вопросов философии». Восторгам не было предела²³.

В старые времена от ораторов, выступавших на партийных съездах и конференциях, требовался неумеренный подхалимаж, но только в адрес действующего руко-

²² См.: «Круглый стол» журналов «Вопросы философии» и «Науковедение», посвященный обсуждению книги В. С. Стёпина «Теоретическое знание» // ВФ. 2001. № 1; Обсуждение книги В. С. Стёпина «Философия науки. Общие вопросы» (материалы «круглого стола») // ВФ. 2007. № 10; Обсуждение книги Т. И. Ойзермана «Оправдание ревизионизма» // ВФ. 2006. № 7.

²³ См.: Обсуждение «Новой философской энциклопедии» (материалы заочного «круглого стола») // ВФ. 2003. № 1, 2.

водителя партии, а не прочих лиц. В отношении философских олимпийцев он никогда, ни при И. В. Сталине, ни при Н. С. Хрущеве, ни при Л. И. Брежневe, не практиковался. Новые времена — новые песни. Достаточно, например, ознакомиться с выступлением члена-корреспондента РАН Пиамы Павловны Гайденко на одном из совещаний с присутствием В. С. Стёпина, чтобы убедиться в том, насколько далеко мы продвинулись теперь вперед и в этом отношении²⁴.

Больше всего преуспела наша философская общественность в деле содействия клерикализации страны. Наши господствующие классы в неменьшей степени, чем доминирующее эксплуататорское меньшинство на Западе, кровно заинтересованы в дебилизации населения, в вытравлении у людей способности самостоятельно мыслить. В качестве главного орудия ими избрана религия. И наши философы с рвением взялись за оправдание и православия, и ислама, и вообще всех видов мракобесия. В наших философских учреждениях создаются книга за книгой, в которых доказывается преимущество ненаучного знания (под ним подразумевается отнюдь не здоровое житейское знание) перед научным. Беру наугад: «Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания» (М., 1990); С. В. Девятова «Религия и наука: шаг к примирению?» (М., 1993); «Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальной традиции I–XIV веков» (М., 1996); «Философско-религиозные истоки науки» (М., 1997); «Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления» (СПб.,

²⁴ См.: Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум // Судьбы естествознания: Современные дискуссии. М., 2000.

1999); «Наука — философия — религия: в поисках общего знаменателя» (М., 2003); «Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход. Научные труды» (М., 2006) и др.

И даже видный специалист по «философии науки» А. Л. Никифоров, который в одной из своих работ с тревогой писал, что «в последние десятилетия все средства массовой информации изливают на нас какой-то водопад мистических учений, восточных культов, псевдонаучной болтовни»²⁵, тоже внес, как уже указывалось в первой книге цикла (I.1.3), свою скромную лепту в это непристойное дело. Но ведущими фигурами в деле апологетики религии и пропаганды мракобесия являются, безусловно, другие сотрудники Института философии — прежде всего уже названная выше П. П. Гайденко и член-корреспондент РАН Илья Теодорович Касавин.

Но, к чести наших философов, не все они стали, выражаясь словами И. Децгена и В. И. Ленина, «дипломированными лакеями поповщины». Когда 21 января 1999 г. появилось письмо Министру образования РФ, подписанное Патриархом Московским и всея Руси Алексием II и тремя академиками: президентом РАН Юрием Сергеевичем Осиповым, президентом Российской академии образования Николаем Дмитриевичем Никандровым и ректором МГУ Виктором Антоновичем Садовничим, в котором предлагалось введение преподавания теологии в высших учебных заведениях, то первыми против этого выступили некоторые философы, прежде всего доктор философских наук, профессор кафедры логики философского факульте-

²⁵ Никифоров А. Л. Философия науки: история и методология. М., 1998. С. 276.

та МГУ Вячеслав Александрович Бочаров²⁶. Его поддержали доктор философии наук, профессор Николай Илларионович Алексеев, Валентин Александрович Бажанов, Владимир Васильевич Учайкин²⁷.

В 2007 г. с резким протестом против предложения включить теологию в перечень научных специальностей выступили десять академиков-естествоиспытателей: Евгений Борисович Александров, Жорес Иванович Алферов, Гарри Израилевич Абелев, Лев Митрофанович Барков, Андрей Иванович Воробьев, Виталий Лазаревич Гинзбург (1916–2009), Сергей Георгиевич Инге-Вечтомов, Эдуард Павлович Кругляков, Михаил Александрович Садовский, Анатолий Михайлович Черепашук. «А на каком основании, спрашивается, — писали они в письме президенту Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину, — теологию — совокупность религиозных догм — следует причислять к научным дисциплинам? Любая научная дисциплина оперирует фактами, логикой, доказательствами, но отнюдь не верой»²⁸.

Все основные приемы критики старых и обретения новых воззрений как в капле воды можно увидеть на одном довольно поучительном примере. В 2000 г. в русском переводе появилась книга американки Фрэнсис А. Йейтс «Джордано Бруно и герметическая традиция» (1964), в которой доказывалось, что всемирно известный Джордано Бруно был вовсе не смелым борцом за свободную мысль,

²⁶ Бочаров В. А. Госстандарт на разрушение страны // НГ-Наука. № 4. 19.04.2004. С. 9–10.

²⁷ Алексеев Н. И. Когда стыдно быть ученым // НГ-Наука. № 10. 22.11.2000. С. 10; Бажанов В. А., Учайкин В. В. Теология не для светских вузов // НГ-Наука. № 1. 10.02.2001.

²⁸ Политика РПЦ: Консолидация или развал страны? // Здравый смысл. 2007. № 4. С. 4.

как это принято считать, а приверженцем мистицизма, магии, оккультизма и других видов мракобесия, за что и был совершенно справедливо наказан поборниками разума.

Литературный критик и публицист Александр Николаевич Архангельский, прочитав эту книгу, сразу же пове-рил автору: ведь, как всем известно, западные специали-сты вообще никогда ошибаться не могут. В правильности взглядов Ф. Йейтс его дополнительно убедило еще одно обстоятельство: в советское время излагалась противопо-ложная точка зрения, а ведь все, что тогда говорилось, заведомо является ложным. «Во всяком случае, ознако-мившись с этой книжкой, — пишет А. Архангельский, — ее читатель раз и навсегда избавится от дурной привычки повторять глупости, почерпнутые из советских источни-ков. Ему будет стыдно слышать, а тем более рассуждать о том, что инквизиция казнила славного Джордано за его научные и философские воззрения»²⁹. И здесь дополни-тельно приводится аргумент «от голого короля»: если ка-кой-либо ученый не соглашается с Ф. Йейтс, то никакой он не специалист, а «грантопоедатель и халтурщик»³⁰. Сильно закручено: попробуй не согласиться с автором.

И все же попробуем. Прежде всего, то, что А. Архан-гельский именует «глупостями, почерпнутыми из совет-ских источников», есть в действительности взгляд, ко-торого придерживались все прогрессивно настроенные люди в течение всех веков, прошедших после казни Дж. Бруно. Советская власть здесь совершенно ни при чем. Вот что, например, можно прочитать в «Энциклопе-

²⁹ Архангельский А. Н. Герметический маг. Новая старая книга о Джор-дано Бруно // Известия. 28.03.2000.

³⁰ Там же.

дическом словаре Ф. Павленкова», вышедшем в 1913 г., то есть за три года до возникновения этой власти: «Бруно Джордано (1548–1600) — итальянский монах, философ и поэт; заподозренный в ереси и всюду гонимый, с 1576 скитался по Европе, читал лекции в Швейцарии, Франции, Англии, Германии, проповедуя свободу мысли, поддерживая Коперникову систему и восставая против враждебных ей схоластики и церковной метафизики; в 1592 вернулся в Италию и за свои философские воззрения, шедшие против католицизма, был заключен в Риме и сожжен после 7-летних мук в тюрьме инквизиции»³¹.

И, что самое главное, эта принятая всеми прогрессивно мыслящими людьми точка зрения на Дж. Бруно верна. Об этом красноречиво свидетельствуют, в частности, его высказывания, которые уже были приведены в первой книге цикла (I.6.4). Там же был процитирован текст речи, произнесенной профессором теологии Шредером на митинге протеста против открытия памятника Дж. Бруно, где безо всяких обиняков было сказано, что последнего сожгли за пропаганду материализма и безбожия.

Нынешние враги великого мыслителя действуют тоньше. Как уже отмечалось, в современной западной философии идет широкое наступление на разум. Соответственно, во многих работах по истории философии всемерно оплевываются великие борцы за свободу мысли: выдающиеся мыслители не только века Просвещения, но и Возрождения. Работа Ф. Йейтс находится именно в этом русле.

Но не все западные историки философии и науки стоят на таких позициях. С обстоятельной критикой книги Ф. Йейтс выступил, например, преподаватель Калифор-

³¹ Бруно Джордано // Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. 5-е изд. СПб., 1913. Стлб. 239.

нийского университета Р. Е. Уестман в обстоятельной работе «Магическая и астрономическая реформа: переоценка тезиса Йейтс» (1977). Но А. Архангельский об этом даже и не подозревает. А если он даже об этом и знал, то это вряд ли сказалось бы на его точке зрения. При написании рецензии его меньше всего интересовала истина: ему было важно лишь выразить свою ненависть к взглядам, которые господствовали в советское время. И эта ненависть привела к тому, что он встал на защиту святой инквизиции. Правда у него наметилось и расхождение с последней. Дж. Бруно, конечно, по его мнению, заслуживал наказания. «Другое дело, — заключает рецензент, — что жечь людей все равно нехорошо. Даже в эпоху Возрождения»³².

В заключение хочется привести строки из стихотворения Петра Андреевича Вяземского (1792–1878), которое, на мой взгляд, как нельзя лучше подходит к обстановке, сложившейся сейчас в нашей гуманитарной науке, прежде всего в философии:

Послушать: век наш — век свободы,
А в сущность глубже загляни —
Свободных мыслей коноводы
Восточным деспотам сродни.

У них два веса, два мерила,
Двоякий взгляд, двоякий суд:
Себе дается власть и сила,
Своих наверх, других под спуд.

У них на все есть лозунг строгой
Под либеральным их клеймом:
Не смей идти своей дорогой,
Не смей ты жить своим умом.

³² Архангельский А. Н. Указ. соч.

Когда они кого прославят,
Пред тем — колена преклони,
Кого они опалой давят,
Того и ты за них лягни...³³

Выше были рассмотрены те, кого полагается славить.
Теперь обратимся к тем, кого положено лягать.

3. Борьба с марксизмом и марксистской философией

Для постсоветских лет, когда началась целенаправленная компания по дискредитации марксизма вообще и диалектического материализма прежде всего, крайне характерной является статья о диалектическом материализме, помещенная в книге «Русская философия. Малый энциклопедический словарь» (М., 1995). Не буду разбирать всех содержащихся в ней невероятных глупостей, свидетельствующих то ли об ужасающем невежестве автора в этом вопросе, то ли о его бесстыдстве. Отмечу лишь, что статья завершается категорическим утверждением, что «его (т. е. диалектического материализма. — Ю. С.) кончина была бесславной и незаметной: от него отвернулись с пренебрежением, без особых споров и упреков, и это „передовое учение“ рассыпалось как изветшавший и безжизненный дом»³⁴. Если речь идет о псевдомарксистском пустословии, которое обыкновенно преподносилось в СССР под

³³ Вяземский П. А. «Послушать: век наш — век свободы» // Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 360.

³⁴ Филатов В. П. Диалектический материализм // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 165.

видом диалектического материализма, то автор в определенной степени прав. Но если он имеет в виду подлинный марксистский материализм, то остается только перефразировать известное высказывание Марка Твена. Когда журналисты обратились к нему с просьбой прокомментировать сообщение о его смерти, он ответил, что слухи о ней несколько преувеличены. Марксистскую философию хоронили уже не раз и, судя по всему, заниматься этим будут еще очень и очень долго.

Главный редактор книги «Философия. Энциклопедический словарь» (М., 2004) и он же автор статьи о диалектическом материализме — Александр Архипович Ивин пошел по несколько иному пути. Вначале он пересказал все то, что писал о диалектическом материализме Ю. М. Бохеньский (см. 1.2), а затем к его глупостям добавил свои собственные. А вывод тот же самый: диалектического материализма больше не существует.

Но каковы бы ни были суждения всех этих авторов, нельзя не отдать должного их объективности: существование в прошлом диалектического материализма, пусть даже не как философской системы, а как набора суеверий, они все же не отрицали. Дальше в этом отношении пошли авторы первого в постсоветское время фундаментального (в 4 книгах) труда «История философии. Запад—Россия—Восток» (М., 1998), вышедшего под редакцией докторов философских наук Нели Васильевны Мотрошиловой и Алексея Михайловича Руткевича. Как явствует из третьей книги этого титанического труда, посвященной истории философии XIX—XX вв., никакой марксистской философии, а тем самым и диалектического материализма в это время не возникло. Никакой Маркс, тем более Энгельс там не значатся. А раз марксистская философия

никогда не возникала, то, следовательно, она и не существует и существовать не может.

Правда, в одной из глав части, посвященной истории философии в России в конце XIX – начале XX в., откуда-то появляются какие-то марксисты, которых, по-видимому, на Западе никогда не было. Но эти марксисты были очень хорошими философами: в кратчайшие сроки они отреклись от никогда не возникавшей и не существовавшей марксистской философии. Других философов-марксистов в России того времени, разумеется, не было. Так что Г. В. Плеханов и В. И. Ленин — такие же мифические персонажи, как и К. Маркс и Ф. Энгельс. Поэтому ни один трезвомыслящий историк философии не может принимать их во внимание.

И во второй части «Хрестоматии по истории философии» (М., 1994), вышедшей еще раньше под редакцией доктора философских наук Людмилы Александровны Микешиной, где даются тексты западных философов XIX и начала XX в., никаких ни К. Маркса, ни Ф. Энгельса, разумеется, нет.

А тому, кто почему-то усомнится в этом факте, можно посоветовать обратиться к первой постсоветской «Краткой философской энциклопедии» (М., 1994; в последующем многократно переиздавалась под названием «Философский энциклопедический словарь»). Как заявляли ее составители: «Главное, что отличает эту Энциклопедию от ее аналогов, вышедших в свет в России в последние 75 лет, — это беспристрастный и объективный подход ко всем рассматриваемым вопросам, суть которого в том, что коль существуют самые разные теории, то задача авторов и издателей лишь изложить их. Что же касается читателей, то они сами вправе определить свой симпа-

тии и антипатии...»³⁵ И вот в этой-то сверхобъективной энциклопедии никакие Маркс, Энгельс и Ленин среди огромного множества философских персоналий не числятся. И это вполне понятно. Ведь это все же философская энциклопедия, а не словарь мифов.

Все, казалось бы, совсем хорошо. Но в создавшуюся светлую картину развития мировой философской мысли резким диссонансом врываются вышедшие в те же годы в России работы западных философов. Итальянцы Джованни Реале и Дарио Антисери в четвертом томе «Западной философии от истоков до наших дней» (М., 1997) посвятили К. Марксу и Ф. Энгельсу ни много ни мало целую главу, в которой последний из них фигурирует как создатель диалектического материализма. Все это можно было бы объяснить тем, что авторы — люди набожные, верующие в сверхъестественные существа, и поэтому склонны к мифотворчеству. Но когда агностик и противник всякой религии, включая христианскую, Бертран Артур Уильям Рассел (1872–1970) в своей «Истории западной философии» (Т. 2. М., 1993) тоже отводит К. Марксу целую главу, невольно закрадывается подозрение, что тот, может быть, и действительно существовал и даже создал какую-то философскую систему, названную его именем.

Так вот, на самом деле существовали и К. Маркс, и Ф. Энгельс, и В. И. Ленин. Возник в свое время и развивался диалектический материализм. Будучи вынужденными считаться с этим фактом, люди, враждебно относящиеся к марксизму, стали широко использовать такой прием его дискредитации, как уничижительные характеристики его создателей и виднейших представителей.

³⁵ Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 3.

Причем в этом некоторые из них перешли всякие границы, отрицая абсолютно очевидное.

В постсоветские годы вышло немало количество совершенно не просто лживых, но, можно сказать, гнусных опусов о жизни и деятельности В. И. Ленина. Немалое число различного рода лиц затрагивали (именно затрагивали, но не разбирали и не анализировали) его философские взгляды и философские труды. У «демократических» публицистов вообще модой стало походя обязательно лягнуть В. И. Ленина. Журналист и литературный критик Алла Николаевна Латынина, например, с упоением пишет о том, как она и ее единомышленники «вдоволь насмеялись... над философскими тетрадами Ленина — ученическим конспектом Гегеля с недалекими замечаниями марксиста-начетчика»³⁶. Общий тон всех подобного рода «разгромных» поделок — В. И. Ленин никакой не философ, а его работы в этой области не заслуживают никакого внимания. Особенно пренебрежительные оценки давались книге «Материализм и эмпириокритицизм». Высокомерное отношение к этой ленинской работе демонстрировали не только открытые враги марксизма, но и некоторые из тех, кто числят себя приверженцами Маркса. Так, например, В. М. Межуев характеризует «Материализм и эмпириокритицизм» как работу «философски слабую даже по марксистским критериям»³⁷. И это пишет человек, все произведения которого, вместе взятые, не стоят даже одной страницы гениальной книги В. И. Ленина.

³⁶ Латынина А. Н. Десять лет спустя // Новый мир. 2004. № 4. С. 149.

³⁷ Межуев В. М. Эвальд Ильенков и конец классической марксистской философии в России... С. 154.

Наглядным образцом критики В. И. Ленина может послужить пассаж из в целом интересной статьи Александра Мелихова «Ученые или обреченные?». Автор ясно и спокойно ведет повествование до тех пор, пока речь не заходит о В. И. Ленине. Здесь он как с цепи срывается. «Откуда берутся великие ученые? На этот вопрос попытался ответить Вильгельм Оствальд, знаменитый ученый (нобелевский лауреат) и педагог, столь жестко изруганный в „Материализме и эмпириокритицизме“ — „эмпириокретинизме“, как мы не слишком удачно острили еще в студенческие годы, готовя перестройку. Впрочем, нам не казалось странным, что невежда с партийным билетом распекает или снисходительно журит не просто крупных ученых, а таких всемирных гениев, как Пуанкаре и Гельмгольц, мы не осознавали всей безмерности этой наглости — мы защищались шуточками и отлыниванием, как от всего скучного, туманно-дубового и опасного»³⁸. По Мелихову получается, что критиковать гениальных ученых — это не что иное, как безмерная наглость. Они должны быть вне всякой критики. Или их критиковать можно, но только не невеждам с партийным билетом. Но при чем тут партийный билет? Ведь в те годы членство в социал-демократической партии никакой власти и никаких преимуществ человеку не давало. Более того, по законам тогдашней России он был государственным преступником. Именно поэтому В. И. Ленин был вынужден жить в эмиграции. А вот уж назвать В. И. Ленина невеждой может только человек, сам заслуживающий такой оценки. В. И. Ленин был не просто всесторонне образованным человеком, но и, как уже говорилось в первой

³⁸ Мелихов А. Ученые или обреченные? // Нева. 1992. № 4. С. 299.

книге цикла (I.8.3), подлинным профессионалом в области экономической науки и философии.

В процессе подготовке «Материализма и эмпириокритицизма» В. И. Ленин проработал огромное число трудов, посвященных положению, сложившемуся в физике тех лет (книги и статьи Л. Больцмана, Дж. Дж. Томсона, А. Пуанкаре, П. Ланжевена, О. Лоджа, В. Рамзая, А. Риги, Э. Маха, В. Оствальда, П. Дюгема, Дж. Сталло и др.). В результате, как отмечает крупнейший российский специалист по истории физики Владимир Павлович Визгин в статье «В. И. Ленин о состоянии физики на рубеже XIX и XX вв.» (1980), «ему удалось глубоко раскрыть основное содержание революции в физике, характер научного кризиса и выявить основные причины возникновения кризиса философских оснований»³⁹. Могут сказать, что эта статья была написана тогда, когда В. И. Ленина полагалось превозносить, поэтому ссылаться на нее не имеет смысла. Я знаком с Вл. П. Визгиным, и на мой вопрос, как он сейчас оценивает эту свою статью, он ответил, что не отказывается ни от одной строки в ней.

«Ленин, — писал Вл. П. Визгин, — очень ясно видел границу, разделяющую собственно физическую проблематику и философские проблемы... Поэтому, затрагивая первоосновы физических представлений того времени (электроны, эфир, электромагнитная масса, превращаемость элементов, строение атомов и т. д.), В. И. Ленин следует строго за физиками и не пытается в духе натурфилософов диктовать природе ее законы и решать вопрос об „истинности“ или „ложности“ естественно-научных теорий»⁴⁰.

³⁹ Визгин Вл. П. В. И. Ленин о состоянии физики на рубеже XIX и XX вв. // Вопросы истории естествознания и техники. 1980. № 2. С. 21.

⁴⁰ Там же.

«Этот отказ от „натурфилософии“, от вмешательства „в специальные учения физики“ совмещался у В. И. Ленина с глубоким изучением физических теорий»⁴¹.

И с Вильгельмом Фридрихом Оствальдом (1853–1932) В. И. Ленин спорил по вопросам вовсе не физики, а исключительно гносеологии, в которых первый был, в отличие от последнего, явным дилетантом. В. И. Ленина и В. Оствальда разделяло различное решение вопроса не о строении, например, атома, а о том, существует ли атом объективно, независимо от сознания человека. В этом отношении победа была за В. И. Лениным. Если долгие годы В. Оствальд отказывался признавать объективную реальность атомов, то в 1908 г. в очередном издании своих «Очерков общей химии» самым ходом развития научного знания он был принужден сделать это. Это было, как отмечает выдающийся физик, нобелевский лауреат Стивен Вайнберг, окончательной капитуляцией антиатомизма⁴². Из всех известных естествоиспытателей на этих позициях продолжал оставаться один только Э. Мах.

Несмотря на всяческую брань марксизма в целом, диалектический материализм в частности не умер, а продолжает жить и по сей день. И некоторые из его противников поняли, что одной руганью и голым отрицанием обойтись невозможно: диалектический материализм нужно опровергнуть. Такую попытку предпринял в нашей постсоветской философской литературе, по сути, один лишь В. А. Лекторский.

⁴¹ Визгин Вл. П. В. И. Ленин о состоянии физики на рубеже XIX и XX вв. // Вопросы истории естествознания и техники. 1980. № 2. С. 21.

⁴² Вайнберг С. Мечты об окончательной теории. Физика в поиске самых фундаментальных законов природы. 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2008. С. 141.

4. В. А. Лекторский *versus* теория отражения

В первой книге цикла (I.8.3) было приведено высказывание известного философа Игоря Семеновича Кона (1928–2011) о том, что наши лучшие философы давно уже отвергли теорию отражения. Имен он не назвал, хотя в то время, к которому относится данное заявление, это вполне можно было сделать. Но герои недолго оставались в неизвестности. Они сами о себе заговорили. Один из них — уже упоминавшийся выше В. А. Лекторский. Когда-то он опубликовал статью, в которой до небес восхвалял ленинскую, как он сам определял ее, теорию отражения. «Теория познания диалектического материализма, — писал он, — есть от начала до конца теория отражения... Конечно, в теории познания большое место занимает исследование разных форм и способов отражения, субъективных познавательных действий, сложных систем опосредования отношений знания к реальному объекту. Однако отражение — это не такая характеристика знания и познания, которая просто существует наряду с другими его особенностями. Именно понимание познания как отражения дает ключ к осмыслению всех богатств его определения»⁴³. Не берусь судить, насколько он был тогда искренен. Сейчас в серии статей, опубликованных в «Новой философской энциклопедии» и вошедших затем в книгу «Эпистемология классическая и неклассическая» (М., 2001), он прилагает все усилия для того, чтобы теорию отражения опровергнуть.

⁴³ Лекторский В. А. «Материализм и эмпириокритицизм» и современные проблемы теории познания // ВФ. 1979. № 5. С. 70–71.

Несмотря на громогласное заявление автора, что ему пришлось в книге «четко сформулировать свою позицию»⁴⁴, никакой четкости у него, конечно, не наблюдается. Прежде всего, совершенно непонятно, что же он понимает под классической эпистемологией и что — под неклассической. И это неслучайно. Ведь ни на каком этапе развития философии не существовало единой эпистемологии. Всегда бытовало по меньшей мере два основных, во многом противоположных взгляда на познание: материалистический и идеалистический, причем внутри каждого из этих двух направлений имелось немало разновидностей. Какая же из этих одновременно существовавших эпистемологий является классической? Каждому, кроме В. А. Лекторского, понятно, что для одних философов классической будет одна теория познания, для других — другая. На основании некоторых мест его работы можно предположить, что под классической эпистемологией он подразумевает юмизм и вообще позитивизм. Но на каком основании он это делает, можно только догадываться.

Использование такого рода терминологии связано с неясностью философской позиции автора. Он нигде ее четко не определяет. Как следует из ряда высказываний автора, он признает существование внешнего объективного мира. Но сам он себя материалистом нигде не называет. В целом ряде мест он использует термин «теоретико-познавательный реализм», но нигде его опять-таки никак не определяет. К числу его сторонников он относит, с одной стороны, англо-американских неореалистов, которые эклектически сочетали субъективный и объек-

⁴⁴ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. 3-изд. М.: URSS, 2009. С. 102.

тивный идеализм, русского религиозного философа, интуитивиста и персоналиста Николая Онуфриевича Лосского (1870–1965), приверженца аналитической философии Б. Рассела, а с другой — материалистов В. И. Ленина и Э. В. Ильенкова. И поэтому даже если истолковать некоторые места работ В. А. Лекторского как признание им своей принадлежности к теоретико-познавательному (эпистемологическому) реализму, то это ровным счетом ничего не дает для понимания его философских взглядов. И, конечно, нигде В. А. Лекторский не раскрывает, что он сам понимает под познанием. Ясно одно — ни в коем случае не отражение внешнего мира.

Главное во всех указанных работах В. А. Лекторского — критика и развенчивание теории отражения. При этом он либо именуется ее так называемой теорией отражения, либо заключает слово «теория» в применении к этой концепции в кавычки. Понять, почему он так поступает, нелегко. Пусть он с ней не согласен. Этого его полное право. Но ведь эта теория — действительно теория, пусть даже ошибочная. Допустим, кто-то не согласен с теорией познания И. Канта, считает ее неверной. Но это не дает ему основания именовать ее так называемой теорией или теорией в кавычках. Известно, что ренегаты почти всегда не просто отрекаются от прежних взглядов, а всячески пытаются продемонстрировать свою ненависть к ним. Так что В. А. Лекторский не исключение.

В. А. Лекторский все время говорит о «ленинской теории отражения», пытаюсь представить дело так, как если бы она впервые была создана В. И. Лениным и никто из философов, за исключением, пожалуй, Ф. Энгельса, ее никогда не придерживался. В действительности, как было уже показано во всех книгах цикла, сторонниками этой

теории были почти все материалисты вообще и К. Маркс, не говоря уже об Ф. Энгельсе, — в частности.

Главную беду В. И. Ленина автор видит в том, что тот истолковывал ощущения как субъективные образы внешнего мира, «чем ощущения в действительности не являются и являться не могут»⁴⁵. И не являются ощущения образами внешнего мира потому, что они вообще не существуют. В. А. Лекторский с гордостью заявляет, что он первым в нашей философии совершенно четко провозгласил тезис: «...ощущений, как они понимались в классической эпистемологии и психологии, не существует»⁴⁶. Правда, четкости здесь как раз и нет. Смущает оговорка: ощущений нет в том понимании, которое существовало в классической эпистемологии и психологии. Невольно напрашивается вопрос: ощущений совсем нет, или их нет в привычном понимании? Если же верно второе предположение, то в чем заключается иное, непривычное понимание ощущений? Об этом — ни слова. Отсюда следует, что никакого непривычного понимания ощущений не существует. А оговорка сделана на всякий случай. Вдруг будет достаточно убедительно доказано, что ощущения все же существуют. Тогда можно будет сказать, что отрицалось существование не ощущений вообще, а лишь в привычном смысле слова.

Как утверждает В. А. Лекторский, в настоящее время большинство направлений современной философии и психологии либо отрицает бытие ощущений, либо ставит их существование под сомнение. Во всяком случае, в отношении психологии это утверждение ошибочно. Если

⁴⁵ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. С. 108.

⁴⁶ Там же. С. 102.

не все, то подавляющее большинство специалистов по психологии и физиологии органов чувств безоговорочно признают существование ощущений. В этом можно убедиться, обращаясь к трудам современных как отечественных, так и зарубежных исследователей.

«Мы познаем мир при помощи органов чувств, — пишет один из самых крупных авторитетов в области когнитивной психологии американский профессор Роберт Солсо. — Наши знания изначально имеют чувственную природу; стимулы, интенсивность которых выше определенного уровня, активируют чувствительные рецепторы. Что происходит дальше с этими ощущениями — в большой степени зависит от нашего знания мира. Термин *ощущение* относится к первоначальному опыту, возникающему в результате элементарных видов стимуляции. Изучение ощущений обычно связано с устройством органов чувств (уха, глаза и т. д.) и со стимулами, воздействующими на эти органы. С другой стороны, в *восприятии* участвуют высшие когнитивные механизмы, интерпретирующие сенсорную информацию»⁴⁷. То же самое пишут и другие психологи⁴⁸.

А вот мнение крупнейшего специалиста по физиологии органов чувств англичанина К. Ю. М. Смита, изложенное в его книге «Биология сенсорных систем» (2000; русский перевод: 2005): «Мы не можем сомневаться, испытывая ощущения „красного“ или „боли“, что эти ощущения действительно имеют место. Возможно, что они не имеют никакого отношения к миру за пределами кожи, отграничивающей организм от окружающей среды, —

⁴⁷ Солсо Р. Когнитивная психология. СПб., 1996. С. 47.

⁴⁸ См., например, хрестоматию: Психология ощущений и восприятий. 2-е изд. М., 2002, в которой собрано большое количество работ как классиков психологии, так и современных авторов.

в конце концов, возможны какие-то нейрохимические нарушения в соответствующем участке мозга. Однако то, что мы это „переживаем“, — несомненно. Может ли какой-то сторонний наблюдатель, какой-то авторитетный врач отрицать для нас этот наш опыт? Ну конечно, нет. Мы — те, кто испытывает субъективные ощущения, — имеем к ним, как говорят в компьютерных сетях, „привилегированный доступ“ — наша исключительность в отношении собственных ощущений не подлежит сомнению»⁴⁹.

Да и действительно, какие могут быть сомнения? Когда, например, нервный процесс, вызванный внешним воздействием на зрительный рецептор, проходит в мозг, то возникает там или не возникает определенное чувство, а именно зрительное? Возникают и существуют ли там слуховые, вкусовые, обонятельные, осязательные чувства? Конечно, возникают и существуют. Именно их-то и принято называть ощущениями. Другое дело, что ощущения существуют в мозгу человека не изолированно, а в связи, в составе восприятий. Но это никак не делает их нереальными, несуществующими.

Кстати сказать, в статье «Представление» В. А. Лекторский говорит о зрительных, обонятельных, осязательных и других представлениях. Но ведь представления всегда вторичны, что не отрицает и сам автор. Они есть воспроизведение непосредственных первичных чувств. Спрашивается, каким образом могут существовать зрительные представления, если не было и нет зрительных ощущений. Автор явно заблудился в трех соснах.

Отрицая существование ощущений, В. А. Лекторский категорически выступает против сенсуализма. С его точ-

⁴⁹ Смит К. Биология сенсорных систем. М., 2005. С. 537.

ки зрения, сенсуализм потерпел крушение. В действительности был опровергнут лишь старый, созерцательный радикальный сенсуализм, абсолютно утверждавший, что в разуме нет ничего, чего не было бы раньше в чувствах. Но положение о том, что чувства являются единственным источником знания, осталось в силе. И в этом смысле сенсуализм сохранился, но в новом, преобразованном виде (см. III.4.4). Просто автор об этом новом сенсуализме ничего не знает, ибо никогда не понимал диалектического материализма. Сенсуализм может быть опровергнут только в том случае, если будут открыты иные, чем органы чувств, каналы, связывающие сознание с внешним миром. Может быть, В. А. Лекторский знает об их существовании. Почему же он не говорит ни слова о них в своих статьях?

Если В. А. Лекторский отрицает существование ощущений, то бытие восприятий он все же признает. Но при этом отвергает взгляд, как он сам пишет, старых сенсуалистов, согласно которому восприятие есть комбинация ощущений. В этом не было бы беды, если бы он отрицал его в пользу положения, что восприятие человека есть не простая сумма ощущений, а целостный образ, включающий в себя не только ощущения, но и мысль. Но, как уже указывалось, он вообще не признает бытия ощущений. В результате, написав о восприятии целую статью, он не может ничего сказать ни о его природе, ни о его возникновении.

В статье «Представление» нас ожидает еще один сюрприз (о первом уже было сказано). «Представление, — читаем мы там, — наглядный чувственный образ предмета...»⁵⁰ Вот тебе и на! Ведь если представление есть образ

⁵⁰ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. С. 129.

предмета, то и восприятия (или ощущения), на основе которых только и может возникнуть представление, — тоже образы предметов. Но это же та самая теория отражения, которую так упорно отвергает автор. А из статьи «Язык и познание» (но не «Мышление», в которой он дудит в прежнюю дуду) мы узнаем, что «когда мы решаем какую-то задачу, что-то изобретаем, пишем какой-то текст, то, как правило, новые идеи появляются в виде не вполне ясных и четких образов...»⁵¹ Выходит, что не только чувственное познание, но и мышление есть отражение мира.

Думаю, что сказанного вполне достаточно. Нет никакого смысла заниматься разбором бездны нелепостей и противоречий, которыми переполнены статьи В. А. Лекторского, посвященные проблемам познания. Ясно одно, что никакого действительного опровержения теории отражения в них нет. Есть лишь злобное, но совершенно бессильное стремление это сделать. На примере этих работ видно, каков научный уровень статей «Новой философской энциклопедии».

В заключение необходимо остановиться еще на одном моменте. В. А. Лекторский в указанных статьях неоднократно ссылается на Э. В. Ильенкова, стараясь представить его своим полным единомышленником. Он уверяет, что тот, будучи вынужденным использовать понятия отражения и образа, вкладывал в них иной смысл, чем В. И. Ленин, что Э. В. Ильенков, формально не критикуя тезисы В. И. Ленина относительно ощущения, фактически дезавуировал их⁵². Это чистейшей воды неправда, о чем убедительно свидетельствует последняя книга

⁵¹ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. С. 194.

⁵² Там же. С. 7, 119.

Э. В. Ильенкова «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма» (1980).

Приведя слова В. И. Ленина, что махисты на каждом шагу обнаруживают полное непонимание диалектики, Э. В. Ильенков дальше пишет: «И Ленин тоже „на каждом шагу“ — в каждой главе и в каждом параграфе, по каждому вопросу теории познания — противопоставляет им эту диалектику, разжевывает ее, демонстрирует ее в применении к проблемам и ощущения, и образа, и понятия, и истины, и знака-символа»⁵³. Об ощущениях Э. В. Ильенков говорит и в других местах книги, ни на йоту не сомневаясь в их существовании⁵⁴. И вся работа в целом пронизана убеждением в правильности теории отражения⁵⁵. Никакую другую теорию познания он на дух не принимает. У меня нет сомнений в искренности Э. В. Ильенкова, когда он объявляет книгу, в которой обосновывалась теория отражения, гениальной⁵⁶. Он — не А. И. Ракитов, который за приличную сумму денег мог восхвалять то, во что он не верил, и поносить то, в правильности чего был убежден.

5. Теория отражения снова пробивает себе дорогу

И И. С. Кону, и В. А. Лекторскому, и массе их единомышленников представляется, что с теорией отражения полностью покончено: она умерла и похоронена. Продолжают

⁵³ Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М., 1980. С. 153–154.

⁵⁴ Там же. С. 34, 35, 38.

⁵⁵ Там же. С. 142, 154, 162, 165, 166, 172.

⁵⁶ Там же. С. 174.

ее отстаивать разве только марксисты, да и то не все, а только самые замшелые, ретроградные, упорно не желающие считаться с достижениями современной науки и философии. На деле все обстоит иначе. Помимо того, что этой теории придерживаются почти все современные великие естествоиспытатели, она находит себе все новых сторонников среди философов, не придерживающихся марксизма.

Среди этих неофитов выделяется уже известный нам А. Л. Никифоров. В одной из последних своих работ, которая называется «Понятие истины в теории познания» (2008), он подвергает резкой и совершенно справедливой критике воцарившееся в западной философии пренебрежение понятием истины и даже полное его отрицание. «У К. Поппера, — пишет он, — истина рассматривается либо как недостижимый идеал, либо заменяется понятием степени правдоподобности. Т. Кун, И. Лака-тос, их коллеги и современники вообще не пользуются понятием истины в своих методологических построениях, а П. Фейерабенд прямо призывает выбросить понятие истины на свалку исторических заблуждений человечества»⁵⁷.

Особенно достается от автора философам-постмодернистам. «Постмодернисты, — читаем мы у него, — рассматривают науку как некий дискурс, как языковую игру наряду с другими языковыми играми, как производство каких-то текстов. Научная игра ничем не отличается от других игр и оценивается с точки зрения удобства ее использования. Нет никаких границ между наукой и иными

⁵⁷ Никифоров А. Л. Понятие истины в теории познания // Понятие истины в социогуманитарном познании / Под. ред. А. Л. Никифорова. М., 2008. С. 6.

играми, потому наиболее перспективными оказываются междисциплинарные исследования, то есть изготовление текстов, соединяющих в себе термины и утверждения из самых различных областей и, таким образом, лишенных какого бы то ни было смысла. Соответственно постмодернизм отказывается от различения традиционных областей философского исследования — онтологии, гносеологии, антропологии и т. д. И, конечно, научные тексты могут оцениваться как удобные, полезные, привлекательные с эстетической точки зрения, но не как истинные или ложные. Об этом речь в принципе не может идти. Важно просто говорить, болтать, а имеет ли смысл твоя болтовня, об этом никто не спрашивает. Вот так нас пытаются отбросить в доплатоновские времена и вновь погрузить в хаос пустопорожних разговоров, иллюзий, сновидений, мифов и предрассудков»⁵⁸.

«Монопольное господство марксизма в отечественной философии советского периода, — продолжает автор, — ограждало нас от волн безумия и абсурда, прокатывавшихся по Европе. Однако в последние два десятилетия многие отечественные философы, поддавшиеся модному поветрию, отправились в поход против разума и истины. Рассуждения о равноправии разных когнитивных практик, о культурной обусловленности всех результатов познавательной деятельности, о влиянии познавательных средств, в частности используемого языка, об онтологической относительности и т. п. — все это явно или неявно предполагает отказ от понятия истины»⁵⁹.

⁵⁸ Никифоров А. Л. Понятие истины в теории познания // Понятие истины в социогуманитарном познании. М., 2008. С. 7.

⁵⁹ Там же. С. 8.

Верным считает А. Л. Никифоров определение истины как соответствия мысли объекту. А это предполагает принятие понятия отражения. «Мы верим, — пишет он, — что истинное знание дает нам верную или адекватную картину окружающего мира... Ученые также убеждены, что их законы и теории отображают черты и особенности изучаемой реальности»⁶⁰. «Отражение, — продолжает автор, — следует понимать как *сходство* — сходство отражения с отображаемым»⁶¹.

Такое понимание истины было представлено в известной книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Но, как указывает А. Л. Никифоров: «В последние два десятилетия нашей истории мы с легкомысленной поспешностью отбросили марксизм и вместе с ним „принцип отражения“»⁶².

Но, к сожалению, все эти в основном и основном верные мысли А. Л. Никифоров так и не смог выдержать до конца. Начав за здравие, он кончил за упокой. Причина в том, что он был слишком основательно испорчен неопозитивистской и постпозитивистской философией науки с ее номинализмом и антитеоретизмом, с подменой теории теоретическим текстом, с полным непониманием природы «теоретических» объектов. Об этом уже было сказано в четвертой книге цикла (IV.12–13), и снова повторять это нет необходимости.

К сожалению, нередкой для нашей философской литературы непоследовательностью отличается и уже упоминавшаяся во второй (II.2.7) и пятой (V.1.2) книгах цик-

⁶⁰ Никифоров А. Л. Понятие истины в теории познания // Понятие истины в социогуманитарном познании. М., 2008. С. 13.

⁶¹ Там же. С. 14.

⁶² Там же. С. 12.

ла статья известного специалиста по «философии науки» Елены Аркадьевны Мамчур, посвященная проблемы истины. С одной стороны, она отстаивает необходимость понятия истины, что в наших условиях несомненно заслуживает самой положительной оценки. С другой стороны, она старательно отрещивается от теории отражения, что с неизбежностью обрекает ее на эклектическое сочетание взаимно исключаящих друг друга положений. Дело доходит до смешного: она даже не знает, что ту концепцию истины, которой она придерживается, принято называть корреспондентской⁶³.

В первой книге цикла (I.2.1) был затронут вопрос о так называемой когнитивной революции, когнитивной науке (когнитивистике, когнитологии) и когнитивном подходе. Я там указывал, что никакой единой когнитивной науки не было и нет, что исследованием познания кроме философии занимается несколько конкретных наук, одни из которых существуют давно (психология, физиология органов чувств и т. п.), а другие появились в последние десятилетия (информатика, когнитивная лингвистика и т. п.). Эти науки вполне можно назвать когнитивными. Философы давно пользовались данными такого рода наук при разработке теории познания. С точки зрения когнитологов, философский подход к познанию является чрезмерно абстрактным. Взамен они предлагают свой, который именуют когнитивным. Насколько можно их понять, этот подход является эмпирическим, познание для них — прежде всего познание индивида, и суть его заключается в обеспечении приспособления человека к окружа-

⁶³ См.: Мамчур Е. А. Современные представления о понятии истины // Истина в науке и философии. М., 2010.

ющей его физической и социальной реальности⁶⁴. Когнитологи расходятся между собой по многим вопросам. Для упрощения я рассмотрю когнитивный подход в том его виде, в котором он предстает в совместных трудах двух самых известных отечественных когнитивистов: доктора философских наук Олега Евгеньевича Баксанского и кандидата психологических наук Елены Николаевны Кучер.

Как указывают они, в ходе когнитивных исследований выявилось существование триады: «1. Объективный мир, существующий вне и независимо от человеческого сознания. 2. Субъективный образ этого объективного мира, существующий в сознании человека, то есть репрезентация реальности в сознании. 3. Отношения, существующие между действительностью и ее репрезентацией, которые, собственно, и определяют результат адаптации человека к миру, степень ее адекватности»⁶⁵.

Таким образом, все данные когнитивных наук полностью подтверждают материалистический взгляд на отношение мира и сознания: познание есть отражение объективной реальности в мозгу человека. Единственное отличие от классического изложения теории отражения заключается в использовании для наименования отражения термина «репрезентация». Еще одно новшество — использование термина «когнитивная карта», который расшифровывается авторами как «субъективный образ объективного мира»⁶⁶.

⁶⁴ См.: Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Когнитивные науки: от познания к действию. М.: КомКнига/URSS, 2005. С. 5–6; Баксанский О. Е., Гнатик Е. Н., Кучер Е. Н. Естествознание: современные когнитивные концепции. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010. С. 6–8.

⁶⁵ Баксанский О. Е., Гнатик Е. Н., Кучер Е. Н. Указ. соч. С. 7–8.

⁶⁶ Там же. С. 6.

Но если авторы неплохо знакомы с данными когнитивных наук, то в области теории познания, философии они оказываются полностью беспомощными: им изменяет элементарная логика. Буквально вслед за изложением основ теории отражения идет более чем странный текст: «Люди реагируют на собственный опыт, а не на саму реальность. Мы не знаем, какова эта реальность. Когнитивную карту мира, по которой мы действуем, рисуют нам наши чувства, убеждения и жизненный опыт. Но эта карта не может быть абсолютно точной, в противном случае она была бы одинаковой у каждого „нормального“ человека. Мы не знаем реальности, в которой существуем, поэтому для нас наша когнитивная карта и есть эта реальность. Некоторые репрезентации лучше, другие хуже. Человек в жизни похож на корабль, плывущий по опасному и бурному морю. Если когнитивная карта указывает ему на рифы и мели, то он продвигается успешно, если же карта неверна, то жизнь подвергается опасности»⁶⁷.

Авторы буквально на каждом шагу противоречат сами себе. С одной стороны, они утверждают, что мы не знаем реальности, в которой существуем, с другой — признают наличие у нас когнитивной, то есть познавательной, карты. Но эта карта носит название познавательной только потому, что она дает знание. Знание о чем? Разумеется, о реальности. Реальный мир входит в нашу карту, становится содержанием нашего сознания, мир в себе становится миром для нас. Конечно, в своих действиях мы исходим из мира, каким он является для нас, руководствуемся нашими знаниями о мире. Но наши знания о мире есть отражение мира, мир для нас совпадает с миром,

⁶⁷ Баксанский О. Е., Гнатик Е. Н., Кучер Е. Н. Указ. соч. С. 9.

каков он сам по себе. Но это совпадение никогда не может быть полным ни в каком смысле. Мир для нас и мир в себе не только совпадают, но обязательно и не совпадают, причем не только по форме, но и по содержанию (подробнее об этом см. II.2.4–2.6; 13). У каждого человека есть собственный субъективный мир, Я-мир, персономир. И персономыры разных людей, живущих в одной и той же реальности, могут серьезно различаться. Одни Я-миры больше совпадают с реальностью, другие — меньше. Бывает и существенное расхождение между персономыром того или иного человека и миром в себе (см. IV.10.1). Но это ни в малейшей степени не ставит под сомнение положение о том, что нормальный человек всегда в той или иной степени знает мир и в своей деятельности руководствуется этим знанием. Иначе он не смог бы в нем существовать, тем более преобразовывать его.

Термин «репрезентация» все шире используется и другими авторами, обращающимися к проблемам познания. И чаще всего он употребляется в том смысле, который вкладывали последовательные сторонники материалистической теории познания в слово «отражение». Концепция репрезентации в современной эпистемологии в большинстве случаев есть не что иное, как прикрытая, замаскированная, «стыдливая» теория отражения.

Во второй половине прошлого века в западной философии получила развитие так называемая эволюционная теория познания, или эволюционная эпистемология. У разных представителей этого течения взгляды на познание были далеко не одинаковыми. Значительная часть их придерживалась феноменализма. Но некоторые из них, по сути дела, перешли на позиции теории отражения. Прежде всего это относится к Герхарду Фоллмеру — автору

интереснейшего труда «Эволюционная теория познания. Врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки» (русский перевод: М., 1996).

6. А марксизм все равно живет

В самом начале 90-х гг. казалось, что с марксизмом и марксистской философией в нашей стране почти полностью покончено. Очень немногие в то время решались прямо признать себя марксистами. Но довольно скоро положение начало меняться. Важную роль в этом сыграл журнал «Альтернативы», начавший выходить с 1991 г. под редакцией доктора экономических наук Александра Владимировича Бузгалина. Он вместе с другим доктором экономических наук Андреем Ивановичем Колгановым занялся работой по обновлению марксистской политической экономии и марксистской политологии. Достаточно назвать их совместный труд «Глобальный капитал» (М., 2004), изданный под их редакцией сборник «Критический марксизм. Продолжение дискуссии» (М., 2001), книги А. В. Бузгалина «Ренессанс социализма» (М., 2003) и «Анти-Поппер. Социальное освобождение и его друзья» (М., 2004), работу А. И. Колганова «Что такое социализм? Марксистская версия» (М., 2012). Проблемы марксистской политической науки успешно разработаны в книгах Б. Ю. Кагарлицкого «Марксизм: не рекомендовано для обучения» (М., 2005), «Политология революции» (М., 2007), «Марксизм. Введение в социальную и политическую теорию» (М., 2012), проблемы марксистской философии — в монографии Л. К. Науменко «„Наше“ и „мое“». Диалектика гуманистического материализма» (М., 2012).

Не осталось без внимания и материалистическое понимание истории: книги автора настоящих строк «Секреты Клио. Введение в философию истории» (М., 1996), «Введение во всемирную историю» (Вып. 1–3. М., 1997–2001), «Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции с древности до наших дней» (М., 1999; 2003) и «Политарный („азиатский“) способ производства: Сущность и место в истории человечества и России» (М., 2008; 2011); работы доктора философских наук Григория Алексеевича Завалько «Понятие „революция“ в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции» (М., 2003; 2005; 2011); «Проблема соотношения морали и религии» (М., 2006).

И в среде довольно широкой общественности начали пробиваться нотки неодобрения огульной критики марксизма. В далеко не марксистских изданиях все чаще стали появляться статьи, в которых осуждаются попытки объявить марксизм глупостью. Вот, например, что говорилось в опубликованной в 2006 г. в «Студенческом меридиане» статье генерального директора АО «Молодая гвардия» Валентина Юркина: «История, как бы издеваясь над политическими неучами, реабилитировала осмеянные „демократами“ истматовские афоризмы о том, что общественное бытие определяет сознание, о классовой борьбе, о роли собственности в обществе, о насилии – повивальной бабке истории»⁶⁸.

Дошло до того, что известный кинорежиссер Андрей Сергеевич Кончаловский, в советское время эмигрировавший за границу, в одной из статей, не выдержав потока «демократической» брани в адрес марксизма, в сердцах

⁶⁸ Юркин В. Ф. Интеллектуальный феномен // Студенческий меридиан. 2006. № 2. С. 24.

заявил: «Марксизм — ложная наука. Устаревшее мнение. Да, у стран соцлагеря есть печальный опыт: им когда-то навязали большевизм, который только назывался марксизмом, но на самом деле был его искажением. Марксизм — это наука, а „ленинизм“ — это религия, построенная на вере в победу коммунизма. Марксизм — это научный метод, основанный на объективных законах развития природы и общества и ориентирующий всю деятельность человека на их практическое применение. „Производительные силы“ и „производственные отношения“ — это марксистские термины, которыми пользуется любой экономист. Безусловно марксизм нуждается в очищении от устаревших понятий, пересмотре многих положений в связи с изменившимися историческими и политическими условиями технической революции»⁶⁹.

«Сейчас существует множество философских направлений и школ, — писал в 2007 г. в „Московских новостях“ Владислав Яцкевич, — и каждая из них находится в состоянии непреодолимого кризиса... Предпринимаются отчаянные попытки найти выход из тупика. Однако это ни к чему не приводит. Многие из известных философских направлений обзавелись приставкой „нео“. Появились „неомарксизм“, „неопозитивизм“, „неоэкзистенциализм“, „неорационализм“ и т. д. Но всякое такое „нео“ — все равно что обещание нерадивого школьника написать сочинение. Возможно, что он что-то и напишет. Но можно не сомневаться в том, что никаким событием это не будет. Есть широко распространенное и справедливое мнение о том, что философия диалектического материализма вобрала в себя все то позитивное, что есть во всех

⁶⁹ Кончаловский А. С. Мифы и заблуждения XX века // Кончаловский А. С. На трибуне реакционера. М., 2007. С. 32.

других школах и направлениях. В частности, диалектика Гегеля, скорректированная с учетом требований материализма, присутствует в качестве важнейшего элемента. Только диалектический материализм, благодаря тому, что противоречие является его главным предметом, свободен от каких-либо ограничений и имеет перспективы развития. Итак, какая сегодня есть авторитетная и достойная нас философская доктрина? Да кроме „диалектического материализма“ никакой. Какие у нас есть стоящие идеи глобального широкого масштаба? Да кроме тех, что мы можем почерпнуть в работах Маркса (и Библии), никаких. Поэтому давайте же прочтем Маркса. На этот раз непредвзято, критически, свободно и честно. Необходимо разобраться в его творческом наследии и преодолеть путаницу»⁷⁰.

Ярким проявлением возрастания симпатий к марксистской философии является все время расширяющийся интерес к философскому наследию Э. В. Ильенкова. Многими он воспринимается как символ творческого диалектического материализма. Уже в самом начале перестроечных лет, когда ослабели запреты, немалое число молодых философов стали открыто именовать себя ильенковцами. «Несколько лет тому назад, — рассказывал в 1990 г. Ф. Т. Михайлов, — мне пришлось выступить с серией докладов (или, вернее, с одним, но в течение трех дней) перед коллективом философского факультета Ростовского государственного университета. В большущей аудитории, представляя докладчика слушателям, декан факультета вдруг сказал, обращаясь теперь ко мне: „А Вам я пред-

⁷⁰ Яцкевич В. В. От марксизма к достойной философии // Московские новости. 2007. № 48. С. 32.

ставлю наш факультет одним, уверен, приятным для Вас словом: мы все от первокурсника до декана — ильенковцы“. Зал буквально взорвался аплодисментами»⁷¹.

В постсоветское время слава Ильенкова не только не погасла, а разгорается с каждым годом. Переиздаются его труды. Проводятся «Ильенковские чтения». О нем и его творчестве появляются книга за книгой: «Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков (Книга-диалог)» (М., 1997), «Э. В. Ильенков: личность и творчество» (М., 1999), «Ильенков и социализм» (М., 2001), «Эвальд Васильевич Ильенков в воспоминаниях» (М., 2004), «Идеальное: Ильенков и Лифшиц» (М., 2004), «Эвальд Васильевич Ильенков» (М., 2008). За прошедшие годы об Э. В. Ильенкове и его трудах были опубликованы почти полторы сотни статей⁷².

И хотя и сейчас некоторые наши «демократы» по старинке продолжают дудеть, что марксизм умер⁷³, он жив и набирает силы.

В целом в России множатся ряды сторонников и друзей марксизма, диалектического материализма в частности. Но друзья друзьям рознь. Среди людей, продолжающих считать себя марксистами или просто декларирующих свое самое дружеское отношение к нему, немало таких, которых, следуя Ф. Энгельсу, можно назвать «опасными» друзьями марксизма.

⁷¹ Михайлов Ф. Т. Слово об Ильенкове // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. 1960–1980-е гг. М., 1999. С. 444–445.

⁷² См.: Публикации об Э. В. Ильенкове / Сост. Г. В. Лобастов // Эвальд Васильевич Ильенков. М., 2008.

⁷³ См., например: Ремчуков К. В. Маркс мертв // Независимая газета. 12.05.2008.

7. «Опасные друзья» марксизма

Одни из этих «друзей» так препарируют марксизм, что от него у них ничего не остается. Это наглядно можно было видеть на примере последних работ Т. И. Ойзермана (см.: I.3.2). Одна из них, которую я пока не затрагивал, называется «Оправдание ревизионизма» (М., 2005). В ней он оправдывает ревизионизм в том смысле слова, который уже был раскрыт в первой книге цикла (I.8.2), то есть отказ от основных идей марксизма, сопровождаемый клятвами верности ему. И Т. И. Ойзерман не только оправдывает ревизионизм, он сам занимается ревизионизмом в указанном значении слова. Было бы гораздо честнее, если бы он так прямо и заявил о переходе на позиции антимарксизма, а не морочил бы людям голову.

Еще один пример — труды В. М. Межуева, прежде всего сборник его статей, носящий название «Маркс против марксизма» (М., 2007). Последний правильнее всего было бы назвать «Межуев против Маркса и марксизма».

Прежде всего, В. М. Межуев настаивает на том, что общественное бытие, первичное по отношению к общественному сознанию, нельзя сводить к хозяйственно-экономической деятельности, что его нужно понимать более широко, включать в него всю вообще деятельность людей. Но К. Маркс никогда не трактовал общественное бытие ни как деятельность вообще, ни как хозяйственно-экономическую деятельность в частности. Ведь общественное бытие, по Марксу, — это та составляющая общества, которая существует вне и независимо от сознания, а деятельность, в том числе и хозяйственно-экономическая, включает в себя не только материальное, но и духовное. И недаром чуть ниже В. М. Межуев утверждает, что общественное бытие «столь же материально, сколь

и духовно»⁷⁴. Спрашивается, о какой первичности общественного бытия по отношению к общественному сознанию тогда можно говорить?

К. Маркс под общественным бытием, первичным по отношению к общественному сознанию, всегда понимал систему социально-экономических, или производственных, отношений и больше ничего. Эта система действительно возникает и существует вне и независимо от общественного сознания. В других местах этой же и других статей, где используется понятие базиса общества, В. М. Межуев под общественным бытием фактически понимает все же систему социально-экономических отношений.

Но, по его мнению, такая система стала базисом общества только при капитализме. В античном мире и средневековом обществе Западной Европы этот процесс только намечался. А что касается остальных эпох всемирной истории, то в отношении них позиция В. М. Межуева не вполне ясна: то ли в них вообще не было экономики, то ли она существовала, но не была базисом общества. Во всяком случае, он патетически заявляет: «Вот тебе и „экономический историцизм“ Маркса, выводящий за пределы экономической истории большую часть человеческой истории»⁷⁵.

Но такого рода взгляд принадлежит вовсе не К. Марксу. И, кстати сказать, он совершенно не нов. Такого рода мнение существовало и высказывалось еще при жизни великого мыслителя. И он его категорически отвергал. К. Маркс, как и Ф. Энгельс, ни в малейшей мере не сомневался ни в существовании докапиталистических экономик, ни в том,

⁷⁴ Межуев В. М. Маркс как теоретик истории, общества и культуры // Межуев В. М. Маркс против марксизма. М., 2007. С. 57–58.

⁷⁵ Там же. С. 68.

что именно на них покоились общества прошлого. Критикуя Прудона, который писал о «внеэкономическом» происхождении собственности, К. Маркс подчеркивал, что «...внеэкономическое происхождение собственности означает не что иное, как историческое происхождение буржуазной экономики, т. е. тех форм производства, которые получают теоретическое или идеальное выражение в категориях политической экономии. Но та истина, что добуржуазная история и каждая ее фаза имеют свою экономику и экономическую основу своего движения, эта истина, в конце концов, сводится к той тавтологии, что жизнь людей искони покоилась на производстве, на того или иного рода общественном производстве, отношения которого мы как раз и называем экономическими отношениями»⁷⁶.

«Поистине комичен г-н Бастиа, — писал К. Маркс в „Капитале“, — который воображает, что древние греки и римляне жили исключительно грабежом. Ведь если люди целые столетия живут грабежом, то должно, очевидно, постоянно быть в наличии что-нибудь, что можно грабить, другими словами — предмет грабежа должен непрерывно воспроизводиться. Надо думать поэтому, что и у греков с римлянами был какой-нибудь процесс производства, какая-нибудь экономика, которая служила материальным базисом их мира в такой же степени, в какой буржуазная экономика является базисом современного мира... Я пользуюсь этим случаем, чтобы вкратце ответить на возражение, появившееся в одной немецко-американской газете по адресу моей работы „К критике политической экономии“, 1859. По мнению газеты, мой взгляд, что определен-

⁷⁶ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 46. Ч. 1. С. 477.

ный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, одним словом — „экономическая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания“, что „способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще“ — все это, по мнению газеты, справедливо по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы, но не применимо ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к древним Афинам или Риму, где господствовала политика. Прежде всего удивительно, что находится еще человек, который может предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестными. Ясно, во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир — политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм»⁷⁷.

Есть еще один аргумент, который приводит В. М. Межуев в защиту своей (именно своей, но вовсе не марксовой) точки зрения на общество и историю. «...Миру, — категорически утверждает он, — неизвестна пока другая экономическая (кроме политэкономии капитализма. — Ю. С.) наука, предметом которой была бы экономика нерыночного типа»⁷⁸. Увы! Такая наука неведома только самому В. М. Межуеву, но отнюдь не миру. Вот уже почти сто

⁷⁷ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 23. С. 91–92.

⁷⁸ Межуев В. М. Был ли Маркс утопистом? // Межуев В. М. Маркс против марксизма. С. 43.

лет существует и развивается научная дисциплина, которая занимается систематическим исследованием экономики первобытного, включая предклассовое, общества. На Западе она именуется экономической антропологией, у нас — экономической этнологией. К настоящему времени даже создана теория этой экономики⁷⁹.

Ну а общий итог философских изысканий В. М. Межуева довольно прост. «Мир, в котором живет человек, — пишет он, излагая свои (именно свои, а вовсе не Маркса, как он уверяет) взгляды, — не природен (как у предшествующих материалистов) и не духовен (как у Гегеля), а практичен, то есть одновременно чувственно предметен и творчески изменчив. Материализм Маркса можно назвать поэтому практическим материализмом (он так и называл его); в отличие от созерцательного материализма действительность существует для него не в „форме объекта“, или в „форме созерцания“, а как человеческая чувственная деятельность, практика»⁸⁰. «Если старый материализм выводил человека за пределы действительного мира, ставя его в положение внешнего наблюдателя, то практический материализм помещает человека в центр мира (как его демиурга, творца), превращая тем самым последний в „неорганическое тело человека“. Не материя и дух, а практика является для Маркса основополагающей исторической категорией. Он вообще предпочитал

⁷⁹ См.: *Herscovits M. J. Economic Anthropology. The Economic Life of Primitive Peoples.* N. Y., 1952; *Economic Anthropology. Readings in Theory and Analysis* / Ed. by E. E. LeClair, H. K. Schneider. N. Y. etc., 1968; *Семенов Ю. И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество.* Ч. 1–3. М., 1993; *Handbook of Economic Anthropology* / Ed. By J. G. Carrier Cheltenham. UK and Northampton, MA, USA, 2005 и мн. др.

⁸⁰ *Маркс К. Тезисы о Фейербахе* // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 3. С. 1.

пользоваться понятиями не „материя“ и „дух“, а „материальное“ и „идеальное“. В грамматическом смысле они — прилагательные, а не существительные, в философском — атрибуты, а не субстанции. Материальное и духовное суть коренные свойства, стороны человеческой практики, первоначально неразличимые друг от друга и только в результате общественного разделения труда разошедшиеся между собой»⁸¹. Слышится что-то удивительно знакомое; но только это не К. Маркс, а А. А. Богданов, Д. Лукач, К. Корш, А. Грамши и т. д. Перед нами еще один вариант социоконструктивного идеализма.

В книге «Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма» (М., 2009) была опубликована статья В. М. Миронова «Трагедия Октябрьской революции», в которой он в категорической форме потребовал полного освобождения марксизма от диалектики. Диалектика всегда была ошибочна и вредна. К счастью, она к настоящему времени окончательно уничтожена усилиями таких гигантов мысли, как Фридрих Ницше, Мишель Фуко и Жиль Делез. Она умерла, и воскресить ее невозможно.

Автор далеко не оригинален. Как мы уже видели (2.1), освободить марксизм от диалектики призывали на рубеже XIX–XX вв. многие махровые ревизионисты, в первую очередь Э. Бернштейн. Выдававший себя за марксиста русский махист Яков Александрович Берман (1868–1933) в книге «Диалектика в свете современной теории познания» (М., 1908; 2011) доказывал, ссылаясь на тогдашние авторитеты, что диалектика давно уже полностью опровергнута.

⁸¹ Межуев В. М. Маркс как теоретик истории, общества и культуры... С. 60.

Другая группа «опасных» друзей марксистской философии — люди, который занимаются усиленной пропагандой уже существующих и давно раскритикованных версий квазимарксизма, выдавая их за великие достижения настоящей марксистской мысли. В первую очередь это относится к концепции А. А. Богданова — как в первом, так и в последнем ее вариантах.

Примером могут послужить статьи доктора философских наук Константина Николаевича Любутина «Российские версии философии марксизма: Александр Богданов» (2003) и Вадима Николаевича Садовского «Эмпириомонизм А. А. Богданова: опыт прочтения спустя сто лет после публикации» (2003), а также совместная работа К. Н. Любутина и Владимира Дмитриевича Толмачева «Александр Богданов: от философии к тектологии» (2000).

Первая из названных статей содержит обвинение В. И. Ленина в том, что тот учинил «политическую расправу с Богдановым... на почве философии»⁸², во второй Г. В. Плеханову и В. И. Ленину инкриминируется отлучение Богданова от марксизма⁸³.

Ни о какой расправе, тем более политической, не может быть и речи: Г. В. Плеханов и В. И. Ленин просто-напросто предприняли критику философских взглядов А. А. Богданова, на которую последний имел полную возможность ответить — и, как известно, ответил в работах «Приключения одной философской школы: Poleмические заметки о Г. В. Плеханове и его школе» (СПб., 1908; М., 2011) и «Вера и наука (о книге В. Ильина „Материа-

⁸² Любунин К. Н. Российские версии философии марксизма: Александр Богданов // ВФ. 2003. № 3. С. 87.

⁸³ Садовский В. Н. Эмпириомонизм А. А. Богданова: опыт прочтения спустя сто лет после публикации // ВФ. 2003. № 3. С. 92.

лизм и эмпириокритицизм“») (1910)⁸⁴. Ни Г. В. Плеханов, ни В. И. Ленин не отлучали А. А. Богданова от марксизма: они просто убедительно показали, что последний не материалист, а тем самым и не марксист в философии.

Авторам рассматриваемых статьей нужно было опровергнуть аргументы Г. В. Плеханова и В. И. Ленина. Они этого не сделали. И понятно почему: доказать, что А. А. Богданов был материалистом, невозможно — он и сам не считал себя таковым. В результате им ничего другого не оставалось, кроме как заняться демагогией, что они и сделали: стали бить на жалость — политическая расправа, отлучение.

К. Н. Любутин с готовностью поддержал содержащийся в работе А. А. Богданова «Вера и наука» (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм») (1910) упрек В. И. Ленину в «религиозном отношении к марксизму». Это «религиозное отношение» А. А. Богданов узрел в том, что В. И. Ленин запрещает искать другие точки зрения, кроме марксистской⁸⁵ (в изложении К. Н. Любутина: «запрещает выходить за пределы метода Маркса»⁸⁶). Разумеется, В. И. Ленин никому не запрещал, да и не мог запретить выходить за пределы метода Маркса, марксистской философии или марксизма в целом. Единственное, что он считал нужным: если человек вышел за пределы марксизма, то он должен честно сказать, что он больше

⁸⁴ Богданов А. А. Приключения одной философской школы: Poleмические заметки о Г. В. Плеханове и его школе. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012; Он же. Падение великого фетишизма. Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1910.

⁸⁵ Богданов А. А. Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм») // Богданов А. А. Падение великого фетишизма. Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1910. С. 159–160.

⁸⁶ Любутин К. Н. Указ. соч. С. 88.

не марксист, а не продолжать клясться в верности марксизму, как это делал А. А. Богданов и другие русские махисты из числа социал-демократов.

Наряду с А. А. Богдановым настойчиво «раскручивается» Д. Лукач, труды которого объявляются творческим развитием марксизма. Так, например, во вступительной статье кандидата философских наук Сергея Николаевича Земляного к книге названного автора мы читаем: «Мне уже довелось писать о том, что историю марксизма в XX веке можно написать как историю упущенных возможностей. Одной из таких упущенных возможностей, прежде всего для марксистской философии в Советской России, было игнорирование интеллектуальных достижений Георга Лукача в книге „История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике“ и Карла Корша в брошюре „Марксизм и философия“, и в первую очередь — предложенной ими *трактовки марксистской диалектики*»⁸⁷.

И это он утверждает, несмотря на заявление самого Д. Лукача (1967), что в 1930 г. «после прочтения этой работы Маркса („Экономическо-философские рукописи“. — Ю. С.) вдребезги разбились все идеалистические предрассудки „Истории и классового сознания...“ Книга стала для меня совершенно чужой...»⁸⁸ И чуть дальше: «...Я тогда (в 30-х гг. — Ю. С.) честно считал „Историю и классовое сознание“ содержательно ошибочной книгой, как считаю и сегодня»⁸⁹.

⁸⁷ Земляной С. Н. История, сознание, диалектика. Философско-политическая мысль молодого Лукача в контекстах XXI века // Лукач Г. История и классовое сознание. М., 2003. С. 33.

⁸⁸ Лукач Г. Предисловие (1967 г.) // Лукач Г. История и классовое сознание... С. 94–95.

⁸⁹ Там же. С. 96.

Еще один поклонник книги Д. Лукача — С. Н. Мареев. В книге «Из истории советской философии: Лукач — Выготский — Ильенков» (М., 2008) он утверждает, что в работе Д. Лукача была предпринята попытка ни много ни мало «восстановить подлинные взгляды Маркса на философию»⁹⁰. Тем самым было положено, по его мнению, начало новой линии в марксистской философии, отличной от линии Г. В. Плеханова и А. М. Деборина, которая привела к И. В. Сталину. Новая же линия пошла от Д. Лукача к Л. С. Выготскому, а от него к Э. В. Ильенкову. О том, к какой линии принадлежал, например, В. И. Ленин и придерживался ли он тех же взглядов, что и К. Маркс, или же каких-то иных, мы из книги так ничего и не узнаем. Именно потому, что Д. Лукач восстановил подлинные взгляды К. Маркса, на него обрушились с критикой А. М. Деборин, Л. Рудаш и другие тогдашние «философские примитивисты». Но так как никаких серьезных аргументов у них не было, то они занялись руганью. «Такая ругань, которая имеет место в „критических“ текстах Деборина и Рудаша, — пишет автор, — выдает только методологическое бессилие, полнейшую неспособность справиться с материалом»⁹¹. Ругань и только ругань видит С. Н. Мареев в том, что названные выше и другие критики объявили Д. Лукача идеалистом, несмотря на то что сам он таковым себя никогда не называл. Согласно же Марееву, последний никаким идеалистом не был. И он бросается защищать своего кумира.

Правда, защита его никуда не годится. Все основные аргументы критиков (а они приводились и были, как

⁹⁰ Мареев С. Н. Из истории советской философии: Лукач — Выготский — Ильенков. М., 2008. С. 50.

⁹¹ Там же. С. 89.

мы выше уже видели, весьма серьезными) он старается по возможности обойти. А там, где это сделать совершенно невозможно, он в одних случаях объявляет те или иные тезисы Д. Лукача отдельными слабыми пунктами, неточными выражениями, некоторой абсолютизацией тех или иных моментов, в других — пытается доказать правильность его позиции. Например, упрек Д. Лукачу в том, что тот недооценивает роль экономики, С. Н. Мареев парирует тем, что экономика определяет иные общественные связи лишь в капиталистическом обществе, а, например, при феодализме, наоборот, политические и правовые связи определяют долю общественного богатства, которое получает человек. Что же, более чем знакомый мотив! Мы его только что слышали в исполнении В. М. Межуева. С. Н. Марееву совершенно не приходит в голову, что повторяя все эти глупости, он тем самым не просто отвергает исторический материализм, но даже саму возможность его существования. Ведь если положение об определяющей роли экономики применимо лишь к капитализму, а в обществах иного типа господствующими являются связи, которые принято называть идеологическими, то это значит, что материалистического понимания общества и мирового исторического процесса нет и быть не может.

В целом С. Н. Мареев разделяет концепцию Д. Лукача, хотя с определенными оговорками, в частности заявляет, что принимает теорию отражения. Если и сам Д. Лукач был далеко не во всем последовательным, то С. Н. Мареев соединяет его социоконструктивный идеализм с отдельными кусочками материализма.

И в главе, посвященной Д. Лукачу, и в ряде других С. Н. Мареев воюет с понятием диалектического материализма. Отчасти понять его можно — он не принимает

того диалектического материализма, каким он представлялся в учебниках сталинской и более поздних эпох. Он борется с положением о том, что исторический материализм есть распространение диалектического материализма на явления общественной жизни. Он прав, когда отстаивает идею, что никакого диалектического материализма до возникновения материалистического понимания истории не было и быть не могло. Но от того, что у нас в учебниках излагалась искаженная, догматизированная версия диалектического материализма, подлинный-то, настоящий-то диалектический материализм ведь никуда не делся.

С. Н. Мареев, следуя Д. Лукачу, категорически настаивает на том, что марксистская философия без остатка сводится к историческому материализму, которого, кстати, если последовательно проводить их взгляды на экономику, нет и быть не может. Диалектический материализм есть просто другое обозначение того же самого исторического материализма. Потому данный термин совершенно излишен. У Маркса его не было. Далее не вполне ясно, кто его, по мнению С. Н. Мареева, создал. В одних местах С. Н. Мареев называет Г. В. Плеханова, в других авторство приписывается А. М. Деборину. «Деборин, — пишет автор, — называет метод Маркса „диалектическим материализмом“ — название, в значительной степени, как уже говорилось ранее, им самим придуманное»⁹². При этом он полностью игнорирует тот несомненный факт, что термином «диалектический материализм» постоянно пользовался В. И. Ленин, причем как более широким, чем словосочетание «исторический материализм».

⁹² *Мареев С. Н.* Из истории советской философии: Лукач — Выготский — Ильенков. М., 2008. С. 55.

Но свою точку зрения С. Н. Мареев не проводит до конца последовательно. Наряду с утверждением, что марксистская философия есть исключительно материалистическое понимание истории, у него фигурирует и ее определение как диалектики мышления, как логики и теории познания. Но, спрашивается, в каком случае наука о мышлении может полностью совпадать с материалистическим пониманием истории? Только в том, если мышление и общество совпадают, образуют тождество. Именно это и утверждал Д. Лукач. Казалось бы, это положение должен был принять и С. Н. Мареев, если бы хотел быть до конца последовательным. Но он на это не решается. И по всей его книге рассеяны строки, в которых диалектика и материалистическое понимание истории стоят рядом как две связанные, но разные единицы. Более того, в одном из мест книги диалектическая логика и материалистическое понимание истории именуется автором двумя существенными элементами марксистской философии⁹³.

Но больше всего не повезло в книге термину «марксистская философия». В начале книги он употребляется без всяких оговорок, затем в одном из ее мест мы узнаем, что в марксизме философии в традиционном смысле слова нет⁹⁴, а спустя полсотни страниц нас огорошивают категорическим заявлением, что марксистской философии вообще нет и быть не может. «*Марксистский материализм, — пишет автор, — это не философия... Марксизм — это не философия ни в области понимания истории, ни в области понимания природы*»⁹⁵. Одно

⁹³ Мареев С. Н. Из истории советской философии: Лукач — Выготский — Ильенков. М., 2008. С. 30.

⁹⁴ Там же. С. 122.

⁹⁵ Там же. С. 175.

утешает: автор буквально тут же говорит о философамарксистах, а затем словосочетание «марксистская философия» опять-таки без всяких оговорок употребляется чуть ли не на каждой странице.

Третья группа «опасных» друзей марксизма отстаивает взгляд, что марксистская философия, будучи в прошлом величайшим достижением человеческой мысли, к настоящему времени уже устарела и поэтому должна быть заменена новым философским учением, которое включит в себя в качестве компонента все ценное, что было в диалектическом материализме. В прямой форме это заявлено, например, в книге доктора философских наук Владимира Аполлосовича Глядкова «Феномен марксистской философии» (М., 2001).

В докладе Виктора Алексеевича Вазюлина (1932–2012) «О необходимости диалектического снятия классической исторической формы марксизма» (2004) это сказано не в такой откровенной форме: марксизм, сказано им, должен быть снят. «Появляется, — говорил он, — возможность для создания новой, более продвинутой, если можно так выразиться, формы взглядов на природу, общество и их взаимодействие»⁹⁶. Таков же взгляд его соратника Валерия Григорьевича Голобокова в книге «Логика формирующихся общественных систем» (М., 2005). «Марксизм, — пишет он, — нуждается в снятии, т. е. таком развитии, которое коренным образом преобразует его самого, сохраняя его в себе, как, например, теоретическая физика Ньютона сохраняется в теории относительности

⁹⁶ Вазюлин В. А. О необходимости диалектического снятия классической исторической формы марксизма // Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М., 2005. С. 403.

Эйнштейна»⁹⁷. Но никто из названных выше авторов так и не смог внятно сказать, какие именно главные идеи марксистской философии устарели и в чем заключается принципиально новое в философии, которую они намереваются создать.

В заключение раздела остается только вспомнить слова великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837):

Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, боже!
Уж эти мне друзья, друзья!
Об них недаром вспомнил я⁹⁸.

⁹⁷ Голобоков В. Г. *Логика формирующихся общественных систем*. М., 2005. С. 255.

⁹⁸ Пушкин А. С. *Евгений Онегин* // Соч. в 3 т. Т. 2. М., 1986. С. 247.

Глава 5

Будущее философии

1911

1. Вводные замечания

Сейчас большинство философов как на Западе, так и в России без конца твердят, что к нашему времени материализм (а следовательно, и диалектический материализм) полностью, абсолютно и навсегда опровергнут. Соответственно, полностью, абсолютно и навсегда опровергнута и теория отражения. Придерживаться материалистического взгляда на мир и познание, уверяют они, — значит безнадежно отставать от времени. И эти заклинания на многих действуют безотказно. Будучи убежденными в истинности материалистического взгляда, они боятся об этом сказать, а тем более спорить.

Принципиально нового здесь ничего нет. Это же и с той же помпой твердили философы — идеалисты и агностики ровно сто лет тому назад, в начале XX в. Об этой философской вакханалии достаточно было сказано В. И. Лениным в его «Материализме и эмпириокритицизме» (1909). И повторять все это нет смысла. Нужно лишь отметить различие между шумной антиматериалистической компанией тех лет и современной. Тогда идеалисты и агностики без конца ссылались на современное им естествознание, которое своими последними открытиями якобы полностью опровергло материализм. Сейчас ссылки на есте-

ствознание практически отсутствуют. В основном сейчас делается упор на логику, из которой — как утверждается — неопровержимо следует, что ни доказать, ни опровергнуть существование внешнего объективного мира нельзя.

Подобная перемена в способе опровержения материализма вполне понятна. На рубеже XIX–XX вв. с опровержением объективного существования внешнего мира выступили ряд крупных естествоиспытателей, в основном физиков-теоретиков, — Эрнст Мах (1838–1916), Жюль Анри Пуанкаре (1854–1912), Вильгельм Фридрих Оствальд (1853–1932). К махизму в известной степени склонялся в это время Альберт Эйнштейн (1879–1955). Лишь немногие крупные физики открыто выступили в защиту материализма. Большинство физиков, тяготея к материализму, отмалчивались. К середине XX в. и особенно к его концу практически почти никто из крупных физиков-теоретиков не стоял на позициях субъективного идеализма и агностицизма. Одним из немногих склонялся к этим взглядам, пожалуй, лишь Эрвин Рудольф Шрёдингер (1887–1961). Но он честно признавал свое одиночество в среде естествоиспытателей. Он прекрасно сознавал, что изложение его философских взглядов вызовет «сильное нападение со стороны рационалистов, т. е. со стороны большого числа моих коллег-естествоиспытателей, которые в лучшем случае скажут мне с дружески-иронической усмешкой: знаешь, дорогой, оставь нас с этим, потому что нам значительно милее все-таки исключительно близко лежащее предположение о существовании материального мира как причины наших общих переживаний»¹.

¹ Шрёдингер Э. Мой взгляд на мир. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009. С. 124.

Во второй половине XX в. естествоиспытатели, в особенности физики-теоретики, не просто утвердились на материалистических позициях, но, по сути, перешли в контрнаступление, открыто защищая материализм, теорию отражения и одновременно резко критикуя и даже едко высмеивая неопозитивистов, постпозитивистов и философствующих постмодернистов.

2. Выдающиеся естествоиспытатели XX в. в борьбе за материализм и теорию отражения

«В уме человека, — писал, характеризуя научное познание, выдающийся русский математик Владимир Алексеевич Стеклов (1863/4–1926), — создается таким путем ряд умственных образов, находящихся в однозначном соответствии с известной совокупностью вещей и явлений чувственного мира, строится изображение, особая модель внешнего мира...»²

«Первое самое общее свойство, качество ума, — говорил великий русский физиолог Иван Петрович Павлов (1849–1936), — это постоянное сосредоточие мысли на определенном вопросе, предмете... Вы понимаете, конечно, что когда ум направлен к действительности, он получает от нее разнообразные впечатления, хаотически складывающиеся, разрозненные. Эти впечатления должны быть в вашей голове в постоянном движении, как кусочки в калейдоскопе, для того чтобы после в вашем

² Стеклов В. А. Математика и ее значение для человечества. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010. С. 134.

уме образовалась наконец та фигура, тот образ, который отвечает системе действительности, является его верным отпечатком»³.

Сторонником материализма и теории отражения был Людвиг Больцман (1844–1906). «Я держусь мнения, — писал он, — что задача теории заключается в конструировании существующего исключительно в нас отражения внешнего мира... Своеобразие человеческого духа заключается именно в том, что он стремится создать себе такое отражение и все более приспособляет его к внешнему миру Первоначальная выработка и постоянное совершенствование этого отображения и являются главной задачей теории. Фантазия — ее колыбель, наблюдающий разум — ее воспитатель»⁴. Такой же была позиция выдающегося химика Якоба Генриха Вант-Гоффа (1832–1911). «Всякие принципы деления научных дисциплин, — утверждал он, — в сущности являются произвольными, ибо наука, как и природа, отражением которой она является, образует одно безраздельное целое»⁵.

В предшествующих книгах цикла (IV.14.3; V.1.2.6) уже было приведено несколько высказываний великого физика-теоретика Макса Карла Эрнста Людвиг Планка (1856–1947), в которых он подвергал критике позитивизм и отстаивал материализм. Добавим к ним еще одно, в котором раскрывается антинаучная сущность позитивистской философии. «Позитивизм, проводимый по-

³ Павлов И. П. Об уме // Неопубликованные и малоизвестные материалы И. П. Павлова. Л., 1975. С. 17.

⁴ Больцман Л. О значении теории // Больцман Л. Очерк методологии физики. М., 1929. С. 1–2.

⁵ См.: Вант-Гофф Я. Г. Очерки по химической динамике. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012. С. 11.

следовательно, — говорил М. Планк в докладе „Позитивизм и реальный внешний мир“ (1930), — отрицает понятие и необходимость объективной, то есть независимой от индивидуальности, физики. Он вынужден делать это, поскольку не признает никакой другой действительности, кроме переживаний отдельных физиков. Мне не стоит говорить, что, констатируя это, мы недвусмысленно разрешаем вопрос — достаточен ли позитивизм для построения физической науки; ведь наука, принципиально лишаящая себя предиката объективности, тем самым выносит себе приговор»⁶.

Замечательный немецкий физик Арнольд Зоммерфельд (1886–1951) так прокомментировал предисловие М. Планка к книге «Пути к познанию в физике» (1933). «В предисловии к своей книге он следующим образом сформулировал свою руководящую идею: „Задачей физики является изучение реального внешнего мира“. Это слово звучит несколько старомодно и метафизично... Но он подчеркивает, что идея о внешнем мире, подчиняющемся определенным закономерностям, совершенно необходима естествоиспытателям, и каждый новый успех подтверждает эту мысль... Вы замечаете, что эта точка зрения как раз противоположна исходной установке так называемого позитивизма. Позитивист с большим нежеланием смирится с применением выражения „внешний мир“, его мечта — уничтожение всякой метафизики... Что же касается меня, то я полностью разделяю чувства Планка... В утверждении, что законы природы независимы от нас и „долговечнее бронзы“, безусловно есть метафизическое. Позитивизм и прагматизм с пренебрежением отвергают

⁶ Планк М. Позитивизм и реальный внешний мир // ВФ. 1998. № 3. С. 124.

подобное верование, но оно является постулатом для любого исследователя»⁷.

Альберт Эйнштейн (1879–1955), который первоначально отчасти разделял взгляды Э. Маха, в последующем характеризовал его как «никудашного» философа, а его философию как «глупость» (см. IV.8.5). Именно в приверженности к позитивизму видел он причину выступления Э. Маха и В. Оствальда против учения об атомах. «Предубеждение этих ученых против атомной теории, — писал великий естествоиспытатель, — можно, несомненно, отнести за счет их позитивистской философской установки. Это интересный пример того, как философские предубеждения мешают правильной интерпретации фактов даже ученым со смелым мышлением и тонкой интуицией»⁸.

В статье «Замечания о теории познания Бертрانا Рассела» (1944) А. Эйнштейн писал, вводя понятие «объективного мира» и тем бросая открытый вызов позитивистам всех мастей: «Мы просим читателя разрешить нам на некоторое время употребление этого понятия, хотя в глазах философской полиции оно подозрительно»⁹. Закончил же он эту статью словами: «...Я не вижу никакой „метафизической“ опасности в том, чтобы включить в систему в качестве независимого понятия вещь (объект в смысле физики) вместе с ее соответствующей пространственно-временной структурой»¹⁰.

⁷ Зоммерфельд А. Пути познания в физике. М., 1973. С. 109–111.

⁸ Эйнштейн А. Творческая автобиография // Эйнштейн и современная физика. М., 1956. С. 49.

⁹ Эйнштейн А. Замечания о теории познания Бертрана Рассела // Собрание научных трудов. Т. 4. М., 1967. С. 249.

¹⁰ Там же. С. 252.

«...В наши дни преобладает субъективистская и позитивистская точка зрения, — читаем мы в письме А. Эйнштейна Морису Соловину (1938). — Сторонники этой точки зрения провозглашают, что рассмотрение природы как объективной реальности — устаревший предрассудок... Люди же поддаются дрессировке как и лошади, и в любую эпоху господствует какая-нибудь одна мода, причем большая часть людей даже не замечает господствующего тирана»¹¹.

Предельно ясно изложил А. Эйнштейн свой взгляд на мир в беседе с ирландским писателем Мэрфи (1932). На вопрос писателя, верно ли распространенное в британской прессе мнение, что он разделяет теорию, согласно которой внешний мир является производным от сознания, А. Эйнштейн дал абсолютно четкий ответ: «Ни один физик не верит, что внешний мир является производным от сознания, иначе он не был бы физиком. Не верят в то и названные Вами физики (А. Эддингтон и Дж. Джинс. — Ю. С.). Следует отличать литературную моду от высказываний научного характера. Названные Вами люди являются настоящими учеными, и их литературные работы не следует считать выражением их научных убеждений. Зачем кто-нибудь стал бы любоваться звездами, если бы он не был уверен в том, что звезды действительно существуют? Здесь я полностью согласен с Планком. Мы не можем логически доказать существование внешнего мира. Более того, Вы не можете логически доказать, что я сейчас разговариваю с Вами или что я нахожусь здесь. Но Вы знаете, что я здесь, и ни один субъективный идеа-

¹¹ Эйнштейн А. Письма к Морису Соловину // Собрание научных трудов. Т. 4. С. 555.

лист не сможет убедить Вас в противоположном»¹². И еще одно высказывание великого ученого (1931): «Вера в существование внешнего мира, независимо от воспринимающего субъекта, лежит в основе естествознания»¹³. В заключение напомним приведенное в четвертой книге цикла (IV.14.3) заявление А. Эйнштейна о том, что основная аксиома его мышления — постулат о соответствии между реальным миром и миром думающего и экспериментирующего человека.

«Естествоиспытатель, — пишет крупнейший физик-теоретик Макс Борн (1882–1970), — ...должен быть реалистом, он должен видеть в своих чувственных представлениях нечто большее, чем галлюцинации, а именно информацию, идущую от реального внешнего мира»¹⁴. Для М. Борна формулы теоретической физики в меньшей степени, чем восприятия, являются образами внешнего мира. «Их реальность того же самого типа — я имею в виду объективную реальность во внешнем мире, — как и реальность любого образа хорошо знакомых вещей, например образа человеческого тела»¹⁵. В четвертой книге цикла (II.12.2) уже было показано, как едко высмеивал этот выдающийся физик построения неопозитивистов.

Дугалд Мердок, детально исследовавший мировоззренческие и методологические воззрения Нильса Хенрика Давида Бора (1885–1962) в книге «Философия фи-

¹² Эйнштейн А. Эпилог. Сократовский диалог // Собрание научных трудов. Т. 4. С. 162–163.

¹³ Эйнштейн А. Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности // Собрание научных трудов. Т. 4. М., 1967. С. 136.

¹⁴ Борн М. Физика и метафизика // Борн М. Физика в жизни моего поколения. М., 1963. С. 207.

¹⁵ Борн М. Эксперимент и теория в физике // Борн М. Физика в жизни моего поколения. С. 144.

зики Нильса Бора», определяет его взгляды как «эмпирический реализм», под которым он понимает, по сути, материализм. «Бор, — пишет он, — ...эмпирический реалист, считающий, что присущая обыденному здравому смыслу концепция физического мира не является ни радикально ошибочной, ни противоречащей современной физике. Он полагает, что наш чувственный опыт относится к реальному миру внешних объектов, чье существование не зависит от нашего их восприятия. Этот реальный мир, общий для всех субъектов опыта, образует базис интерсубъективной коммуникации»¹⁶. В 1961 г. в разговоре с Н. Бором в Москве видный отечественный физик Евгений Львович Фейнберг (1912–2006), защищая другого нашего крупного ученого Владимира Александровича Фока (1898–1974), сказал, что последний отстаивал квантовую механику, когда на нее нападали наши философы. Реплика Н. Бора: «Философы сами по себе очень хорошие люди. Но к ним относятся с состраданием (pity) не только в вашей стране, но и всюду — в Америке, в Дании. В Дании говорят, что философ несчастный человек — он никогда ничего не узнает»¹⁷. Е. Л. Фейнберг комментирует: «Н. Бор, говоря о западных философах, имел в виду позитивистов, с которыми не соглашался»¹⁸.

Один из крупнейших современных физиков-теоретиков Стивен Хокинг писал: «Я бы назвал себя реалистом в том смысле, что признаю существование вне нас Вселенной, ожидающей, когда ее исследуют и поймут. Я считаю,

¹⁶ *Murdoch D.* Niels Bohr's Philosophy of Physics. Cambridge etc., 1987. P. 210.

¹⁷ *Фейнберг Е. Л.* Бор Нильс Хендрик Давид (1885–1962) // Фейнберг Е. Л. Эпоха и личность. Физики. Очерки и воспоминания. М., 2003. С. 294.

¹⁸ Там же. С. 302–303.

что позиция солипсиста — якобы все сущее есть наше во-
ображение — это пустая трата времени»¹⁹.

Крупнейший физик-теоретик Виктор Фредерик Вайскопф (1908–2002) писал: «...На Земле развилась жизнь в мыслящие существа. В мыслях этих существ отражается природа. Но это не простое отражение. В мозгу человека внешние впечатления не просто регистрируются, они создают представления и понятия. Это отпечатки внешнего мира в человеческом мозгу. Поэтому нет ничего удивительного в том, что после долгого периода поисков и ошибок некоторые из представлений и понятий, выработанных человеком, приближаются к фундаментальным законам, управляющим миром, и какая-то часть наших представлений правильно отражает истинное строение атомов и истинное движение звезд. Природа в образе человека начинает познавать самое себя»²⁰.

И эту материалистическую точку зрения В. Вайскопф проводит до конца последовательно. «Часто говорят, — читаем мы у него, — что атомный мир менее „реален“, чем видимый мир вокруг нас, поскольку нельзя описать атомные явления независимо от способа наблюдения, и приходится использовать двойственные описания, которые нельзя простым путем проиллюстрировать расчетами, не применяя абстрактной математики. (Далее автор приводит, а затем комментирует высказывание крупного физика-теоретика Вернера Карла Гейзенберга (1901–1976). — Ю. С.)

„Концепция объективной реальности элементарных частиц (писал В. Гейзенберг. — Ю. С.), следовательно, курьезным образом испаряется, обращаясь не в туман,

¹⁹ Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные. СПб., 2001. С. 52.

²⁰ Вайскопф В. Наука и удивительное. Как человек понимает природу. М., 1965. С. 227.

не в какое-то новое неясное или еще не постигнутое понятие реальности, а в прозрачную ясность математики, которая теперь соответствует не поведению атомных частиц, а, скорее, нашим знаниям об этом поведении»²¹.

Я (комментирует В. Вайскопф — Ю. С.) не согласен с заявлением о том, что в атомном мире существует какой-либо недостаток в реальности. В конце концов, видимый реальный мир состоит из тех же самых атомов, обнаруживающих такое странное поведение. Действительно, атомный мир отличается от нашего привычного мира сильнее, чем когда-то ожидали: он обладает более богатым набором явлений, чем можно вообразить, пользуясь классическими представлениями. Но это не делает его менее реальным... Все более глубокое проникновение в подробности происходящих в природе процессов дает нам уверенность в том, что открыто нечто, относящееся к реальному миру»²².

Для подавляющего большинства ученых понимание истины как соответствия между миром и мышлением является само собой разумеющимся. Так, например, американский физик-теоретик, нобелевский лауреат Ричард Филлипс Фейнман (1918–1988), подчеркивая, что настоящий ученый должен быть до предела честен, писал: «Мы знаем по опыту, что истина рано и поздно выходит наружу. Другие экспериментаторы повторят ваш опыт и выяснят, были вы правы или нет. Явления природы будут согласовываться с вашей теорией — или не будут»²³.

Критикуя позитивистскую и феноменалистическую позицию, Луи Виктор де Бройль (1892–1987) писал: «Она

²¹ Heisenberg W. The Representation of Nature in Contemporary Physics // Deadalus. 1958. Vol. 87. P. 100.

²² Вайскопф В. Физика в двадцатом столетии. М., 1977. С. 41.

²³ Фейнман Р. «Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман!» М., 2008. С. 470.

стремится также ослабить, если не уничтожить, понятие объективной физической реальности, независимой от наших наблюдений. Как некогда резко подчеркнул Эмиль Мейерсон, физик всегда инстинктивно является „реалистом“ в философском смысле этого слова, и сомнительно, чтобы он смог с пользой вести свою работу, отказавшись от своей веры в объективную реальность»²⁴.

«Нередко утверждалось, — говорит нобелевский лауреат, физик-теоретик Джордж Паджет Томсон (1892–1975), — что понятия теории в науке — это исключительно творения человека, а не объективная истина. Я думаю, что такая точка зрения неверна, хотя человек, разумеется, играет здесь свою роль. Мне кажется, что наука все же скорее открывает, чем изобретает, и что ученый скорее подобен Колумбу, нежели Аркрайту...»²⁵

Жесточайшей критике подверг неопозитивизм и постпозитивизм американский физик-теоретик, нобелевский лауреат Стивен Вайнберг. Одна из глав его книги «Мечты об окончательной теории. Физика в поисках самых фундаментальных законов природы» (1992) называется «Против философии». В примечании автор поясняет, что он возражает не против философии вообще, а говорит лишь о пагубном влиянии на науку доктрин позитивизма и релятивизма²⁶.

Свое философское *credo* он излагает коротко: «Конечно, у всякого физика есть своя рабочая философия. Для большинства из нас — это грубый прямолинейный реализм, т. е. убежденность в объективной реальности

²⁴ Бройль Л. де. По тропам физики // Бройль Л. де. По тропам науки. М., 1962. С. 172.

²⁵ Томсон Д. Дух науки. М., 1970. С. 12.

²⁶ Вайнберг С. Мечты об окончательной теории... С. 232.

понятий, используемых в наших научных теориях. Однако эта убежденность достигается в процессе научного исследования, а не в результате изучения философских трудов»²⁷.

С. Вайнберг полагает, что позитивизм первоначально даже принес некоторую пользу науке — А. Эйнштейну при создании им теории относительности и В. Гейзенбергу при разработке квантовой теории. Но значительно больше принес он науке вреда. «Позитивизм стал основой оппозиции атомной теории в начале XX в.»²⁸. Именно позитивистские убеждения помешали В. Кауфману открыть электрон. «Позитивизм также внес свою лепту в запутывание проблемы бесконечностей... Позитивизм сыграл также ключевую роль в борьбе против квантовой теории поля, которую вел в 1960 г. в Беркли Джеффри Чу»²⁹. Но самым драматическим отрицанием принципов позитивизма было развитие современной теории кварков³⁰.

Что же касается релятивизма, под которым С. Вайнберг понимает постпозитивистские концепции Т. Куна и П. Фейерабенда, то он — подлинный враг науки. «Не так давно, — пишет С. Вайнберг, — наука подверглась атаке со стороны недружественных комментаторов, объединившихся под знаменем релятивизма. Философы-релятивисты отрицают стремление науки к открытию объективной истины; они рассматривают ее всего еще как одно социальное явление, не более фундаментальное, чем культ

²⁷ Вайнберг С. Мечты об окончательной теории... С. 132.

²⁸ Там же. С. 139.

²⁹ Там же. С. 142.

³⁰ Там же.

плодородия или шаманство»³¹. Книгу Т. Куна «Структура научных революций» С. Вайнберг оценивает как «манифест общей атаки на предполагаемую объективность научного знания»³². В нее включились как философы, так и социологи: П. Фейерабенд, Ш. Тревик, Б. Латур, С. Вулгар, Э. Пиккеринг. Перу последнего принадлежит книга с названием «Создание кварков».

Но, как особо отмечает С. Вайнберг: «Похоже, что все эти радикальные критики науки мало влияют на самих ученых. Мне не известен ни один работающий ученый, который воспринимает этих философов всерьез. Та опасность, которую они несут науке, связана с их возможным влиянием на тех, кто сам не участвует в научной деятельности, но от кого мы зависим, особенно от тех, кто финансирует науку, а также на новое поколение ученых»³³. Эта звонкая пощечина, нанесенная подлинным ученым всем тем, кто называет себя философами науки, распространяется и на тех, кто сейчас продолжает ретиво пропагандировать эти антинаучные в точном смысле слова взгляды научной молодежи.

«Сказать, что „физическая реальность“ есть и социальный и лингвистический конструкт, — пишет уже известный нам физик-теоретик А. Сокал, — является откровенной глупостью»³⁴. Его собственный взгляд: «...Я умудренный опытом ученый, который наивно верит, что существует внешний мир, что существуют объективные истины об этом мире и что моя работа заключается в том, чтобы

³¹ Вайнберг С. Мечты об окончательной теории... С. 144.

³² Там же. С. 145.

³³ Там же. С. 148.

³⁴ Сокал А. Нарушая границы. Послесловие // Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии модерна. М., 2002. С. 222.

открыть некоторые из них...»³⁵ И конечно, он сторонник теории отражения. «Лучший способ объяснить связанность нашего опыта, — читаем мы в книге, написанной им совместно с Ж. Брикмоном, — состоит в том, чтобы предположить, что внешний мир по крайней мере приблизительно соответствует его образу, который представляется нашими чувствами»³⁶.

В упоминавшемся выше (4.2) письме десяти естествоиспытателей — действительных членов Российской академии наук — категорически сказано: «Вообще-то все достижения современной мировой науки базируются на материалистическом видении мира. Ничего иного в современной науке просто нет»³⁷.

Стоит особо обратить внимание на то, что все названные в данном разделе ученые говорят не только и не просто от собственного имени, а от лица если не всех вообще, то, во всяком случае, подавляющего числа испытателей природы. Тот факт, что большинство ученых даже на рубеже XIX–XX вв. продолжали стоять на позициях материализма, признавал и Э. Мах. В 1906 г., подводя итоги своей многолетней (с 1872 г.) борьбы с материализмом, он был вынужден признать, что среди своих сторонников и союзников он может насчитать целый ряд философов — эмпириокритиков, позитивистов, имманентов, но «очень немногих естествоиспытателей»³⁸. «...Большинство есте-

³⁵ Сокал А. Нарушая границы. Послесловие // Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии модерна. М., 2002. С. 221.

³⁶ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки... С. 55–56.

³⁷ Политика РПЦ: Консолидация или развал страны? // Здравый смысл. 2007. № 4. С. 4.

³⁸ Мах Э. Анализ ощущений и отношение психического к физическому. Изд. 2-е. [М.], [1908]. С. 20.

ствоиспытателей, — читаем мы в его работе „Философское и естественно-научное мышление“, — придерживается еще в настоящее время, в качестве философов, материализма»³⁹.

Обычно рядовые физики редко высказываются по вопросам теории познания, а если они это и делают, то еще реже это становится достоянием общественности. Но бывают и исключения. В те самые годы, когда многомудрый А. А. Богданов до небес превозносил Э. Маха, объявляя его учение философией новейшего естествознания⁴⁰, скромный российский приват-доцент Александр Николаевич Щукарев (1864–1936), который вначале тоже поддался махистскому поветрию, прочитал на физико-математическом факультете Московского университета, а затем повторил в Харьковском университете курс лекций по теории познания. В нем он четко и ясно объяснял студентам, что ничего нового в философии Э. Маха нет. «Приведенных цитат, — говорил он, — вполне достаточно, чтобы квалифицировать точку зрения Маха как принадлежащую к лагерю самого крайнего субъективного идеализма. Проф. Мах переходит даже через этот край и утверждает, что вопрос о том, существует внешний мир или он — „наша иллюзия, не более как сон“, не имеет никакого смысла, „так как самый несообразный сон есть факт, не хуже никакого другого“ и „будь наши сны правильнее и устойчивее... они имели бы для нас практически важное значение“»⁴¹.

³⁹ Мах Э. Философское и естественно-научное мышление // Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., 1909. С. 12.

⁴⁰ Богданов А. А. Вместо предисловия. Что искать русскому читателю у Э. Маха? // Мах Э. Анализ ощущений... С. 4–5.

⁴¹ Щукарев А. Н. Проблемы теории познания в их приложениях к вопросам естествознания и в разработке его методами. 2-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2007. С. 45.

В противовес Э. Маху А. Н. Щукарев отстаивал взгляд на познание вообще и научное познание в частности как на отражение в голове человека объективного внешнего мира. «Итак, — говорил он, — он существует — это прекрасный мир, полный звуков и красок, он не одна наша фантазия, не простой комплекс наших переживаний, он лежит вне нас и доступен нашему познанию»⁴². «Внешний мир, — утверждал далее А. Н. Щукарев, — один и обладает вполне определенными свойствами, наше мышление тоже, по существу, одно и обладает такими свойствами, что отдельные образы его являются однозначными отображениями первого»⁴³. К счастью, эти лекции рядового физика не пропали бесследно. Спустя шесть лет, в 1913 г., они были опубликованы под названием «Проблемы теории познания в их приложениях к вопросам естествознания и в разработке его методами».

Во второй книге цикла (II.2.8) уже приводилось мнение другого рядового физика — Д. Ю. Минина (США) о нынешней «философии науки». Как он убедительно показывает, все ее ведущие представители ничего в науке не понимают⁴⁴.

И сейчас полностью справедливы слова, сказанные В. И. Лениным более ста лет тому назад. «...Есть устой, — писал великий мыслитель, — который становится все шире и крепче и о который разбиваются все усилия и потуги тысячи и одной школки философского идеализма, позитивизма и реализма, эмпириокритицизма и проче-

⁴² Щукарев А. Н. Проблемы теории познания в их приложениях к вопросам естествознания и в разработке его методами... С. 73.

⁴³ Там же. С. 118.

⁴⁴ Минин Д. Ю. Наука в кривом зеркале: Лакатос, Фейерабенд, Кун // В защиту науки. Бюллетень 3. М., 2006.

го конфузионизма. Этот устой — *естественноисторический материализм*. Убеждение „наивных реалистов“ (т. е. всего человечества) в том, что наши ощущения суть образы объективного реального внешнего мира, есть неизменно растущее и крепнущее убеждение массы естествоиспытателей»⁴⁵.

Далее он продолжает: «Проиграно дело основателей новых философских школок, сочинителей новых гносеологических „измов“, проиграно навсегда и безнадежно. Они могут барахтаться со своими „оригинальными“ системками, могут стараться занять своих сторонников интересным спором о том, сказал ли раньше „э!“ эпириокритический Бобчинский или эмпириомонический Добчинский, могут создавать даже обширную „специальную литературу“ подобно „имманентам“, — ход развития естествознания, несмотря не все его шатания и колебания, несмотря на всю бессознательность материализма естествовников, несмотря на вчерашнее увлечение модным „физиологическим идеализмом“ или сегодняшнее — модным „физическим идеализмом“, отбрасывает прочь все системки и все ухищрения, выдвигая снова и снова „метафизику“ *естественноисторического материализма*»⁴⁶.

3. Будущее — за диалектическим материализмом

Все сказанное В. И. Лениным в полной мере относится и ко всем ныне существующим «измам»: неопозитивизму, постпозитивизму, вообще всей аналитической философии,

⁴⁵ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм... С. 372.

⁴⁶ Там же. С. 372–373.

постмодернизму и т. п. Дело их всех проиграно. Единственное отличие нынешней ситуации от той, что существовала во время, когда В. И. Ленин писал свою великую книгу, заключается в том, что естествоиспытатели стали меньше шататься и колебаться, стали превращаться во все более последовательных защитников материализма и борцов со всеми видами идеализма и агностицизма. Их материализм становится все более последовательным. Однако не до конца.

Тот же самый А. Эйнштейн, твердо отстаивая положение о том, что внешний мир существует вне и независимо от сознания человека, в то же время повторяет юмовскую формулу о невозможности это доказать. Буквально то же самое делают в своей совместной книге А. Сокал и Ж. Брикмон⁴⁷. И повторяют они это потому, что естественноисторический материализм не имеет своей достаточно разработанной теории познания. Как уже указывалось, создать подлинную последовательную материалистическую теорию познания невозможно, не вскрыв социальную природу сознания, что предполагает принятие материалистического понимания истории.

По сути, все они знают лишь один вид мышления — рассудочное, только лишь одну науку о мышлении — формальную логику. С точки зрения этой науки, бытие внешнего объективного мира действительно недоказуемо. Но кроме рассудочного мышления существует еще и разумное мышление. Не всякое разумное мышление является научным, но научное познание есть прежде всего разумное мышление. И разум как раз позволяет неопровержимо доказать, что внешний мир, который изучает

⁴⁷ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки... С. 154–155.

наука, действительно существует вне и независимо от сознания человека.

Но о существовании помимо рассудка еще также и разума естествоиспытатели в самом лучшем случае лишь догадываются. Между тем существует наука о формах и законах разумного мышления — диалектический материализм. И чтобы быть полностью вооруженными против идеализма и агностицизма, естествоиспытатели и вообще все ученые должны усвоить эту философию.

Упомянувшийся выше заголовок раздела книги С. Вайнберга «Против философии» не случаен. Он свидетельствует не только о критическом отношении автора к неопозитивизму и постпозитивизму. Суть дела в том, что С. Вайнберг вообще не знает философии, которая могла бы служить физике. О существовании диалектического материализма он даже не подозревает.

С. Вайнберг и другие естествоиспытатели видят перед собой неприглядную картину, которую представляет собой философия на Западе. И до ученых доходят истошные вопли самих же философов о неизлечимой болезни, о конце, крахе, гибели, смерти философии. И эти положения находят подтверждение в действительности. Кругом тлен, разлагающиеся трупы различных философских системок и тошнотворный трупный запах. Действительно, вся западная философия обречена на топтание на месте, на деградацию, на гибель.

Но помимо всех этих издыхающих или уже мертвых школ буржуазной философии имеется одна философская система, которая способна жить и развиваться. Это диалектический материализм. Но мало, чтобы философская система была способна к развитию, она должна и реально развиваться. В последние годы сделаны серьезные шаги

в деле обновления материалистического понимания истории. Но в области теории познания, логики и диалектики дело обстоит гораздо хуже. Импульс к развитию, который был дан Э. В. Ильенковым и его последователями, к настоящему времени во многом себя исчерпал. Нужны новые шаги. Нужно начать разработку диалектико-материалистической теории познания, диалектической логики. Только это может спасти философию. Как говорил великий британский поэт Джордж Ноэл Гордон Байрон (1788–1824):

Так будем смело мыслить! Отстоим
Последний форт среди общего паденья.
Пускай хоть ты останешься моим,
Святое право мысли и сужденья...⁴⁸

В настоящей книге и была предпринята первая за многие годы попытка разработать диалектический материализм. Насколько она удалась — судить читателям. Я ни в малейшей степени не претендую на то, что полностью решил даже те проблемы, которые рассмотрены в книге. Моя работа не более чем первый шаг, за которым должны последовать другие. Но эти шаги, чтобы быть успешными, должны лежать в русле марксистской философии. Несомненным, на мой взгляд, можно считать, что никакого другого пути дальнейшего развития философской мысли, кроме разработки диалектического материализма, не существует.

Как писал В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме»: «Единственный вывод из того разделяемого всеми марксистами мнения, что теория Маркса есть

⁴⁸ Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд Гарольда // Собр. соч. в 4 т. Т. 2. М., 1981. С. 273.

объективная истина, состоит в следующем: идя по пути марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же по всякому другому пути, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи»⁴⁹. В. И. Ленин это говорил об общественной теории, но это верно и в применении к философии в целом. Другого пути вперед, кроме проложенного К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, для философии нет. Альтернатива — топтание на месте или полная деградация.

⁴⁹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм... С. 146.

Именной указатель

- А**белев, Гарри Израилевич 147
Авенариус, Рихард (1843–1896) 52
Автономова, Наталья Сергеевна 21
Адлер, Макс (1873–1937) 43, 49–51
Аксельрод, Любовь Исааковна
(1868–1946) 58, 60, 69
Александров, Евгений Борисович 147
Алексеев, Игорь Серафимович
(1935–1988) 102
Алексеев, Николай
Илларионович 147
Алферов, Жорес Иванович 147
Антисери, Дарио 154
Ань Цинянь 103, 104
Архангельский, Александр
Николаевич 148, 150
- Б**ажанов, Валентин
Александрович 147
Байрон, Джордж Ноэл Гордон
(1788–1824) 217
Баксанский, Олег
Евгеньевич 172, 173
Барков, Лев Митрофанович 147
Батищев, Генрих Степанович
(1932–1999) 104
Бейлин, Бернард 33
Белл, Дэниел (1919–2011) 36
Берман, Яков Александрович
(1868–1933) 185
Бернштейн, Эдуард (1850–1932) 42,
46–51, 59, 185
- Бжезинский, Збигнев 38
Бибихин, Владимир Вениаминович
(1938–2004) 130
Бирнбаум, Норма 35
Блох М. 31
Богданов (Малиновский), Александр
Александрович 57, 61, 68, 77, 78,
104, 137, 185–188, 212
Больцман, Людвиг
(1844–1906) 157, 200
Бор, Нильс Хендрик Давид
(1885–1962) 204, 205
Борн, Макс (1882–1970) 204
Бохеньский, Юзеф Мария
(1902–1995) 37, 152
Бочаров, Вячеслав
Александрович 147
Брикмон, Жан 19, 20, 24, 210,
211, 215
Бродель, Фернан (1902–1985) 33
Бройль, Луи Виктор
(1892–1987) 207, 208
Бруно, Джордано
(1548–1600) 147–150
Бузгалин, Александр
Владимирович 175
Бухарин, Николай Иванович
(1888–1938) 68, 69, 80–83
- В**азюлин, Виктор Алексеевич
(1932–2012) 193
Вайнберг, Стивен 158, 208–210, 216

Вайскопф, Виктор Фредерик
(1908–2002) 206, 207

Вант-Гофф, Якоб Хендрик
(1932–1911) 200

Визгин, Владимир Павлович 157, 158

Волкогионов, Дмитрий Антонович
(1928–1995) 126

Волобуев, Павел Васильевич
(1923–1997) 106

Володин, Александр Иванович
(1933–2004) 53

Вольфсон, Семен Яковлевич
(1894–1941) 70

Вяземский, Петр Андреевич
(1792–1878) 150, 151

Гайдено, Пиама Павловна 145, 146

Галич, Александр Аркадьевич
(1918–1077) 126

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих
(1770–1831) 8, 10–12, 27, 37,
47, 60–62, 71, 73, 76, 155,
178, 184

Гейзенберг, Вернер Карл
(1901–1976) 206, 209

Гершунский Б. С. 141

Гефтер, Михаил Яковлевич
(1918–1995) 105

Гинзбург, Виталий Лазаревич
(1916–2009) 147

Глядко, Владимир Аполлосович 193

Гобозов, Иван Аршакович 20

Голобоков, Валерий
Григорьевич 193, 194

Грамши, Антонио
(1891–1937) 80–84, 88, 104, 185

Губин, Валерий Борисович 138, 139

Гурко Елена 25

Деборин (Иоффе), Абрам Моисеевич
58–60, 66, 71, 78, 98, 189, 191

Деррида, Жак (1930–2004) 20, 21, 25,
26, 137

Дицген, Иосиф (1828–1888) 41, 42,
58, 146

Дорошевич, Влас Михайлович
(1864–1922) 122

Жданов, Юрий Андреевич
(1919–2006) 98, 115

Завалько, Григорий Алексеевич 176

Земляной, Сергей Николаевич 188

Зиновьев, Александр Александрович
(1922–2006) 101, 110, 111

Зоммерфельд, Арнольд 201, 202

Ивин, Александр Архипович 152

Илларионов, Сергей Владимирович
(1938–2000) 131, 132

Ильенков, Эвальд Васильевич
(1924–1979) 18, 72, 104, 105,
115–117, 155, 161, 166, 167, 178,
179, 189, 191, 192, 217

Инге-Вечтомов, Сергей
Георгиевич 147

Кагарлицкий, Борис
Юльевич 22, 175

Карнап, Рудольф 10

Касавин, Илья Теодорович 146

Каутский, Карл (1854–1938) 43,
49–51

Ключевский, Василий Осипович
(1841–1911) 122

Коган, Леонид Александрович
(р. 1912) 66

Колганов, Андрей Иванович 175

Кон, Игорь Семенович
(1928–2011) 159, 167

Кончаловский, Андрей
Сергеевич 176, 177

Копнин, Павел Васильевич
(1922–1971) 101, 102

Коровиков, Валентин
Иванович 105, 117

Корш, Карл (1886–1961) 79, 80, 84,
88, 104, 185, 188

Крутляков, Эдуард Павлович
(1934–2012) 147

Кун, Томас Сэмюэл (1922–1996) 12,
19, 168, 209, 210, 213

Кунов, Генрих (1862–1936) 43

Курно, Антуан Огюстен
(1801–1877) 60

Кучер, Елена Николаевна 172, 173

Лабриола, Антонио (1943–1904) 43
Лакатос (Лакатош), Имре
(1922–1974) 19, 168, 213

Латынина, Алла Николаевна 155

Лафарг, Поль (1842–1911) 43, 52

Лекторский, Владислав
Александрович 143, 158–162,
164–167

Ленин, Владимир Ильич (1870–1924)
9, 41, 42, 44, 51, 53, 55, 57–59, 61,
62, 68, 69, 71, 73, 78, 89, 90, 105,
113, 129, 134, 137, 138, 146,
153–158, 161, 162, 166, 167, 170,
186, 187, 189, 191, 197, 213–215,
217, 218

Лифшиц, Михаил Александрович
(1905–1983) 104, 179

Лихачев, Дмитрий Сергеевич
(1906–1999) 124

Лосский, Николай Онуфриевич
(1870–1965) 161

Лукач, Дёрдь (Георг) (1885–1971)
72–80, 84, 88, 102, 104, 116, 185,
188–192

Любутин, Константин
Николаевич 186, 187

Макгвир Р. 31

Мамчур, Елена Аркадьевна 171

Мареев, Сергей Николаевич 72, 116,
189–192

Маркович, Михайло 102

Маркс, Карл Генрих (1818–1883) 9,
25, 28, 31–35, 37, 38, 41–44,
47–50, 52–54, 56–58, 61, 62, 71,
76, 85–87, 101, 102, 113, 114, 117,
129, 152–155, 162, 178–185,
187–189, 191, 217, 218

Мах, Эрнст (1838–1916) 52, 157, 158,
198, 202, 211–213

Межуев, Вадим Михайлович
116, 117, 155, 180, 181,
183–185, 190

Мелихов, Александр 156

Мердок, Дугалд 204

Меринг, Франц (1846–1919) 42

Мещеряков, Александр Иванович
(1923–1974) 115

Мигдал, Аркадий Бейнусович
(1911–1991) 118

Микешина, Людмила
Александровна 153

Минин Д. Ю. 66, 213

Миронов В. М. 185

Михайлов, Феликс Трофимович
(1930–2006) 116, 178, 179

Молодцов, Василий Сергеевич
(1900–1985) 116

Мотрошилова, Нели Васильевна 152

Муравьев, Юрий Алексеевич
(1938–2010) 140

Науменко, Лев Константинович 18,
21, 22, 117, 175

Некрасов, Николай Алексеевич
(1821–1877/78) 122, 123

Никандров, Николай Дмитриевич 146

Никифоров, Александр
Леонидович 13, 14, 133, 146,
168–170

Нилогов, Алексей Сергеевич 136

Ницше, Фридрих (1844–1900) 15, 18,
25, 185

Огурцов, Александр
Павлович 72, 132

Ойзерман, Теодор Ильич 144, 180

Осипов, Юрий Сергеевич 146

Оствальд, Вильгельм Фридрих
(1853–1932) 156–158, 198, 202

- Павлов (Досев), Тодор**
(1890–1977) 98
- Павлов, Иван Петрович
(1849–1936) 199, 200
- Петрович, Гайо 102
- Планк, Макс Карл Эрнст Людвиг
(1858–1947) 200, 201, 203
- Плеханов, Георгий Валентинович
(1856–1918) 43, 50, 53, 58–61,
153, 186, 187, 189, 191
- Покровский, Михаил Николаевич
(1865–1932) 55
- Поппер, Карл Раймунд (1902–1994)
11–13, 19, 35, 116, 129, 133, 168
- Примаков, Евгений
Максимович 126, 127
- Пуанкаре, Жюль Анри
(1854–1912) 156, 157, 198
- Путин, Владимир Владимирович 147
- Пушкин, Александр Сергеевич
(1799–1837) 194
- Пятигорский, Александр Моисеевич
(1929–2009) 27, 28
- Ракитов, Анатолий Ильич** 111, 112,
140, 167
- Рассел, Бертран Артур Уильям
(1872–1970) 154, 161, 202
- Реале, Джованни 154
- Реваи, Йозеф (1898–1959) 80
- Рейхенбах, Ганс (Ханс)
(1891–1953) 11
- Роджерс, Джеймс Торолд
(1823–1880) 30
- Романов В. Л. 138
- Рорти, Ричард (1931–2007) 16, 17, 26
- Рохас, Карлос Антонио Агирре 36
- Рудаш, Ласло (1885–1950) 78, 189
- Руднев, Вадим Петрович 129, 136
- Руткевич, Алексей Михайлович 152
- Рютин, Мартемьян Никитич
(1890–1937) 91–94
- Садовничий, Виктор Антонович 146
- Садовский, Вадим Николаевич 186
- Садовский, Михаил
Александрович 147
- Сарабьянов, Владимир Николаевич
(1886–1952) 67
- Свасьян, Карен Араевич 25, 133, 141
- Сельвинский, Илья (Карл) Львович
(1899–1968) 97
- Скворцов-Степанов, Иван Иванович
(1870–1928) 66
- Смит К. Ю. М. 163, 164
- Сокал, Ален 19, 20, 24, 210, 211, 215
- Солсо, Роберт 163
- Сорокин, Питирим Александрович
(1889–1968) 129
- Сталин, Иосиф Виссарионович
(1879–1953) 55–58, 89–96, 99,
117, 125, 145, 189
- Стеклов, Владимир Андреевич
(1861–1928) 199
- Стёпин, Вячеслав Семенович 143–145
- Стоянович, Светозар 102
- Струве, Петр Бернгардович
(1870–1944) 52
- Тарле, Евгений Викторович**
(1975–1955) 29–31
- Ткачев, Петр Николаевич
(1844–1886) 122–124, 128, 130
- Тойнби, Арнольд Джозеф
(1889–1971) 129, 133–135
- Толстой, Алексей Константинович
(1817–1875) 125, 127, 128
- Томсон, Джордж Паджет
(1892–1975) 157, 208
- Тош, Джон 34, 35
- Троцкий (Бронштейн), Лев
Давидович (1879–1940) 89, 94,
95, 122
- Трубников, Николай Николаевич
(1929–1983) 104
- Тулмин, Стивен Эделстон
(1922–2009) 19

Уестман Р. Е. 150

Учайкин, Владимир Васильевич 147

Уэссман Дж. У. 31

Февр, Люсьен (1878–1956) 134–136

Федотов, Георгий Петрович
(1886–1951) 88, 89, 91

Фейерабенд, Пол (Пауль)
(1924–1994) 12, 16, 19, 168, 209,
210, 213

Фейнберг, Евгений Львович
(1912–2006) 205

Фейнман, Ричард Филлипс
(1918–1988) 207

Филатов В. П. 151

Фок, Владимир Александрович
(1898–1974) 205

Фоллмер Герхард 174

Форлендер, Карл (1860–1928) 49

Хеллер, Агнесс 24, 25

Хокинг, Стивен 205, 206

Цеттербаум, Макс 45, 46, 51

Чаадаев, Петр Яковлевич
(1794–1856) 122

Черепашук, Анатолий
Михайлович 147

Шевченко, Владимир
Николаевич 114

Шопенгауэр, Артур (1788–1860) 11

Шпенглер, Освальд (1880–1936) 25,
129, 133, 134

Шрёдингер, Эрвин Рудольф
(1887–1961) 198

Штерн, Якоб 44, 45, 51

Щедровицкий, Георгий Петрович
(1929–1994) 102, 104

Щукарев, Александр Николаевич
(1864–1936) 212, 213

Эйнштейн, Альберт
(1979–1955) 194, 198, 202–204,
209, 215

Энгельс, Фридрих (1820–1895) 28,
37, 38, 41, 43, 44, 47–50, 53, 58,
60–62, 71, 73, 74, 76, 86–88, 114,
129, 152–154, 161, 162, 179,
181–184, 218

Юркин, Валентин 176

Яковлев, Александр Николаевич
(1923–2005) 126

Яхот, Игоша (Овший Овшиевич)
(1919–2003) 72, 89

Яцкевич, Владислав 177, 178